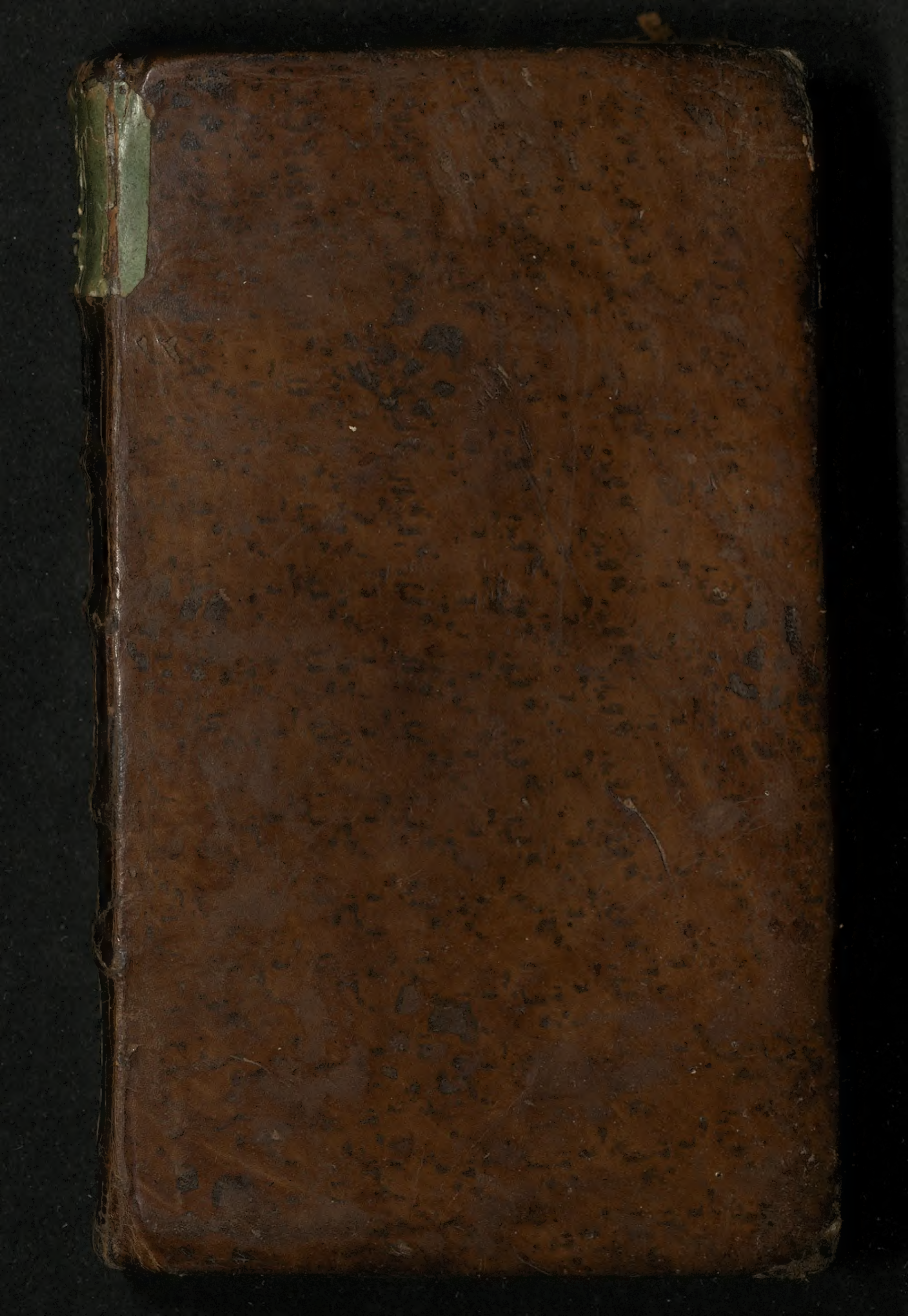

ЗАЛА 18.
ШКАФЪ 44.
ПОЛКА 7.
№ 55.

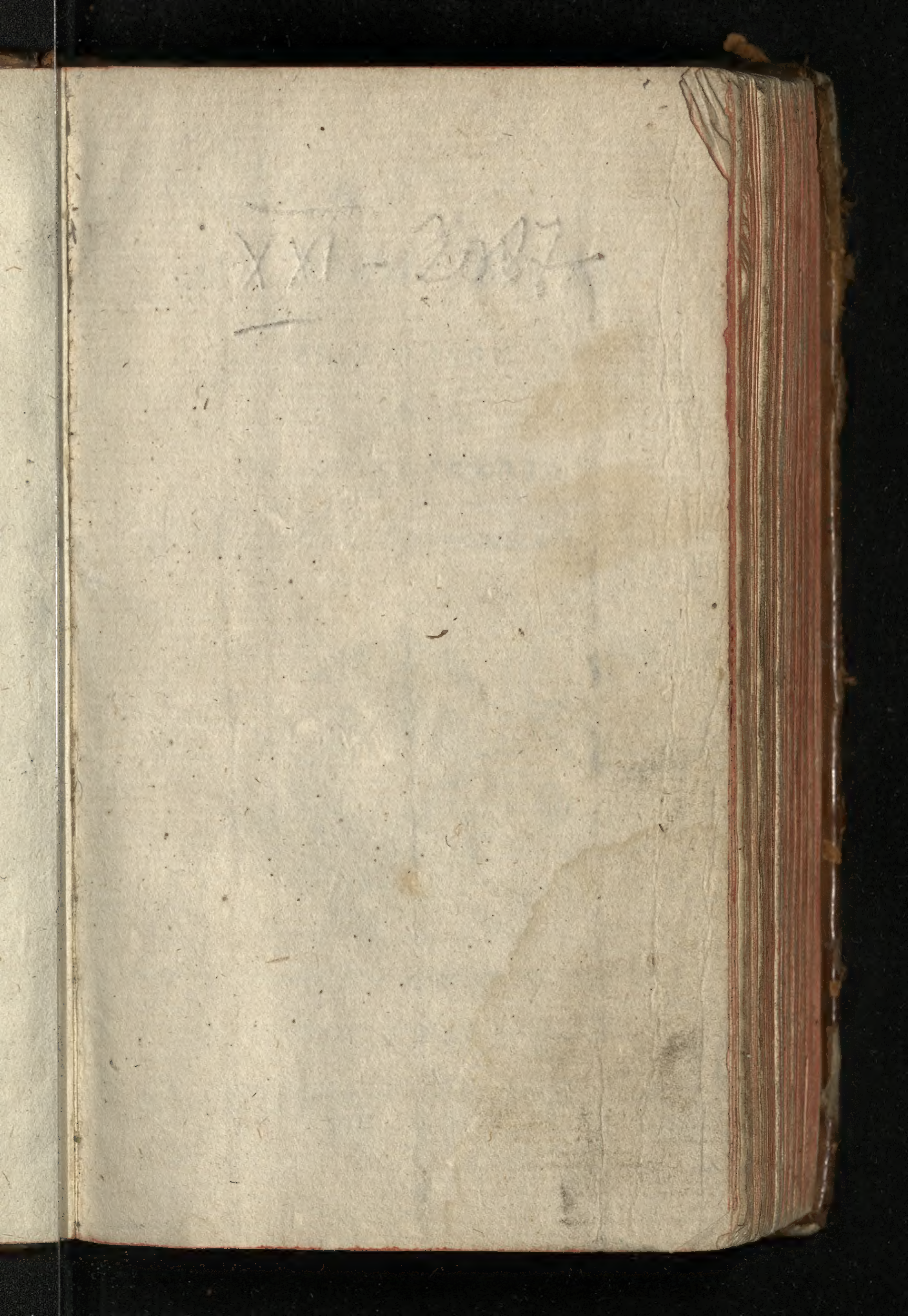
617

[illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]
1798го Году

~~96977~~

XXI-2087

XXI - 2087

617

Б. Л. 613 №5

137/23

КНИГА ЯЗЫКЪ;

переведена

съ

Французскаго

Сергѣемъ Волчковымъ.

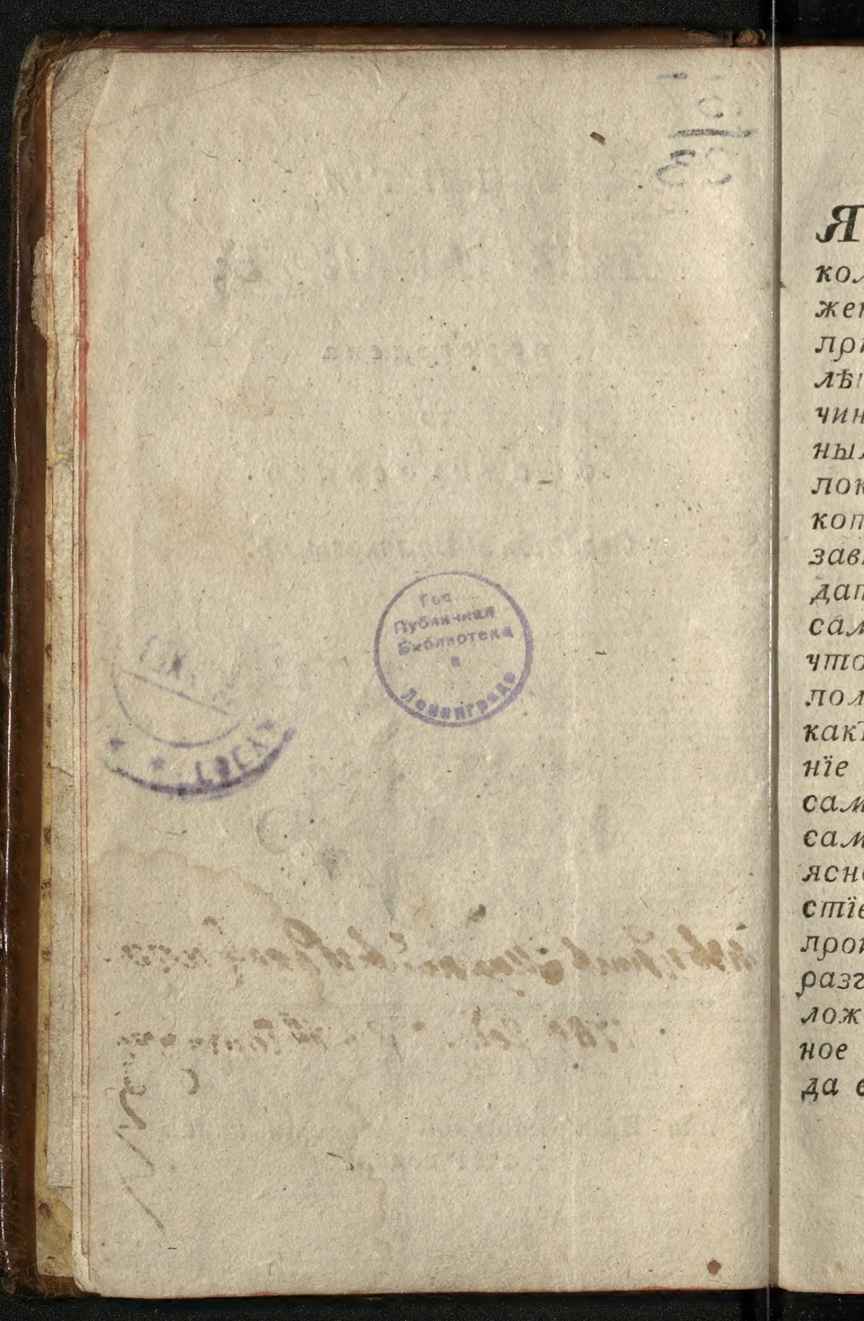

ГОСУД. ПУБ... БИБЛИОТЕКА ДУБЛЕТ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи наукъ

1781 года.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

ПРЕДЪИЗВѢЩЕНІЕ

Сочинителево.

Я предпріялъ сей трудъ въ такомъ намѣреніи, чтобъ предложеніемъ полезныхъ правилъ и примѣчаній, кои чрезъ многія лѣта съ великимъ прилѣжаніемъ чинилъ, сообщая купно собственныя мои объ оныхъ разсужденія, показать свѣту прямую пользу, которая отъ наблюденія ихъ зависитъ. Кто старается обладать своимъ языкомъ, тотъ самъ легко примѣтить можетъ, что къ сохраненію нашего благополучія ничто столь не нужно, какъ воздержаніе языка. Сіе мнѣніе паче всего подтверждается самымъ искусствомъ, и всякъ самъ къ себѣ примѣняющійся ясно понять можетъ, что счастіе и злополучіе человѣческое происходятъ отъ обхожденія и разговоровъ съ людьми, въ коихъ ложное разсужденіе, и неправедное о другихъ мнѣніе почти всегда великое участіе пріемлютъ.

)(2 Языкъ

ПРЕДЪИЗВѢЩЕНІЕ.

Языкъ есть вождь, направляющій человѣка разными стезями во всѣ стороны, которой иногда заблуждая препинаетъ путь къ счастію, а иногда слѣдуя самъ по правому пути, приводитъ къ желаемому концу наши намѣренія. Хотя сей членъ весьма малую часть тѣла составляетъ; однакожъ всѣмъ человѣкомъ какъ руль кораблемъ, по волѣ своей управляетъ, коимъ самимъ долженъ всегда повелѣвать разумъ, яко главной правитель всѣхъ склонностей и страстей человѣческихъ. Удаленіе отъ безумныхъ и пустыхъ рѣчей, честное обхожденіе съ благоразумными и добродѣтельными, и собственное воздержаніе отъ непристойныхъ поступокъ; само собою откроютъ истинное правило здраваго нравоученія, по которому всякой избирать можетъ, чему слѣдовать и чего убѣгать должно. Естьли же кто сію книгу читать бу-

дѣтъ

детъ для одной только критики и переговоровъ, тому оная не столько къ наставленїю, сколько къ предосужденїю послужитъ. Стараться о пользѣ похвально; напротивъ того препятствовать въ томъ другимъ безчестно и поносно, когда кто ни о своей пользѣ, ни ближняго, самъ радѣть не хочетъ. Такого по справедливости можно почесть за болящаго, которой страдая самъ въ неизлѣчимой болѣзни, отъ нетерпѣливости думаетъ облегчить свою скорбь тѣмъ, когда съ нимъ купно и другїе люди для компанїи захвораютъ. Но для излѣченїя зараженаго такимъ мнѣнїемъ больнаго, употребить можно сїе общее, и всѣмъ нужное лѣкарство: Знай и смотри себя: ежели книга худа, исправь, или здѣлай самъ лучше.

РЕЭСТРЪ ГЛАВАМЪ.

) o (

КНИГА

ЯЗЫКЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
О ОБХОЖДЕНІИ.

Прáвило перьвое.

Обхожденіе приводитъ науку въ совершенство, и творитъ пріятною.

Разсужденіе.

Нѣтъ скучнѣе такого ученаго человѣка, которой всю свою жизнь во уединеніи препровождаетъ, и ни малаго обхожденія не имѣя, по случаю въ такую компанію придетъ, гдѣ люди разумные, политичные и обходительные.

Тамъ будучи онъ ни слóва не говоритъ, а естьли что и скажетъ, такъ съ великимъ размышленіемъ, безъ всякой пріятности, съ замѣшательствомъ, дико и всѣмъ странно. Или ужѐ въ обхожденіе умнаго свѣта не

мѣшаться, или вступивши во оной всѣ тѣ способы употреблять, которыхъ сіе пріятное обходительство требуетъ. Учись, когда хочешь, непостижимымъ тайностямъ Метафизики въ твоей каморѣ; только въ знатной компаніи съ несомнѣннымъ упованіемъ ихъ не предлагай, и напрасно не надѣйся, будто люди съ такимъ же вниманіемъ и прилѣжностію будутъ слушать, съ какимъ усердіемъ ты ихъ проповѣдуешь. Буде же объ нихъ людямъ необходимо предложить желаешь, то учись такъ чисто реченныя Метафизическія тайности, или подобные имъ секреты предлагать, чтобъ оные больше того прилѣжанія не требовали, сколько для нихъ въ такихъ случаяхъ употребить можно, гдѣ къ свободѣ рожденные, и оную весьма любящіе нравы долговременнаго разговору безмѣрно боятся, и всякаго прилѣжно опасаются. Ежели я компанію разговорами моими утружду, то чрезъ сіе всѣ мои разговоры уничтожатся, сколь бы оные хороши ни были. Кто въ компаніи быть хочетъ, тому надобно обходительну быть; а обходительнѣйшимъ тотъ становится, кто часто въ компаніи и собраніяхъ бываетъ.

ваетЪ. Обходительство есть наиболь-шая книга всего свѣта, которая людей тому учитЪ, какЪ другія книги употреблять. БезЪ обхожденія вся наука пуста и ни малой пріятности не имѣетЪ.

Ученіемъ умножаются природныя дарованія, а обхожденіе производитЪ ихЪ вЪ дѣйство. Самые ученые науку свою симЪ обходительствомЪ вЪ совершенство приводятЪ, для того что они имѣютЪ случай кЪ познанію и рѣшенію многихЪ и такихЪ трудностей, о которыхЪ бы вЪ домѣ, или вЪ кабинетѣ своемЪ сидящей человѣкЪ никогда не подумалЪ. Мнѣ самому будучи вЪ компаніи часто случалось внутренне видѣть незнаніе мое такой правды, о которой я думалЪ, что оную во уединеніи моемЪ довольно позналЪ. Ежели человѣкЪ одинЪ чему нибудь научился, то ему лучше и надежнѣе всего, чтобЪ труды свои для пересмотру и исправленія другимЪ вЪ ученіи и практикѣ искуснѣйшимЪ себя показать, вѣдая и принимая за подлинную истинну, что разговорЪ сЪ умными и учеными людьми такая школа, гдѣ человѣкЪ сЪ веселіемЪ то у другихЪ переиметЪ, чему они чрезЪ нѣсколько

лѣтъ и съ великимъ трудомъ научились.

Правило 2.

Чемъ больше дашь способу другимъ ко угожденію въ компаніи, тѣмъ больше угодишь, и самъ имъ понравишься.

Разсужденіе.

Человѣкъ чрезъ то способъ другимъ ко угожденію въ компаніи подаетъ, когда имъ поводъ или случай дастъ къ показанію природныхъ, или наукою полученныхъ ихъ талантовъ. Умному человѣку не много толкуй, но въ половину объяви, что бы онъ достальное самъ угадывалъ. Сія поступка покажетъ, что ты объ немъ доброе мнѣніе имѣешь, а самолюбивому человѣку на свѣтѣ милѣе того нѣтъ. Хотя человѣкъ показаніемъ компаніи высокаго своего ума съ великими науками угождаетъ, и въ почтеніе себя нѣкоторымъ образомъ приводитъ; однако тѣмъ же самымъ способомъ и въ ненависть притти можетъ. Ибо которые слушаютъ, тѣ превозвышающаго ихъ не любятъ, а умной показаніемъ того довольствуется, что ученые и искусные люди учителей не любятъ;

а тебѣ лучше молчать съ упованіемъ, что говорящіе съ тобою многому тебя научить могутъ. Ежели историческое или другое знатное обстоятельство сказываютъ, а особливо когда знатная персона сіе объявляетъ, то лучше съ прилѣжаніемъ слушать, нежели перервавши рѣчь, или вступивши во оную, показать знаніе свое. Ежели рѣчь перебьешь, то говорящаго опечалишь, а буде терпѣливно слушаешь, то онъ въ пріятномъ о себѣ мнѣніи останется, будто ты предлагаемаго имъ не знаешь. Ты тѣмъ довольствуйся, что молчаніемъ своимъ большее удовольствіе ему причинишь, нежели показаніемъ лучшаго своего о семъ дѣлѣ знанія. Весьма того берегись, чтобъ тебѣ передъ другими разумнѣйшимъ и искуснѣе ихъ не показаться, и рѣчей ихъ своими словами отнюдь не заминай и не тѣсни, но всевозможной имъ способъ къ показанію себя по желанію ихъ давай, а сею учтивою поступкою покажешь, что главное удовольствіе компаніею въ томъ состоитъ, ежели человѣкъ такою основательною надеждою ласкать себя можетъ, что другіе люди имъ довольны.

Правило 3.

Человѣку надобно разговоромъ своимъ такъ обладать, что бы онъ не сердился, и себя не безпокоилъ, когда другїе рѣчь его перебьютъ.

Разсужденїе.

Человѣкъ долженъ въ такомъ намѣренїи съ другими говорить, чтобъ ихъ увеселить, или весьма искуснымъ и учтивымъ образомъ научить, а ежели онъ подлинно такъ поступитъ, то почто ему за пресѣченїе рѣчей своихъ сердиться: да лучше вѣрить, что другїе сїе дѣлаютъ, для произведенїя радости, или наставленїя ихъ въ лутчее совершенство. Хотябъ и то случилось, что люди нечаянно рѣчь твою перебьютъ, такъ какое тебѣ отъ того зло? Самые пересѣкатели твоего разговора справедливость тебѣ отдадутъ; терпѣливость твоя съ молчанїемъ большее почтенїе получитъ, нежели бы всѣ искуснѣйшїе и премудрые твои разговоры. Человѣку рабомъ и невольникомъ разговоровъ своихъ быть не должно, но всегда и такъ ими обладать надлежитъ, чтобъ по случаю и обстоятельствамъ компанїи оныя употреблять. Правда, что

что сіе не легко, однакожъ человѣку исполнять можно, ежели суета и тщеславіе сему не противятся.

Правило 4.

Прекратя рѣчь помолчи, для усмотрѣнія не станетъ ли тотъ еще чего говорить, которой передъ тѣмъ рѣчь свою продолжалъ?

Разсужденіе.

Берегись, чтобъ говорящимъ на носъ не набѣжать, то есть у такихъ рѣчи не перебить, которые скоро говорятъ. Иной бы и больше говорилъ, ежелибъ ему время дали начатой свой разговоръ окончать, и для того въ наибольшихъ компаніяхъ великія несовершенства бываютъ, а отъ того, что всякъ умъ свой разговорами показать несытно желаетъ, не дождався пока другіе выговорятъ, и рѣчь свою окончаютъ. „Въ сей школѣ обхожденія съ „людьми многажды примѣчена такая „погрѣшность, что человѣкъ, вмѣсто „познанія другихъ по разговорамъ ихъ, „больше о томъ старается, какъ бы „собственнымъ языкомъ себя показать, а при томъ болѣе иныхъ „учить, нежели самому отъ другихъ „научиться„.

Я для убѣжанія сего грубаго порока, говорящему съ охотою время на окончаніе рѣчи его дамъ, а во оную отнюдь вступать не буду, въ той надеждѣ, что ежели мнѣ только того желать, дабы тотчасъ послѣ его говорить, то я никогда противъ его рѣчи исправно отвѣчать не буду; ибо какъ я не далъ время ему выговорить, то и всего его разговору обстоятельно знать не буду, и ничего кромѣ пложенія своей рѣчи не желая, силы и склоненія рѣчей его познать не могъ.

Сїе подлинно, что языкомъ своимъ перьвой рангъ получить желающїе, послѣднихъ словъ того человѣка отнюдь не примѣчаютъ, которой передъ ними говорилъ, а для того не знаетъ, и подумать времени не имѣетъ, какъ ему говорить, и что на тѣ слова отвѣчать.

Пра́вило 5.

Ежели человѣкъ вопросу не выслушаетъ, и обстоятельно не выразумѣетъ, то никогда на оной исправно отвѣчать не можетъ.

Разсужденїе.

Отъ невнятности приходитъ затмѣнїе и замѣшательство во всей компанїи.

паніи. Ибо хотя человѣкъ не внимая рѣчей другова въ половину слушаетъ, однакожъ къ отвѣту съ такою надежностью спѣшитъ, будто бы онъ все говоренное точно слушалъ, и подлинно помнитъ, и отъ того безпрестанное замѣшаніе бываетъ, по извѣстной пословицѣ;

Я его спрашиваю про Ѳому,
А онъ мнѣ отвѣчаетъ про Ерему.

Часто сіе въ компаніяхъ бываетъ, что иные отъ задумчивости, а другіе отъ неразсудительной скоропостижности весьма странные вопросы дѣлаютъ, и удивительные отвѣты даютъ, чего умному и благовоспитанному человѣку весьма храниться, а при томъ рачительно слушать должно, что говорятъ, дабы самому учиться, и другимъ не надокучить. Да емужъ должно другова и весьма обыкновеннаго пороку беречься, то есть, за другова не говорить, кто самъ предлагать, и за себя отвѣчать имѣетъ, для того что чрезъ сіе можетъ ему и слушающимъ такое подозрѣніе податься, будто онъ о себѣ говорить не умѣетъ, а я себя самохваломъ учиню. Въ отвѣтахъ моихъ напрасныхъ словъ не-

распространяю, по слову умнаго человѣка: Центръ твоего отвѣта долженъ въ томъ состоять, чего вопрошающей вѣдать желаетъ. Какъ въ компанiи ничего ученаго говорить не надобно, такъ ничего на удачу и безъ разсужденiя врать не надлежитъ.

Прáвило 6.

Повѣренность и откровенное дружество больше ума и наукъ въ компанiи къ разговорамъ способу подаетъ.

Разсужденiе.

Человѣкъ въ повѣренности и дружбѣ съ большею смѣлостiю, и безъ опасенiя говоритъ, тайну и дѣла свои другъ другу со взаимною искренностiю и такимъ теченiемъ разговоровъ открываетъ, что сей прiятной бесѣды ничто пресѣчь не можетъ. Ежелижъ человѣкъ умъ свой показать захочетъ, а при томъ думаетъ, какъ бы лучше и умнѣе сказать, то отъ сего разговоры тотчасъ пресѣкутся, и сохнутъ; чего ради дружескiя и простыя рѣчи лучше и прiятнѣе умныхъ, ученыхъ и нáрочно вымышленныхъ разговоровъ.

Прáвило

Правило 7.

Ежели кто въ компаніи промолвится, или что худо скажетъ, того отнюдь высоко не подымать, не пересмѣхать, и изъ того комедіи не дѣлать.

Разсужденіе.

Съ какимъ бы я вниманіемъ въ компаніи ни сидѣлъ, однакожъ ничего того съ строгостію не слушаю, въ чемъ другіе промолвятся. Компанія есть свободное обхожденіе, гдѣ на малыя, а особливо неважныя вещи смотрѣть и изъ оныхъ суднаго дѣла производить не надобно, но лучше ихъ безъ критики и переговоровъ мимо ушей пускать, для того что оныя съ проста, и безъ всякаго намѣренія сказаны.

Правило 8.

Ежели ты въ компаніи, то думай, что въ шахматы играешь, а не смотря игры ни за пѣшекъ не принимайся.

Разсужденіе.

Гдѣ компанія печальна, туда шутить не ходи; а гдѣ молодые люди, тамъ нравоучительныхъ предикъ не

говори, для того, что они кромѣ веселія и забавъ, ни о чемъ слышать не хотятъ. Веселой компаніи ни ужасными, ни грубыми разговорами не стращай, и не разгоняй. При такихъ людяхъ поэзіи отнюдь не поноси, которыя стихотворство любятъ, и оному искусны. Въ компаніи лучше о томъ говорить, что людямъ пріятно, а не о такихъ дѣлахъ, которыя мнѣ угодны. Кто о противномъ компаніи станетъ говорить, тотъ и самъ противенъ будетъ. Съ неученымъ и незнающимъ ни о какихъ наукахъ не разговаривай, для того что онъ твоимъ наукамъ ни малой хвалы и чести не учинитъ.

Правило 9.

Не всегда о себѣ говорить.

Разсужденіе.

Кто въ компаніи безпрестанно о себѣ говоритъ, тотъ подаетъ причину думать, что онъ кромѣ себя никого не любитъ, и ничего на свѣтѣ не почитаетъ, а чрезъ то въ крайнюю у всѣхъ ненависть, и совершенное презрѣніе придетъ. Нахалы и неучтивые ни о комъ кромѣ себя въ компаніи не говорятъ, а при томъ

томъ желаютъ, чтобъ и другіе ни о чемъ кромѣ ихъ же разговоровъ не имѣли. Ежели ты въ людяхъ, то ни великаго шуму, ни безпокойства хозяину и компаніи ни причиняй. Я никогда о себѣ говорить не люблю; ибо ежели хорошее скажу, то мнѣ не повѣря смѣяться станутъ, а буде что худое стану говорить, то другіе подумаютъ, будто я сіе съ такого лукавства дѣлаю, чтобъ они мнѣ въ томъ спорили, а въ прочемъ для чего мнѣ самому о себѣ худо говорить? Ежели я что доброе здѣлаю, то ужъ люди всеконечно зла о мнѣ не скажутъ, да хвалить меня будутъ, а мнѣ ужѐ самому что про себя говорить, когда я себя ни хвалить, ни поносить не желаю?

Пра́вило 10.

Великой къ сему мудрости, осторожности, искуства и храненія потребно, кто о комъ въ его присутствіи говорить хочетъ.

Разсужденіе.

Для сего то о присутствующихъ надобно говорить, подъ именемъ мертвыхъ или отсутствующихъ. Симъ образомъ можно хвалить безъ виду

хвалы, или учинить выговоръ безъ обиды, или напослѣдокъ дать совѣтъ, не трогая высокоумія и гордости ихъ.

Правило 11.

Кто суеты и тщеславія не имѣетъ, тотъ обыкновенно мало говоритъ.

Разсужденіе.

Не безъ справедливости сіе дѣлается, что надмѣру велерѣчивыхъ людей въ гордости и суетѣ обвиняютъ. Для чего бы имъ такъ много говорить, ежелибъ они не надѣялись, что другіе ихъ съ прилѣжаніемъ и охотою слушать будутъ. Я такъ не великое мнѣніе о себѣ имѣю, что никогда за нужнаго актора въ компаніи себя не признаваю. А кто обо мнѣ думаетъ, что я много говорю, тѣмъ всѣмъ охотно позволяю, не только словъ моихъ не слушать, но и бѣгать меня какъ такого человѣка, которой все спокойство компаніи нарушить можетъ. Я же усердно желаю, и всѣмъ даю волю, не только въ исправленіи, но въ учиненіи меня скромнымъ, молчаливымъ и разумнѣй-

зумнѣйшимъ. Рѣдко кто въ многословіи грѣха избѣжать можетъ, и для того я лучше молчу, а особливо въ такомъ случаѣ, когда меня къ разговорамъ, и слѣдственно къ показанію чрезъ оные лишняго ума никто не принуждаетъ.

Правило 12.

Такъ говори, чтобъ твои слова разумѣли и слушали.

Разсужденіе.

Чистота въ разговорахъ значитъ чистоту въ разумѣ; а обое сіе компанію пріятною творитъ, для того что всѣ твои слова разумѣютъ. Человѣку лучше молчать, нежели невнятно и невразумительно говорить. Говорящей долженъ на другихъ съ примѣчаніемъ смотрѣть; ибо онъ для того говоритъ, чтобъ люди его слушали, а кто съ замѣшательствомъ и невнятно говоритъ, тотъ слушателей такъ утруждаетъ, что они его не ушми, но глазами слушаютъ. Неизвѣстными и мало употребительными словами говорить отнюдь непристойно, и компаніи безмѣрно трудно, а такіе люди весьма уже несносны, которые одной рѣчи не докон-

чавъ,

чавъ, за другую хватаются, и слѣдственно всѣ свои разговоры безъ конца оставляютъ.

Правило 13.

Весьма берегись, дабы тебѣ въ компанїи такимъ оригиналомъ не здѣлаться, котораго копїею быть стыдно.

Разсужденїе.

Такихъ курїозныхъ оригиналовъ въ компанїяхъ очень много бываетъ, которые съ чужестранныхъ языковъ во употребленїе принятыя слова, весьма развращенно говоря, не къ времени и не къ стати, почти во всякую рѣчь приплетаютъ, думая тѣмъ у незнающихъ особливую себѣ честь получить, но вмѣсто почтенїя отъ знающихъ въ посмѣянїе и ругательство себя приводятъ. Другими оригиналами тѣ себя дѣлаютъ, которые къ самой груди того подходятъ, съ кѣмъ говорятъ, и почти въ самой его носъ лбомъ своимъ такъ утыкаются, что все его лицо слюнами забрызжутъ; а ежели слушающей отъ нихъ отступаетъ, то они отъ часу ближе къ нему подаются, а при

томъ за пуговицу взявши кричатъ: да слушайка! и съ тѣмъ въ самой уголъ человѣка загонятъ. Кто выговоря слово самъ прежде всѣхъ смѣется, тотъ неменьшей прежнихъ оригиналовъ. Сіи хохотуны, какъ видно, тщатся свои хорошіе зубы или во рту пятна показать.

И такимъ людямъ не надобно послѣдовать, которые ни чьихъ и никакихъ умныхъ въ компаніи разговоровъ не слушаютъ, но въ великой задумчивости на тросгь свою зубами опершись, или на столъ обѣими локтями положась сидятъ, также по тореламъ вилками планы рисуютъ. Сія чрезвычайная задумчивость значитъ отсутствіе ума, или небреженіе въ собраніи находящихся. Такіе задумчивые въ компаніи весьма скучны и смѣшны. А въ теченіи сея книги, о подобныхъ симъ разнаго роду людяхъ пространнѣе объявится.

Пра́вило 14.

Языкъ произносящей безчестныя слова̀ значитъ поврежденное и развращенное сердце.

Разсужденіе.

Какъ можно честному и добродѣтельному человѣку надмѣру смѣлые разго-

разговоры, безчестные обиняки, и безстыдныя слова слушать, не имѣя омерзѣнія, а иногда и злобы на произносящихъ оныя? Какъ добросовѣстному нраву не подумать, что въ сердцѣ тѣхъ ни малой чистоты душевной нѣтъ, которыя такія бесчестныя рѣчи изъ нечистаго рта выпускаютъ? Непорочное состояніе пороковъ, а чистая жизнь нечистоты терпѣть не можетъ. Все нечистое ей противно, чувствительно и мерзско. Слова изобразуютъ мысль, а рѣчи въ такомъ случаѣ за дѣла почитаются. Трудно такимъ людямъ добродѣтель свою съ непорочностью цѣлу и невредиму, а скромность свою со стыдѣніемъ безъ преткновенія сохранить, которые такихъ душевредныхъ, и сердце моровою язвою заражающихъ разговоровъ слушаютъ; а напослѣдокъ по человѣческой слабости и сами чувствительными мыслями будучи возбуждены, могутъ поползнуться ко удовольствію чувствъ своихъ тѣми забавами, которыя имъ отъ боронительныхъ имѣ и къ соблазну силою влекущихъ словъ воображены.

Правило 15.

Никогда и ни о чемъ такихъ не спрашивай, которые тебѣ отвѣчать не могутъ.

Разсужденіе.

Въ случающихся вопросахъ сіе за обыкновенное правило хранить должно, дабы ни о чемъ неизвѣстномъ у людей не спрашивать. Сею предосторожностію человѣкъ самъ научится, и наставляющимъ его удовольствіе причинитъ. Безъ нужды и случая, славу и честь другова отнюдь поносить не должно, вѣдая, что потеряніе сего сокровища весьма чувствительно, а при томъ невозвратно, и едвали чѣмъ награждено быть можетъ.

Правило 16.

Смѣшной тотъ стыдъ, которой человѣка удерживаетъ отъ вопросовъ, для ученія и наставленія о незнаемомъ.

Разсужденіе.

Въ томъ никогда стыдиться не надобно, чего человѣкъ не знаетъ; а въ сообщеніи другимъ неизвѣстна-

го, отнюдь упрямиться, и тѣмъ гордиться не должно. Какой и тому стыдъ, кто изъ темноты невѣденія на свѣтъ разума вытти желаетъ. Тотъ никогда искусенъ не будетъ, кто надмѣру умнымъ и искуснымъ себя скажетъ.

Пра́вило 17.

Безмѣрное хваленіе открываетъ слабость ума, и вредитъ славу того, которой не знаетъ, что говоритъ и хвалитъ.

Разсужденіе.

Ежели младенецъ до самаго пришествія въ возрастъ, ни одного ординарнаго росту человѣка не видалъ, тобъ почиталъ его противъ себя, и въ сравненіи своей малости, за чуднаго великана. Сіе властно надъ людьми недальнаго ума случается, которые простыя и подлыя вещи увидя чрезвычайно и съ необыкновеннымъ удивленіемъ хвалятъ; токмо имъ всегда того ждать надлежитъ, что знающіе слушатели, такія ихъ безмѣрныя хвалы за ложь, или за безумство почтутъ. Плодъ сихъ чрезвычайныхъ похвалъ, намѣренію употребляющаго оныя всегда противенъ, ибо онъ

онъ боится, что другіе ему не повѣрятъ, и для того людей чрезмѣрными хвалами, а буде оныхъ мало, то и божбою увѣрять старается. Но умные люди всѣ такія чрезмѣрныя ласкательства за морскія чудовища принимая, не очень на нихъ полагаются, да одной только явной и неспоримой правдѣ вѣрятъ, а притомъ своею похвалою весьма скупы и не податливы, вѣдая что и чрезвычайныя заслуги съ средними добротами, спорамъ и смотру подвержены бываютъ.

Прáвило 18.

Молчаніе охранительная грамота незнанію.

Разсужденіе.

Кто не знаетъ того, о чемъ въ компаніи говорятъ, тому молчаніе наилучшей способъ. Какъ бы суета и тщеславіе къ разговорамъ его ни побуждали, однако ему молчать прибыльнѣе. Молчаніе незнающему въ такомъ случаѣ наилучшее лѣкарство, вѣдая что молчаливаго обыкновенно за скромнаго признаваютъ, а за незнающаго никогда не почтутъ.

ГЛАВА

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЯЗЫКЪ НЕВОЗДЕРЖНАГО.

Пра́вило I.

Не только трудное, но и весьма невозможное дѣло, чтобъ человѣку много, а притомъ умно и къ стати говорить.

Разсужденїе.

Кто много говоритъ, у того обыкновенно разсужденїя мало; а желающему умно и къ стати говорить довольнаго разсужденїя потребно. А безъ онаго можетъ ли человѣкъ знать, когда, какъ и для чего ему говорить? Можно ли слабаго языка человѣку, посреди текущаго стремленїя рѣчей его, въ опасныхъ и вредительныхъ словахъ остеречься? Онъ только того смотритъ, какъ бы ему къ размноженїю рѣчей своихъ время не пропустить, а воздержанїе отъ оныхъ крайнее и несносное ему насилство. Того ищетъ, чтобъ расказывать, а къ стати или нѣтъ, и спрашиваютъ ли его о томъ или никто слова съ нимъ не говоритъ, о томъ не разсуждаетъ по

по слѣдующему объявленiю стихотворца: „Андрей со мною встрѣтившись, не успѣлъ поклониться, и „тотчасъ мнѣ всю жизнь свою точно расказалъ, и не спрося меня хочуль я слушать или нѣтъ, сталъ „сказывать минувшее, настоящее и „будущее, что онъ былъ, что нынѣ, „и чѣмъ впредь быть чаетъ, про „свой домъ, про родителей, о дѣлахъ и о службѣ, а мнѣ и одного „слова молвить не далъ; я отъ него, а онъ за мною, и кричитъ, постой! еще не все, но я радъ ушедши отъ такова дурака.„

Правило 2.

Кто много говоритъ, тотъ самъ себя повреждаетъ.

Разсужденiе.

Въ томъ обыкновенное и главное нещастiе всѣхъ говорливыхъ состоитъ, что они своихъ собственныхъ, и тайнѣйшихъ дѣлъ въ молчанiи содержать не могутъ. Какую бы они осторожность ни употребляли, однако въ пловущемъ изъ устъ ихъ многорѣчiи передъ искусными и остраго ума людьми иногда хотя немногiя, однако такъ важныя слова проскакиваютъ,

ваютъ, которыхъ оные искусные давно отъ нихъ слышать желали, а сіи велерѣчивые себя и другихъ тѣмъ повредить могутъ. И понеже говорливой отъ неразсужденія самъ свою тайну открыть можетъ, то я никогда моего секрета ему не ввѣрю, для того что такихъ людей всякой часъ беречься надлежитъ; а буде они кому нѣчто секретное объявятъ, и оная ихъ тайна весьма сумнительна, потому что они сей секретъ всякому, съ кѣмъ ни встрѣтятся, на воротъ навѣшиваютъ, сими на ухо сказанными словами: я вамъ сіе за дружбу говорю, пожалуй никому не сказывай.

Правило 3.

Невоздержнаго языка люди отъ всѣхъ презрѣнны, и презрѣнія достойны.

Разсужденіе.

Въ нихъ сей порокъ отъ невоздержанія, отъ малоумія, отъ дерзости и отъ слабости. Слабость ихъ тѣмъ явна, что они лепетанія своего языка воздержать не могутъ. Дерзость оказывается въ открытіи тайны, и во всегдашнемъ нехраненіи благопристойности въ компаніяхъ; а малоуміе не допускаетъ ихъ къ прозрѣнію

зрѣнію внутрь слушающихъ, для узнанія, когда говорить, и въ которое время молчать. Поистиннѣ такъ они въ свѣтѣ презрѣнны, что никто ихъ слушать не хочетъ; а ежели того миновать не можно, чтобъ словъ ихъ не слушать, то стоящіе при томъ вмѣсто вниманія рѣчей ихъ весьма иное думаютъ.

Не только никто ихъ не слушаетъ, но и вѣрить имъ не хочетъ, хотябъ они временемъ и правду говорили, для того что уже у всѣхъ извѣрились.

Правило 4.

Невоздержнаго языка человѣкъ всегда говоритъ, хотя его и не слушаютъ; а онъ напротивъ того ничего неслушаетъ, что другіе говорятъ.

Разсужденіе.

Уши сихъ людей въ языкъ превращены, и для того они въ своемъ порокѣ никогда не исправны. Хотябъ кто подлинно въ наставленіе ихъ полезное и праведное предлагалъ, но они не принимая и не слушая сего, все свое говорятъ. Когда неводержной на языкъ многорѣченіемъ своимъ

слушателей въ нетерпѣливость, а себя въ такое презрѣніе у нихъ приводитъ, что они никакихъ его предложеній не принимаютъ; тогда умной внутрь себя скрывается, ко укрѣпленію себя въ природной ненависти о невоздержаніи языка. Онъ отъ своихъ умныхъ разсужденій больше пользы и исправленія получаетъ, нежели многорѣчивый отъ выговоровъ и представленій доброжелательныхъ ему.

Правило 5.

Невоздержныхъ на языкъ не только презираютъ, но и боятся.

Разсужденіе.

Какъ скоро такіе люди въ компанію придутъ, то всякъ отъ нихъ удаляется, и того смотритъ, какъ бы изъ компаніи уйти, а оставшіеся молчатъ, и всѣ того берегутся, чтобъ симъ многорѣчивымъ способу къ разговорамъ не подать. Буде же они на сіе не взирая начнутъ говорить, то никто на нихъ не смотритъ, и рѣчей ихъ не слушаетъ. Я въ жизнь мою такіе примѣры видалъ, что какъ скоро великіе говоруны ротъ отворятъ, то всѣ тѣ изъ компаніи

панїи одинъ по одному расходятся, которыхъ благопристойность тамъ быть не обязуетъ; и съ такою поспѣшностїю отъ нихъ бѣгутъ, какъ кораблемъ правящїе на морѣ отъ малаго облака для того въ пристань спѣшатъ, что изъ сего не только опасной вихрь [порывной вѣтръ], но и жестокая буря произойти можетъ; а многорѣчивые такъ страстїю невоздержнаго своего языка обладаны, что ни мало того не видятъ, какъ другїе ихъ чуждаются и бѣгаютъ.

Какой бы пространной столъ сїи люди ни имѣли, однако никто къ нимъ въ домъ притти не смѣетъ, не такъ вина и напитковъ опасаясь, какъ непрестаннаго изъ устъ ихъ происходящаго вѣтра и пустаго шуму боясь. Ежели многорѣчивые къ больному придутъ, то какая сему бѣдному болящему отъ нихъ мука и безпокойство? Больной ничего кромѣ покою и молчанїя не требуетъ, а они его спрашиваютъ: давно ли неможете? какою болѣзнїю? отъ чего вамъ здѣлалось? кто васъ лѣчитъ? какїя лѣкарства даетъ? въ которую пору легче, и когда тяжелѣ бываетъ? что ѣдите, что пьете? и симъ по-

добными безумными вопросами еще больше самой болѣзни его мучатъ.

Есть такіе люди, что лучше въ компаніи своей желаютъ видѣть человѣка злонравнаго, но воздержнаго и умнаго въ словахъ, нежели простосердечнаго, и говорливаго и невоздержнаго на языкъ.

Правило 6.

Многорѣчивые люди излишествомъ словъ теряютъ пріятность и славу дѣлъ своихъ.

Разсужденіе.

Ежели они о какомъ своемъ добромъ или хвалы достойномъ дѣлѣ надмѣру много говорятъ, и чрезвычайно оное разглашаютъ; то рѣдко кто въ истиннѣ сего дѣла имъ вѣритъ, но только всякъ думаетъ, что они какое нибудь подобное тому обстоятельство нарочно для того здѣлали, дабы имъ по дворамъ и улицамъ бѣгая причину къ пусторѣчію и хвастовскимъ разсказамъ имѣть. А понеже сіе пустословіе ихъ весьма скучно, и всякому человѣку противно; то и дивиться не для чего, что дѣла ихъ пріятными не кажутся.

жутся. Симъ то способомъ невоздержнаго языка человѣкъ наилучшія дѣла свои портитъ. Поистиннѣ надобно, что бы такой человѣкъ самому и другимъ великой непріятель былъ, когда онъ самому себѣ такъ чувствительной вредъ причиняетъ, а всему свѣту противенъ и несносенъ.

Прáвило 7.

Почти всѣ многорѣчивые любопытны.

Разсужденіе.

Понеже они во всякія знаемыя имъ мѣста нарочно для размноженія словъ ходятъ; то имъ весьма много запасу надобно, изъ чего бы ежедневной торгъ имѣть, а для сисканія онаго суются въ домы, и выспрашиваютъ о важнѣйшихъ тайностяхъ, которыя между фамиліями происходятъ, а потóмъ оные секреты вмѣсто барабаннаго бою своимъ болтаніемъ публикуютъ. Естьли же о другихъ ничего тайнаго сказать не имѣютъ, то лучше свои тайности на торгъ выносятъ, а молчать не могутъ. Многорѣчивые сперьва о другихъ, а потóмъ о себѣ говорятъ, ежели имъ никто поводу къ разговорамъ

ворамъ не подастъ. А ежели говорить нѣчего, то они тотчасъ причину къ разговорамъ найдутъ, дабы только не молчать. По сему можно видѣть, что велерѣчивые весьма любопытны; а что отъ другихъ услышатъ, то тотчасъ изъ одного слóва цѣлой лексиконъ здѣлаютъ, и все по своему развращенно толкуютъ.

Прáвило 8.

Невоздержной на языкъ за многорѣченїемъ дѣлà своей должности забываетъ.

Разсужденїе.

Ежели велерѣчивой въ компанїю придетъ, то въ разговоры такъ углубится, что хотябъ собственной его служитель за домашними нуждами, или подчиненной команды его для отправленїя дѣлъ Монаршихъ сего велерѣчиваго звалъ, однако онъ никого не слушая отъ разговоровъ своихъ отстать не можетъ, но думаетъ, будто всякъ рѣчей его слушать хочетъ, а ни у кого на умѣ не бывало. Буде же напослѣдокъ домой пришедши никого не найдетъ, съ кѣмъ бы говорить, то и на дѣлà свои лѣностно смотритъ. Языкъ его

рулъ,

руль, мачта и компасъ. А безъ разговоровъ, по его мнѣнїю, ни ходить, ни спать, и словомъ ничего дѣлать не можно.

Правило 9.

Кто говоритъ много, тотъ думаетъ и разсуждаетъ мало.

Разсужденїе.

Много бы человѣкъ пороковъ въ себѣ усмотрѣть и исправить могъ, ежелибъ привыкалъ къ разсужденїю, для того что разсужденїемъ познается зло, со всѣми отъ того происходящими худыми слѣдствїями и опасностями, а при томъ подаются способы къ избѣжанїю страха. Ежелибъ велерѣчивой избралъ себѣ время на разсужденїе, тобъ причину и источникъ невоздержанїю своего языка нашелъ, то есть чрезвычайное самолюбїе, или несносное самохвальство побуждающее къ многословїю; ибо ежели бы онъ безмѣрно себя не любилъ, и не надѣялся многорѣчїемъ угодить, тобъ никогда излишнихъ словъ не плодилъ. Ежелибъ невоздержнаго языка человѣкъ разсудилъ отъ многорѣчїя своего происходящїя

злыя слѣдствія, а именно беспокойство другимъ, безъ всякой пользы пропадающее время, приходящее отъ людей презрѣніе и посмѣяніе; то бы симъ разсужденіемъ узналъ, въ какой страхъ невоздержность языка по собственнымъ онаго дѣламъ, и невѣрностію въ дѣлахъ ближняго привесть его можетъ. Ежелибъ всѣ сіи опасности разсудилъ, тобъ никогда нетолько словъ своихъ на вѣтеръ не терялъ, и на вопросы другихъ отвѣчать не спѣшилъ бы, но и отъ такихъ бы разговоровъ времянемъ берегся, которые своею пріятностію къ размноженію словъ его побуждаютъ, а чрезъ то въ омерзѣніе и ругательство у другихъ приводятъ. Сіе узнавъ всѣхъ такихъ случаевъ убѣгать должно, которые къ многословію поводъ подаютъ, а вмѣсто того искать обхожденія съ такими, которыхъ присудствіе воздержность языка и молчаніе наложить можетъ. Прежде начала слова надлежитъ въ себѣ подумать, пріятныль будутъ слова мои слушающимъ, не учинятъ ли кому изъ присудствующихъ, или мнѣ самому вреда? Чѣмъ больше станетъ разсуждать, тѣмъ болѣе узнаетъ, что ему дѣлать, а при томъ

вспом-

вспомнитъ слѣдующія слова великаго учителя:

Аще бы себѣ разсуждали, не бы осуждены были.

ГЛАВА ТРЕТІЯ

ЯЗЫКЪ МОЛЧАЛИВАГО.

Пра́вило I.

На молчаливаго не много законовъ.

Разсужденіе.

Наибольшая часть законовъ и наставленій дана намъ для учрежденія поступокъ нашихъ въ свѣтскомъ житіи и обхожденіи. А понеже отъ слова человѣческаго языка наибольшіе непорядки и безпокойства происходятъ; то ужѐ подлинная правда, что чѣмъ меньше человѣкъ говоритъ, тѣмъ меньше ему въ законахъ и наставленіяхъ нужды. Обыкновенное разсмотрѣніе и осторожность молчаливаго въ должностяхъ его великую помощь ко исполненію, а многословіе перьвой поводъ къ забвенію оныхъ подаетъ. Весьма благъ и мудръ сей законъ, чтобъ человѣку языкомъ

 своимъ

[library stamp]

соймъ обладать, и безвременно неговорить. Сія должность съ натурою и просвѣщеннымъ разумомъ сходнѣе всѣхъ, чтобъ человѣку болѣе мыслить и разсуждать, нежели говорить.

Пра́вило 2.

Прежде съ собою, а пото́мъ съ другими говорить.

Разсужденіе.

Кто безъ молчанія, и не разсудя напередъ силы и слѣдствія того, что говорить намѣренъ безопасно говоритъ, тому надлежитъ бояться, чтобъ пото́мъ о рѣчахъ своихъ въ раскаяніе не притти. Какъ много сего случаетця, что человѣкъ, пришедши изъ компаніи домой, о учиненныхъ языкомъ погрѣшностяхъ самъ себя хотя и бранитъ, только ужѐ выговоренныхъ словъ возвратить не можетъ. Человѣкъ въ уединеніи гораздо умнѣе, нежели въ разговорахъ съ людьми, и тогда одинъ съ собою разсуждая, видитъ тѣ погрѣшности, которыя имъ безъ разсужденія при многихъ учинены. Но какъ бы то ни было, однако въ словахъ погрѣшившій человѣкъ худое о себѣ мнѣ-
нїе

нїе оставляетъ, которое весьма не скоро загладить можетъ, для того что всякъ о своемъ умѣ и заслугахъ отмѣнное мнѣнїе имѣя, всѣми силами ихъ хранитъ, а тому безмѣрно радъ бываетъ, ежели въ подобномъ себѣ славою и умомъ какой порокъ и погрѣшность найдетъ. Поистиннѣ тотъ много выигрываетъ, кто больше съ собою, нежели съ другими говоритъ. Кто много говоритъ, тотъ иногда можетъ дать знакъ такого искуства, какого съ природы въ немъ нѣтъ; а разсуждающїй въ себѣ для наставленїя получаетъ такую способность, какой въ самыхъ многославнѣйшихъ быть не можетъ, не смотря на то, что они всегда за искуснѣйшихъ почтены быть желаютъ.

Правило 3.

Изъ неприличнаго и не ко времени сказаннаго слова могутъ невозвратныя слѣдствїя произойти.

Разсужденїе.

По сему въ молчанїи великая польза, для того что между онымъ человѣкъ можетъ одумавшись отъ непристойныхъ словъ воздержаться. Я

иногда самъ въ себѣ слѣдующее разсуждаю: „Ежелибъ я кому о семъ дѣ„лѣ объявилъ; тобъ такая за сіе „ссора здѣлаться могла, что и по„думать страшно, однакожъ, слава „Богу! я отъ того воздержался, вѣ„дая, что человѣкъ и за одно слово „погибаетъ. Того ради великая въ „томъ важность, дабы не одумав„шись ничего не говорить. А выго„воренное слово также трудно воз„вратить, какъ изъ клѣтки выпущен„ной птицы поймать не возможно„.

Пра́вило 4

Кто мало говоритъ, тотъ можетъ мудрымъ показаться.

Разсужденіе.

Ежели умной мало говори́тъ, то великое о себѣ мнѣніе другимъ подать можетъ; ибо когда онъ хотя мало, но умно что скажетъ, то слушающіе будутъ думать, что великая мудрость въ немъ скрыта. Чѣмъ меньше умной и ученой человѣкъ говоритъ, тѣмъ болѣе его почитаютъ. За искуснаго политика признаваемой человѣкъ можетъ молчаніемъ отъ неравныхъ и подчиненныхъ своихъ особливое почтеніе, за тайность и скромность свою отъ вышнихъ хвалу полу-

получить, а отъ Государя своего за такую искусную персону примется, которой наиважнѣйшія тайны безъ всякой опасности повѣрить можно. Друзья его за совершеннаго въ искусствѣ и политикѣ мужа почитать, а непріятели будутъ его бояться на подобіе солнца, послѣ жаркаго сіянія уходящаго въ темныя громомъ и молніею грозящія облака, то есть, что онъ послѣ пріятныхъ разговоровъ скрывается въ храмъ молчанія, и хотя ничего злаго въ умѣ не имѣетъ, а имъ кажется, что мыслитъ о разрушеніи замысловъ и намѣреній ихъ. Кто мало, но къ случаю и слову говоритъ, тотъ и съ посредственными заслугами въ знаемость притти можетъ. Молчаніе не знаю какую пріятность слову придаетъ, какъ тѣнь цвѣтамъ въ живописи и перемѣшка концертамъ въ музыкѣ.

Пра́вило 5.

Слово да будетъ подобно золоту, которое и въ малой штукѣ великую цѣну имѣетъ.

Разсужденіе.

Суетныя и напрасныя слова̀ приличны подлому нраву и праздкымъ

головамЪ; а твердой и основательной человѣкЪ всегда ищетЪ важнаго, а при томЪ никакихЪ излишнихЪ словЪ не говоритЪ. Ничто подлое ни удивить, ни вЪ движеніе его привесть не можетЪ, за тѣмЪ что онЪ ни чѣмЪ легкимЪ и презрѣнія достойнымЪ не забавляется. Никакого подобія праздныхЪ пустослововЪ на себя не принимаетЪ. Не имѣя склонности кЪ многорѣчію, не только весьма рѣдко говоритЪ, но ежели разговоровЪ минуть не можетЪ, то онЪ болѣе дѣлЪ, нежели словЪ говоритЪ. Чело, глаза́, и все лицо словесной недостатокЪ языка его награждаетЪ. Служители и умные изЪ домашнихЪ его могутЪ изЪ лица̀ такого господина отчасти знать, что ему угодно, что противно, и чего до услугЪ своихЪ касающагося требуетЪ; а малыя его рѣчи великія дѣла̀ вЪ нихЪ производятЪ, для того что слуги рѣдкія и малыя его слова̀ не только со усердіемЪ слушаютЪ, но вЪ совершенномЪ почтеніи содержатЪ, и сЪ ревностію онымЪ повинуются.

Правило 6.

Ежели самой простой человѣкъ умѣетъ молчать, то онъ хитраго и умнаго обмануть можетъ.

Разсужденіе.

Хитрыя и остраго ума персоны отъ такихъ людей обыкновенно мало опасенія имѣютъ, которые имъ просты и отчасти глупы кажутся, и для того отъ нихъ не весьма остерегаются. Но ежели сіи мнимые простаки *могутъ молчать*, а при томъ имѣютъ намѣреніе сихъ хитрецовъ обмануть; то сіе при случаѣ своего молчанія наилучшимъ образомъ въ дѣйство производить могутъ: ибо сіе на свѣтѣ часто случается, что молчаливая простота лучше велерѣчивой хитрости бываетъ.

Правило 7.

Молчаливой въ то время хвалы и почтенія достоинъ, когда по причинѣ не говоритъ.

Разсужденіе.

Иной молчитъ съ глупости, другой съ лѣности, третей съ грубости или высокоумія; но такому молчанію отнюдь послѣдовать не должно. Кто въ то время книгу читаетъ, какъ другіе

другїе говорятъ, также нарочно задумавшись рѣчей ихъ не слушаетъ, или во время разговоровъ въ окно смотритъ, то отъ всѣхъ присудствующихъ презрѣнїе на себя привлекаетъ, въ такомъ мнѣнїи, что сїе дѣлающїй всѣхъ ихъ презираетъ. А буде причины къ сему подозрѣнїю нѣтъ, то сїи поступки въ неучтивство и малоумїе причтены будутъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЯЗЫКЪ НЕВОЗДЕРЖНАГО.

Пра́вило 1:

Иное красное слово не только хвалу лучшихъ трудовъ, но и славу честнаго человѣка повредить можетъ.

Разсужденїе.

Которыми словами человѣкъ, или какой знатной трудъ изъявляется, тѣ во первыхъ сами собою, а потомъ для красоты своей нравятся, потому что въ нихъ сатира, то есть умное посмѣянїе или досада заключается; а люди обыкновенно охотнѣе и больше тѣхъ словъ слушаютъ, которыми другихъ порицаютъ, нежели такихъ,

кихъ, которыми людей и дѣла ихъ хвалятъ. А понеже такія поразительныя слова умно и къ случаю говорятся, то другъ другу ихъ сказываетъ: и слѣдственно сіи слова отъ рода въ родъ къ незабвенной памяти такъ переходятъ, что и нынѣ такими отъ древнихъ сказанными красными словами цѣлыя книги наполнены. Можетъ быть, что съ прикрасою слово произнесшій, только для показанія остроты своего ума, а не для обиды кому оное сказалъ; однакожъ потомки, ничего о томъ не вѣдая, всегда того обвинять будутъ, о комъ сіе красное слово сказано, каковъ бы онъ на свѣтѣ правъ, и въ совѣсти своей чистъ ни былъ. И для того какъ человѣкъ, такъ и славной трудъ отъ сего краснословнаго угрызенія вѣчно освободиться не можетъ, чему мы сами многіе примѣры видѣли, и нынѣ видимъ.

Пра́вило 2.

Пріятностію краснаго сло́ва можно иногда всю компанію увеселить.

Разсужденіе.

Надлежитъ только вѣдать, что сія пріятность подобна соли, съ ко-

торою

торою весьма бережно обходиться, и оную размѣрно въ ѣствы класть надлежитъ, дабы не пересолить, и чрезъ то всего кушанья не испортить. Ежели кто много сїю прїятность разскащиковъ употребляетъ, тотъ даетъ о себѣ знать, что онъ ни къ чему въ компанїи не способенъ, кромѣ шутокъ, и небезопаснаго плодорѣчїя. Иные подобны такой книгѣ, въ которой кромѣ пословицъ, и красныхъ словъ ничего не написано, да и тѣ всѣ *такїя старыя*, что къ новому времени ни одна не годится. Сказанїе старинныхъ красныхъ словъ подобно отдачѣ серебряной посуды въ ломъ, въ которой работа всегда пропадаетъ, потому что серебро за старое съ немалымъ убыткомъ продаютъ, а старинныя слова̀ въ компанїяхъ съ холодностїю принимаются.

Пра́вило 3.

Иногда за одно красное слово немалыя ссоры бываютъ.

Разсужденїе.

Я временемъ и самъ съ прикрасою слово сказать люблю; но сколь бы велика у меня охота къ произнесе-

нїю

нію онаго ни была, однакожъ я прежде, нежели оное выговорю, довольно думаю, и всякимъ образомъ остерегаюсь, какія изъ того слѣдствія будутъ; не озлоблю ли кого, и не здѣлаю ли кому въ компаніи чувствительной симъ словомъ обиды. А естьли увижу, что сіе слово никому не въ досаду, но болѣе ко увеселенію послужитъ, тогда ужѐ оное выговорю. Сею осторожностію никто прогнѣванъ и озлобленъ не будетъ; а произнесшій сіе красное слово нѣкоторую пріятность своей персонѣ, и знакъ остроты своего ума подастъ. Какое великое ослѣпленіе, чтобъ чрезъ малое и легкое удовольствіе рѣзваго ума съ людьми ссору затѣять, изъ которой тебѣ безпокойство, а ближнему озлобленіе произойдетъ.

Пра́вило 4.

Чѣмъ болѣе человѣкъ отъ произнесенія краснаго сло́ва похвалы себѣ получить уповаетъ, тѣмъ онъ въ бо́льшую печаль приходитъ, когда другіе о семъ его мнимомъ умномъ словѣ не веселятся.

Разсужденіе.

Ничто разскащика въ большее посрамленіе, и слѣдственно въ уныніе не

не приводитъ, какъ то, когда онъ принужденъ видѣть, что ни одинъ изъ слушающихъ о сказанномъ его красномъ словѣ не разсмѣется, но всѣ молчатъ; а онъ себя надеждою ласкалъ, будто у всѣхъ отъ смѣху слёзы изъ глазъ потекутъ.

Ежели желаешь съ прикрасою слово сказать, то оное безъ всякаго притворства и тщеславїя выговори, не оказывая явно и не хваля доброты его, дабы другїе сего не оспорили, но дай на ихъ волю разсуждать, худо ли оно, или хорошо.

Прáвило 5.

Сїе ужѐ немалая отвага, кто изъ книги взятое, или отъ другихъ слышанное красное слово за свое объявитъ.

Разсужденїе.

Много ужѐ такихъ примѣровъ было, что ревнивые и завистливые люди, по природной своей ненависти, ничего хвалить не хотятъ, хотябъ подлинно что изрядно и хвалы достойно было; чего ради онымъ въ сихъ случаяхъ все на волю давать надлежитъ, особливо при такихъ, которые своимъ присутствїемъ ревнивой

нивой и завистливой нравъ ихъ въ смятенїе привести могутъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЯЗЫКЪ НАСМѢШНИКА.

Правило 1.

Насмѣшки, переговорки и подобныя сему смѣхотворства весьма не годятся, ежели кто за добрыя ихъ почитаетъ; но развѣ въ то время годны быть могутъ, когда оныя за подлыя проказы признаны будутъ.

Разсужденїе.

Ежели кто сими смѣшными способами хочетъ угодить, тому надобно за настоящую ихъ цѣну производить, то есть за ложныя мысли и безпорядочныя слова, которыя умъ человѣческой невѣдомо какою ложною прїятностїю прельщаютъ. Токмо при томъ надлежитъ примѣчать, чтобъ между говорящимъ и слушающимъ нѣкоторое равенство и сходство было; ибо не все передъ всякимъ говорить можно, но передъ вышни-

вышними сіе на сторону отложить должно.

Сей обычай весьма худъ, и такимъ отнюдь не приличенъ, которымъ по своему знатному роду, или высокому достоинству, постояннымъ быть надлежитъ. Сей порокъ наилучшія добродѣтели такъ портитъ, что никакими добротами онаго загладить не возможно. Понеже въ ихъ персонахъ всему великому быть должно, то сія подлость тѣмъ болѣе несносна.

Прáвило 2.

Весьма рѣдко, или почти никогда не случается, чтобъ насмѣшникъ въ почтеніи былъ.

Разсужденіе.

Сказываютъ, будто смѣхотворцы, также какъ комедіанты, богаты хвалою, а почтеніемъ весьма убоги. Чѣмъ больше они людей смѣшатъ, тѣмъ въ бóльшее презрѣніе приходятъ, ежели смѣхотворство ихъ въ ругательствѣ и озлобленіи ближняго состоитъ. Я и самъ къ статѣ забавное слово молвить люблю, но токмо въ случаѣ нужды, для увеселенія компаніи, когда она печальна

чальна или въ молчанïи, только съ такою осторожностïю, чтобъ потѣшнымъ не прослыть. Моя веселая шутка не мѣшаетъ мнѣ въ прежнее мое постоянство возвратиться, для того что я ее употреблю по случаю и причинѣ, а не по склонности и затвердѣлому въ томъ обычаю.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ЯЗЫКЪ ШУТЛИВАГО.

Прáвило 1.

Убѣгай шутокъ: они такая зараза, которая разумъ для нарушенïя человѣческаго спокойства поощряетъ.

Разсужденïе.

Какая бы прïятная мысль, съ краснымъ и изряднымъ словомъ, къ произнесенïю языкомъ шутокъ на умъ мнѣ ни пришла; однакожъ я съ такою осторожностïю оное изъ устъ выпущаю, дабы тотъ прежде всѣхъ смѣялся, на кого сïе слово клонится. Но понеже сïе весьма рѣдко случается, то я никогда шутить не буду. Кто для того не шутитъ, что шу-

тить не умѣетъ, того разумъ хвалю; а кто умѣя не шутитъ, того мудрость почитаю. Того никогда не бранятъ, и порицать не могутъ, кто не шутитъ, а шутливой всегдашнему нареканїю подверженъ. Хотя шутки компанїю временемъ и веселятъ, но почти всегда шутливыхъ съ постоянными разлучаютъ; ибо чѣмъ больше кто шутитъ, тѣмъ меньше друзей имѣетъ, а въ теченїи своего щастiя отчасу больше препятствiй получаетъ.

Въ какомъ почтенїи Сципїонъ у Римлянъ ни былъ, однако за одно шутливое слово главнымъ правителемъ отъ строенiй не учиненъ; ибо онъ увидя, что одинъ изъ его сверстниковъ, и того же чина требующей кандидатъ отъ многой работы въ пашнѣ и земледѣльствѣ мозоли на рукахъ имѣлъ, то вздумалъ надъ нимъ посмѣяться, и спросилъ:

Не на рукахъ ли вы ходите?

Прáвило 2.

Шуты и забавники пуще всѣхъ надъ собою шутокъ не любятъ.

Разсужденїе.

Надобно думать, что сїи люди отъ многихъ издѣвокъ надъ другими узнали,

узнали, каковы пагубны, вредительны и досадны шутки тому, надЪ кѣмЪ издѣваются. Ежели надЪ такимЪ станутЪ издѣваться, кто умышленно шутитЪ, тотЪ сожалѣнія достоинЪ Шутливыежъ вЪ семЪ случаѣ еще жалки, когда вЪ такой постоянной и строгой компаніи находятся, гдѣ шутокЪ не любятЪ, а кромѣ того никакихЪ умныхЪ и постоянныхЪ разговоровЪ начать не умѣютЪ.

Пра́вило 3.

Есть такіе люди, что наималѣйшую шутку за крайнее озлобленіе почитаютЪ.

Разсужденіе.

Иные такЪ чувствительны и нѣжны, что ни мало до себя коснуться не допускаютЪ. СЪ такими вЪ компаніи наипаче осторожно обходиться надлежитЪ: всякая шутка имЪ досадна, великія забавныя слова̀ имЪ чувствительны и противны. Злой или меланхолической нравЪ ихЪ всегда какую нибудь горесть производитЪ и вЪ самой сладости приносимыхЪ имЪ похвалЪ. И понеже они сами всегда горьки, то обо всемЪ пред-

 став-

ставляемомъ имъ думаютъ, будто оно желчью наполнено. Того ради совершенно человѣка не зная, отнюдь съ нимъ шутить не надобно, дабы вмѣсто уповаемой шутки, подлинной ссоры не здѣлать. И такъ съ грубыми, свирѣпыми, скучливыми и печальными людьми отнюдь шутить не совѣтую, по слову домашняго учителя: „Не играй съ ненаказаннымъ, „да не пріимутъ безчестія прародители твои„. А я сего правила держусь: Естьли кто надо мною въ бездѣлицѣ издѣвается, то я, съ тѣмъ вмѣстѣ смѣюсь, кто въ не важномъ шутитъ; буде же шутки язвительны, и нарочно на меня клонятся, то я такой только видъ покажу, что оныя знаю и чувствую, дабы чрезъ то теченіе сихъ опасныхъ забавъ пресѣчь. Буде же издѣвающійся не перестаетъ, то съ нимъ также какъ со злословящимъ поступлю, а именно, когда въ причинѣ сихъ шутокъ виноватъ, то потщусь себя исправлять; а ежели не виноватъ, то терпѣливостію, и возможнымъ удаленіемъ побѣдить его стараться стану.

Пра-

Пра́вило 4.

Кто шутить желаетъ, тому надобно шутки свои учреждать на присудствующихъ, и на тѣхъ, которые симъ шуткамъ причиною.

Разсужденїе.

Не только тѣхъ, надъ которыми шутить, но и всѣхъ при томъ находящихся знать надобно, дабы выражая какїе пороки равнаго себѣ, не зацѣпить вышшаго, а за сїе бы вмѣсто смѣху и хвалы, за умныя свои слова̀ биту и обругану не быть.

Пра́вило 5.

Надъ другомъ никогда не шутить.

Разсужденїе.

Всякъ надъ собою шутокъ съ природы не любитъ. Кто надъ другомъ по причинѣ шутитъ, тотъ его обижаетъ; а буде безъ причины надъ нимъ издѣвается, то самъ себѣ и ближнему своему неправду дѣлаетъ. Дружество должно въ себѣ имѣть запретительную грамоту на шутки. Которые друзья часто между собою шутятъ, тѣ начнутъ одинъ другаго бояться, потомъ станутъ другъ

отъ друга бѣгать, а напослѣдокъ побранившись вѣчными непріятелями здѣлаться могутъ.

Правило 6.

Вышшему надъ нижнимъ или надъ подчиненнымъ также бечестно шутить и смѣяться, какъ вооруженному на такова человѣка нападать, у коего не только шпаги, но и палки въ рукахъ нѣтъ.

Разсужденіе.

Какая честь и слава вышшимъ обижать низшихъ себя, какъ такихъ людей, у которыхъ страхъ и почтеніе къ защищенію себя и къ жалобѣ всякую свободу отнимаетъ. И такъ большему надъ меньшимъ ругательно смѣяться не только стыдно, но и безчеловѣчно; ибо сіи стрѣлы тѣмъ глубочайшія язвы причиняютъ, чѣмъ они съ вышшаго мѣста пущены; а достоинство и честь говорящаго, будучи подкрѣплены льстивою похвалою слушающихъ, сіи язвы такимъ ядомъ наполняютъ, отъ котораго озлобленной человѣкъ во вѣки исцѣлиться не можетъ.

ГЛАВА

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.
ЯЗЫКЪ СПОРНИКА.

Пра́вило I.

Между людьми учеными часто сїе случается, что они за пунктъ своего ученїя, или за споръ о какой либо наукѣ, персональную между собою ссору производятъ.

Разсужденїе.

Въ спорахъ человѣкъ сперва противъ правды, а пото́мъ на спорящаго съ собою злобится, кричитъ, кленетъ, мечется, потѣетъ, всѣхъ въ смятенїе приводитъ, до тѣхъ поръ въ спорѣ своемъ крѣпко стойтъ, пока съ крику охрипнетъ, и обморокъ его ударитъ. Нѣкоторой умной Авторъ написалъ: „Я бы для утвер„жденїя тишины и спокойства въ „народѣ совѣтовалъ, всякїе школь„ные диспуты такъ равно, какъ сло„весныя ссоры, подъ штрафомъ за„претить. Какїе пороки отъ нихъ „возбуждаются! и отъ словъ до „рукъ, а отъ рукъ до оружїя дохо„дитъ. Какїя заблужденія отъ спо-

,,ровъ въ Христіанъ вошли! Какое ,,раздѣленіе въ вѣрѣ причинили! Какое нарушеніе въ любви Божіей и ,,въ любленіи ближняго здѣлали! Какое сомнѣніе во нравахъ, и колебаніе въ совѣстяхъ произвели! Отъ ,,мнимаго любленія правды происходитъ споръ, которой съ начала подкрѣпляется гордостію, а кончится ,,непримиримою злобою. Меня споры ,,въ разсужденіяхъ не озлобляютъ и не- ,,безпокоятъ, но токмо возбуждаютъ ,,и учатъ. Естьли кто со мной спо- ,,ритъ, тотъ во мнѣ примѣчаніе, ,,а не гнѣвъ возбуждаетъ. Часто ,,случается, что я самъ себѣ противлюсь, дабы мнѣ симъ способомъ ,,къ спорамъ и сопротивленію другихъ привыкнуть,,. Для чего мнѣ тѣхъ ругать, которые не одного со мною мнѣнія? Развѣ они въ разсужденіи и во мнѣніи своемъ невольны? Развѣ я въ спорѣ ихъ лучше, а они меня хуже? Развѣ я крикомъ и ссорою предложенія мои лучшими здѣлаю? Развѣ ругательствомъ и злословіемъ людей къ принятію моего мнѣнія привлеку? Или напослѣдокъ руганіемъ и безстыдствомъ тотъ путь къ правдѣ сыщу, котораго злобными, и человѣколюбіе съ благопри-

стой-

стойностію и добронравіемъ нарушающими спорами найти уповаю?

На все сіе однимъ словомъ отвѣчаю: Никакъ.

Правило 2.

Ежели тебѣ случится спорить; то старайся, чтобъ симъ способомъ о незнаемомъ тебѣ наставленіе, а о неизвѣстномъ изъясненіе получить: при томъ не противься, и напрасныхъ диспутовъ не начинай.

Разсужденіе.

Умной ни чьему мнѣнію не противится, развѣ только въ такомъ случаѣ и намѣреніи оспоритъ, когда до изъясненія и показанія правды дойдетъ; но не входя въ такой споръ, разсматриваетъ, естьли у него сила, искусство и другіе къ одолѣнію потребные способы? а естьли осмотрѣвшись въ сихъ важныхъ пунктахъ недостатокъ увидитъ, то въ диспуты очень рѣдко вступаетъ; напротивъ того хотя къ умнымъ спорамъ и приступаетъ, однако весьма на короткое время, и не во многихъ словахъ. Ежели бы всѣ такъ поступали, тобъ въ спорахъ больше ти-

шины и разума, а меньше ссоръ и безпокойства было. Кто обыкновеннымъ образомъ споритъ, про того можно сказать, что онъ сїе болѣе по охотѣ къ спорамъ и крику, нежели для показанїя ума своего въ диспутахъ дѣлаетъ. Какъ бы люди ни спорили, однако человѣкъ изъ диспутовъ съ тѣмъ же мнѣнїемъ выходитъ, съ которымъ на сей споръ пришелъ. Человѣкъ только тѣ причины видитъ, которыя самъ представляетъ, съ такимъ желанїемъ, чтобъ всѣ ихъ принимали, а въ прочемъ все мимо глазъ пускаетъ, хотябъ что другїе лучше, умнѣе и справедливѣе его представляли Какое упрямство! какая неправда! какое ожесточенное и непреоборимое мнѣнїе!

Никогда не спорь съ великою горячестїю;
Но зрѣлымъ и беспристрастнымъ умомъ о той и другой сторонѣ разсуждай.
Ежелижъ ты по несчастїю обманешься,
То отнюдь за свою погрѣшность не стой,
Но въ семъ случаѣ самъ себя побѣдивши,
Съ истиннымъ усердїемъ къ правдѣ возвратись,
Кто бы оную тебѣ ни показалъ.

Естьли я съ кѣмъ упорно спорю, то тщусь его увѣрить о небезосновательномъ моемъ мнѣнїи, что онъ не столь искусенъ, какъ я. Но поneже

неже мое намѣреніе не вЪ томЪ состоитЪ, то я много и спорить не стараюсь. ДругихЪ мнѣніе какЪ возможно похваляю, и радуюсь тому, чтобЪ оныя хвалить, для того что я о другихЪ лучшее, нежели о себѣ самомЪ мнѣніе имѣю. Ежели мнѣ спорить, то только для изЪясненія правды, а не ради полученія побѣды. И по тому какЪ возможно берегусь, дабы мнѣ вЪ безконечные и непорядочные разговоры не вступить. Хотя я временемЪ по причинѣ думаю, что намѣряемое предложеніе мое весьма праведно, и слушатели онаго по злобѣ или по упрямству не принявши, станутЪ развращенно толковать, или и весьма за ложное вмѣнять; однако я уединясь слѣдующимЪ образомЪ самЪ себѣ скажу. „Не я ли вЪ томЪ „виноватЪ, что люди предложенія „моего не принимаютЪ? Не темно „ли я предложилЪ, или не ко вре„мени ли и неприлично сказалЪ? Не „горда ли и не высокоумна ли рѣчь „моя была? полно я не вЪ презрѣ„ніиль у людей, что они основатель„ныхЪ моихЪ предложеній не прини„маютЪ„? СимЪ способомЪ другихЪ не скоро обвиняю, ежели они мнѣ спорятЪ, или предложеній моихЪ не

 при-

принимаютъ, а своихъ причинъ не выправляю, и за свои представленія ни ссоръ ни браней отнюдь не начну. Нѣтъ сего лучше, какъ видя правду уступить, а свое удаленіе отъ истинны познавши, чистой и непорочной правдѣ послѣдовать. Кто одумавшись себя исправить, а неправедную сторону въ самомъ жару оставить можетъ, тотъ по истиннѣ не только рѣдкія, но и Философическія доброты имѣетъ. Въ такихъ то случаяхъ крѣпость ума, и власть человѣка въ обладаніи собою познается. Тѣжъ случаи о человѣкѣ показываютъ, что онъ ложныя и затвердѣлыя мнѣнія оставя, правдѣ и здравому разуму повиноваться за полезнѣе признаваетъ. Сіе не легкомысленность, ежели человѣкъ узнавши погрѣшность свою, оставитъ. Какой въ томъ стыдъ, чтобъ человѣку мнѣніе свое отъ неправды отвлекши, на праведную сторону обратить, и прежнее свое погрѣшеніе признать.

Правило

Прáвило 3.

Никогда за малую вещь великаго спору не дѣлай.

Разсужденïе.

Умной человѣкъ о непотребныхъ и неважныхъ вещахъ никогда спору не начинаетъ, вѣдая, что такïя бездѣлицы веселую компанïю въ скуку и неудовольствïе приводятъ, отнимая случаи къ разговорамъ о важныхъ и нужнѣйшихъ дѣлахъ. Съ великими людьми о бездѣлицѣ отнюдь спорить не надобно. Хотя кто по видимому ихъ и переспоритъ, однако сïя побѣда во вредъ обращается, для того что они будучи вышшими, за сей о бездѣлицѣ споръ въ важныхъ дѣлахъ отмстить, и побѣдителю въ спорахъ удивительнымъ образомъ заплатить могутъ. Сïи знатные имѣютъ ненасытное желанïе во всемъ перьвыми быть, и для того все противное себѣ всею силою опровергаютъ. Нѣкоторой философъ Адрïану Цесарю Римскому сказалъ: „Я такому Государю отнюдь „спорить не дерзаю, которому во„семьдесятъ легеоновъ служатъ„. Вельможи почти всѣ своенравны, и въ мнѣнïяхъ своихъ упорно стоятъ;

чего ради рѣдко кто спорить имъ смѣетъ, въ разсужденіи власти, богатства и силы ихъ, но всѣ имъ потакаютъ, и всякія слова съ разсужденіями оныхъ хвалятъ. Всѣ тѣ сожалѣнія достойны, которые будучи въ благополучіи, ничего кромѣ ласкательствъ и похлѣбства слушать не хотятъ, а чрезъ красоты правды и силы разума никогда видѣть не могутъ.

Прáвило 4.

Почти всѣ споры для того продолжительны бываютъ, что спорящіе другъ друга долго не разумѣютъ.

Разсужденіе.

Всякъ свое мнѣніе весьма почитаетъ, а за предложенія свои такъ стоитъ, что на силу представленія другихъ выслушаетъ. По тому весь сей шумъ и споръ для того продолжается, что другъ друга не слышитъ, или словъ его не разумѣетъ; а кто словъ другаго не слушаетъ, тотъ и предложенія не разумѣетъ въ устремительномъ теченіи своихъ словъ, дабы только оныя выговорить, и симъ своимъ рѣчамъ, а не пред-

предложенїю другихъ послѣдовать. Отъ сего то великїя темности съ жестокими и долговременными спорами бываютъ. А хотя наконецъ одинъ другова отъ части и выразумѣетъ, только всякъ при своемъ упрямствѣ для того остается, что долго спорилъ, а предлагающему лучшее ни уступить, ни яснѣйшихъ его представленїй принять не хотѣлъ.

Пра́вило 5.

Есть такїе, которые въ спорахъ разсуждаютъ о мнимой правдѣ и силѣ своихъ предложенїй, по числу важности словъ.

Разсужденїе.

Такїе люди думаютъ спорящихъ и противящихся себѣ устремительною рѣкою словъ своихъ потопить, по крайней мѣрѣ толстымъ и громкимъ своймъ голосомъ ихъ побѣдить и заглушить стараются. Отъ сего малодушные и запальчивые испушавжись въ немалое движенїе притти, на противъ того другїе тѣмъ ободрены быть могутъ, на подобїе такихъ игроковъ, которые нѣсколько выигравши кричатъ и свищутъ, дабы играющихъ

ющихъ въ робость и большей проигрышь привесть. Только великодушные и умные сего крику не боятся, но громогласныхъ людей за такихъ персонъ въ комедіи почитаютъ, которыя высокимъ и громкимъ своимъ голосомъ слушающихъ болѣе оглушить и удивить, а не научить могутъ.

Правило 6.

Молчаніе въ спорахъ не всегда умъ и скромность значитъ.

Разсужденіе.

Кто во время спору вдругъ замолчитъ, или отъ незнанія такой гордой видъ на себѣ покажетъ, будто ни въ какіе споры и доказательства вступать не хочетъ, тотъ рѣдко за умнаго и скромнаго почтенъ быть можетъ. Суета никогда и ничего потерять не хочетъ, а своенравство вездѣ своей прибыли ищетъ. Неумѣніе отвѣчать смиренство въ себѣ заключаетъ, а хранящій молчаніе являетъ о себѣ, что ему больше сказаннаго говорить нѣчего, и симъ способомъ человѣкъ думаетъ избѣжать посмѣянія и критики. Но весьма удивительно, какъ люди симъ образомъ обманываться могутъ, когда ужè всякъ и самъ въ себѣ такую

сла-

слабость, и слѣдственно притчину къ посмѣянію имѣетъ и чувствуетъ. Развѣ они себя премудрѣйшими всего свѣта почитаютъ? Но ежели я почти всякаго человѣка ослѣпляющее самолюбіе въ разсужденіе приму; то сему и удивляться не буду, а самъ тотъ часъ мое незнаніе объявлю, ежели меня о какомъ неизвѣстномъ и странномъ мнѣ дѣлѣ спросятъ.

Пра́вило 7.

Не вступая въ споръ, надобно то дѣло со всѣми его свойствами и обстоятельствами подлинно знать, о которомъ спорить хочешь.

Разсужденіе.

Ежели человѣкъ безъ сего вступитъ въ споръ, о какомъ бы маломъ дѣлѣ ни было, то вмѣсто хвалы и побѣды стыдъ и посмѣяніе претерпитъ. Ежели кто мнѣ скажетъ, будто отъ споровъ у человѣка умъ острится; тому отвѣчаю, что разумъ отъ сего спорнымъ, безпокойнымъ и досадительнымъ духомъ становится. И такихъ споровъ человѣку довольно, которые о нужномъ и полезномъ научаютъ; а живущее въ насъ небольшое познаніе правды доволь-

но къ сему способовъ подаетъ. На свѣтѣ вещей важныхъ такъ много, что человѣку едва время на то остается, дабы всѣ ихъ обстоятельно разсмотрѣть и изслѣдовать.

ГЛАВА ОСЬМАЯ
ЯЗЫКЪ УПРЯМАГО.
Правило 1.

Упрямой обыкновенно для того не уступаетъ, что побѣжденнымъ признаться и уступить не хочетъ.

Разсужденіе.

Грубые люди не всегда отъ недостатку разума или знанія, но болѣе по затвердѣлому своенравію упрямятся, и въ правдѣ никому уступить не хотятъ. Ихъ на такую правду не легко приведешь, которую они сами скоро не признаютъ, развѣ когда они такова будутъ мнѣнія, будто сами путь къ сей правдѣ нашли, и собственнымъ разумомъ ко оной достигли. Почти всѣ упрямые такова свойства бываютъ, что къ нимъ кривою дорогою и переулками подходить, а при томъ ихъ весьма нѣжнымъ обра-

зомъ за сердце, подобно какъ рѣтивую лошадь за узду брать надобно. Они своимъ нравомъ природные непріятели всякому спору и сопротивленію; а по сему прямымъ путемъ къ правдѣ никогда итти не хотятъ. Такъ много о себѣ думаютъ, что ни чьего совѣту слушать, и никакихъ представленій принимать не хотятъ. Ежели имъ кто ненарочно о томъ станетъ совѣтовать, что они ужѐ дѣлать намѣрились; то сего нрава и состоянія люди намѣреніе свое тотчасъ отмѣняютъ, и одной своеи волѣ, а ни чьему совѣту послѣдовать не хотятъ. Никогда въ неправомъ мнѣніи и въ погрѣшеніи своемъ не признаются, и ни въ малое совершенство притти не хотятъ; только спасеніе и обращеніе такихъ людей весьма сомнительно, которые правды не слушаютъ.

Пра́вило 2.

Молчаніе противъ упрямства наилучшая безопасность.

Разсужденіе.

Ежели упрямой въ споръ со мною вступитъ, то я тотчасъ молчать буду, понеже и самое искуство меня на-

научило, что съ спорящими противъ правды выигрышу нѣтъ и не будетъ. Въ такихъ случаяхъ подлинно вѣрить надлежитъ, что молчанїе больше сопротивленїя пользы приноситъ. Когда человѣкъ молчитъ, то упрямому время на познанїе правды даетъ; а буде въ споръ съ нимъ вступитъ, то чрезъ сїе къ умноженїю диспутовъ и упрямства подлинной способъ и поводъ подаетъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЯЗЫКЪ ВЗДОРНАГО.

Прáвило I.

Вздорная и безумству подобная поступка происходитъ отъ многихъ въ свѣтскомъ обхожденїи учиненныхъ погрѣшностей и пороковъ.

Разсужденїе.

Кто кого вздорнымъ назоветъ, тотъ симъ безпорядочнаго, ни о чемъ неразмышляющаго, беспутнаго, и такого человѣка разумѣетъ, которой ничего къ доброму житїю и честному поведенїю пристойнаго въ себѣ не имѣетъ. Вздорной человѣкъ больше

всего

всего на словахъ оказывается; ибо онъ нимало о томъ не думаетъ, что ему говорить; да и о томъ не разсуждаетъ, что изъ словъ его произойдетъ. А ежели онъ по окончанïи разговоровъ хотя мало въ себя пришедши одумается, въ то время собственная память всѣ его безпамятныя, неразсудительныя, неприличныя, дерзостныя и опасныя словà предъ очи преставитъ, о которыхъ самъ сей человѣкъ безмѣрно стыдится и сожалѣетъ. Въ лицѣ вздорнаго человѣка та лутчая надежда, что онъ подъ старость въ разумъ притти, и исправиться можетъ; ибо чѣмъ болѣе человѣкъ съ лѣтами въ память и зрѣлое разсужденïе приходитъ, тѣмъ болѣе отъ буйства и вздорнаго нрава удаляется.

Прáвило 2.

Вздорной человѣкъ худо говоритъ, и худо слушаетъ.

Разсужденïе.

Понеже онъ чужïя словà въ половину слушаетъ; то на оныя половинной отвѣтъ даетъ, и слѣдственно все вздоръ говоритъ. Отъ сего невниманïя премногïя скаски и ложныя исторïи въ свѣтѣ разсѣваются, неправед-

праведные доносы и объявленія, а отъ нихъ происходятъ разныя бѣды и непорядки, для того что творецъ и издатель ихъ вздорной человѣкъ, сіи праведнѣйшія обстоятельства забывъ или не выслушавши, вымышленною ложью дополняетъ. Когда услышитъ, что люди про какое дѣло говорятъ, то и онъ расказывать похочетъ. Но понеже сей безпорядочныхъ мыслей человѣкъ весьма о другомъ, нежели о подлинныхъ обстоятельствахъ слышаннаго дѣла думалъ, то вмѣсто ихъ такія обстоятельства сказываетъ, какія ему въ умъ и на память придутъ. Я вздорнымъ людямъ весьма рѣдко вѣрю. Хотя изъ нихъ добрые, справедливые, и вѣрные люди бываютъ; однакожъ обыкновенное и почти природное ихъ невниманіе съ вертопрашествомъ наилучшія свойства къ житію и обхожденію свѣтскому испортить могутъ. Они съ наилучшимъ своимъ намѣреніемъ вредъ здѣлать могутъ, для того что не ко времени передъ каждымъ человѣкомъ безъ всякой приличности и нужды проговариваются. Сія нескромность съ невоздержаніемъ собственныя ихъ дѣла портитъ. Никакой предосторожности имѣть и употре-

употребить не могутъ, хотя сами вѣдаютъ, что ко убѣжанію всегдашней лести и обману въ свѣтѣ ничто такъ не нужно, какъ предосторожность. Сіижъ люди не только другимъ, но и себѣ самимъ опасны; ибо они въ дѣлахъ и словахъ своихъ толь неосторожно поступаютъ, что отъ невоздержныхъ движеній, и отъ поспѣшности рѣчей ихъ весьма уберечь себя трудно. Умной человѣкъ отъ дружества и обхожденія вздорныхъ, сколько можно, удаляется, вѣдая, что съ ними не только честь или имѣніе, но и самое здоровье потерять можно. Такого нрава и состоянія люди употребленіемъ двухъ способовъ всѣ свои непорядки разсыпать и уничтожить могутъ. Первой способъ состоитъ въ подлинномъ и искренномъ признаніи вздорнаго своего нрава, которое станетъ умъ его склонять къ лучшему и большему вниманію. Второй способъ состоитъ въ томъ, чтобъ примѣчать поступки другихъ вздорныхъ и непорядочныхъ людей, впадающихъ невоздержностію своею въ опасные случаи, и сіе видя примѣромъ ихъ пользоваться. Благоразсудный прежде произнесенія *да и нѣтъ*, весьма долго думаетъ, чтобъ ему не

по-

погрѣшить, и вздору не сказать. Онъ все то прилѣжно разсматриваетъ, что обѣщать, въ чемъ отказать, и какимъ образомъ отказъ свой одобрить. Онъ же на всѣ свои поступки острымъ и недремлющимъ окомъ смотритъ; ибо ему извѣстно, что отъ недостатку смотрѣнія недостатокъ въ дѣлахъ происходятъ. Чѣмъ болѣе вниманія и осторожности употребляетъ человѣкъ, тѣмъ умнѣе и постояннѣе становится. Человѣку прежде надобно учиться одному съ собою разсуждать, дабы потомъ съ людьми безопаснѣе говорить. Емужъ надлежитъ частымъ вниманіемъ въ себя приходить, ежели отъ словъ и рѣчей своихъ честь и хвалу получить желаетъ.

ГЛАВА

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ЯЗЫКЪ КОМПЛИМЕНТИСТА.

Пра́вило 1.

Понеже обычай и употребленїе водя комплименты, ихъ подкрѣпляютъ; то столько и такїе комплименты дѣлать надлежитъ, сколько время и употребленїе требуетъ.

Разсужденїе.

Хотя комплименты одни только внѣшнїя и такїя дѣйствїя, въ которыхъ сердце весьма рѣдко, и притомъ малое участїе имѣетъ; однакожъ умному человѣку съ учтивостїю ихъ принимать и отдавать надлежитъ. Умному извѣстно, что всѣ сїи обряды излишнїя наружности. ,,Что можетъ быть того скучнѣе, ,,когда человѣкъ принужденъ будетъ ,,множество такихъ словъ говорить, ,,которыя мнѣнїю и намѣренїю его ,,весьма противны? Какая суета, и ,,потерянїе времени въ визитахъ, ,,[посѣщенїяхъ] поздравленїяхъ, прїе- ,,махъ, проводахъ, въ суетныхъ и ,,бесполезныхъ съ обѣихъ сторонъ ,,разговорахъ, въ церемонїальныхъ ,,рѣ-

„рѣчахъ, въ лестныхъ представле-
„нїяхъ, въ ложныхъ обѣщанїяхъ въ
„ухищренныхъ похвалахъ, въ хитромъ многословии, въ пронырливомъ
„притворствѣ, въ богомерзскомъ пустосвятствѣ предъ всѣми слушающими слова дающаго и принимающаго. Однимъ словомъ, все сїе ничто
„иное, какъ нарядной обманъ, и церемонїальное ласкательство. Хотя
„ужѐ кто подлинно вѣдаетъ, что
„комплиментующей его обманываетъ,
„и въ глазахъ ему лжетъ; однакожъ
„за сїю церемонїальную ложь весьма
„благодарить долженъ. А хотя и
„комплиментистъ равнымъ образомъ
„знаетъ, что другой ему ни въ одномъ словѣ не вѣритъ; однакожъ комплименты свои смѣлымъ лицемъ, и
„потупя глаза̀, или на предстоящаго быстро смотря по ораторски
„такъ разсказываетъ, что ни въ одномъ словѣ не запнется; а притомъ
„одинъ другому такъ скученъ, что
„бы и глазами на него не глядѣлъ„.
Хотя все сїе самая истинна; но понеже сїя комедїя во всемъ свѣтѣ играется, то и каждой человѣкъ избѣжа̀ть того не можетъ, чтобъ по чину и состоянїю своему комплиментовъ не дѣлать. Что сея вольности

ности можетъ быть лучше, которая позволяетъ въ компанїю притти, и изъ оной втти безъ принужденной церемонїи, и ученаго притворства? Хотя сїя свобода и весьма мнѣ нравна; однакожъ я по общему въ народѣ принятому обычаю поступаю Понеже мы съ людьми живемъ, то и всѣмъ тѣмъ обычаямъ послѣдовать должны, которые отъ всѣхъ людей обще приняты: Употребленїе комплиментовъ, учтивая ложь, и ученой обманъ, которому не многїе вѣрятъ. Чего ради оные весьма умѣренно употреблять надлежитъ. Умные люди великимъ комплиментистамъ не очень вѣрятъ, и чрезвычайныя ихъ комплименты въ подозрѣнїи или ужè въ презрѣнїи имѣютъ; токмо весьма сего беречься надлежитъ, дабы худое воспитанїе такого мнѣнїя въ человѣкѣ не причинило, будто комплименты дѣло нужное и главной пунктъ учтивости.

ГЛАВА ПЕРЬВАЯ НАДЕСЯТЬ

ЯЗЫКЪ ХВАЛЯЩАГО.

Правило I.

Разумныя и разсудительныя похвалы подобны изъ разныхъ вещей выбраннымъ наилучшимъ сладостямъ.

Разсужденїе.

Умному человѣку въ хвалахъ своихъ простому народу послѣдовать не должно, ибо народъ почти всегда хвалимое, а весьма рѣдко истинной славы и похвалъ достойное хвалитъ.

Кто безъ различїя
И всѣхъ хвалитъ и все,
Тотъ въ умѣ и разсужденїи
Вредъ себѣ наноситъ,
А ни одному человѣку
Чести тѣмъ не причиняетъ.

Мудрые и ученые люди въ такихъ похвалахъ ничего чрезвычайнаго не находятъ, вѣдая, что оныя безъ разсужденїя имъ приписаны, и для того ихъ безъ благодаренїя принимаютъ. Иные ближняго только для того хвалятъ, что онъ имъ изряденъ и хвалы достоинъ показался;

а того не спрашиваютъ, что умные люди про него говорятъ, и какое объ немъ мнѣніе имѣютъ? Кто человѣка по виду и поступкамъ хвалы достойнаго увидя, искренно хвалить его похочетъ, тотъ болѣе добродѣтели и заслуги, нежели персональныя его доброты хвалить долженъ. Похвалъ такъ много, и столь безразсудно даютъ, что и повѣрять не льзя, дабы умной человѣкъ веселіе и удовольствіе отъ того имѣлъ. Буде кто во мнѣ то хвалитъ, чего я либо совсѣмъ не имѣю, либо не заслужилъ, то сіе его величаніе болѣе за презрѣніе, нежели за хвалу почитаю. Я никакихъ о себѣ похвалъ слушать не люблю, для того что ничего хвалы достойнаго въ себѣ не имѣю и не признаваю.

Пра́вило 2.

Всѣ тѣ похвалы смѣшны, ежели человѣка за то хвалятъ, чего въ немъ нѣтъ, и что ему не принадлежитъ.

Разсужденіе.

За то человѣка хвали, чего у него никто отнять, и никто ему дать не можетъ, и что его собственное, то есть хвали въ немъ такой разумъ,

которой бы въ намѣренiяхъ, въ разсужденiяхъ и въ поступкахъ безъ порока былъ. Понеже человѣкъ разумное созданiе, то слѣдственно и совершенъ. Ежели всѣ совершенства въ себѣ имѣетъ, которыхъ натура отъ него требуетъ, то сiе самое его истинной похвалы достойнымъ творитъ. А кто человѣка за постороннее хвалитъ, тотъ излишнiя и весьма непристойныя похвалы ему приписываетъ; а чрезъ сiе тайно въ стыдъ и смятенiе приводитъ. Ибо ежели кто за чужое и несвойственное кого хвалитъ, тотъ даетъ знать, что въ немъ ничего хвалы достойнаго нѣтъ. Умной непринадлежащую себѣ похвалу за такую образу почитаетъ, будто ничего хвалы достойнаго заслужить не умѣетъ. Онъ отъ сихъ похвалъ болѣе наставленiя, нежели суеты получаетъ, для подлиннаго исцѣленiя, а не ради ласкательства и умноженiя своей болѣзни.

Правило 3.

Тѣ не столько хвалятъ, которые меньше всѣхъ похвалы достойны.

Разсужденiе.

Понеже они въ самихъ себѣ весьма мало заслугъ чувствуютъ, то по сей

сей зависти и ревнїю ни въ комъ добродѣтели признать, и оныхъ хвалить не хотятъ; но въ такомъ суетномъ мнѣнїи остаются, ежели имъ кого похвалить, то будтобы чрезъ сїе самимъ себѣ бесчестїе нанести. Но понеже похвала правымъ поистиннѣ подобаетъ, и всякому совершенству достойной долгъ; то въ отданїи заслужившимъ и достойнымъ сего долгу всеобщая и публичная польза состоитъ; ибо чрезъ сїе умножается превосходство наукъ и художествъ. Заслуженная похвала зажигаетъ въ такихъ случаяхъ храбрость съ великодушїемъ, въ которыхъ бы сїи добродѣтели безъ похвалы угаснуть могли. Надлежитъ при семъ и то напомянуть, что человѣкъ отданїемъ должной чести, и достойной хвалы другимъ самъ себѣ почтенїе и хвалу присовокупляетъ.

Правило 4.

Кто хвалитъ для угожденїя, тотъ умъ и разсуждемїе свое плѣнниками учтивства творитъ.

Разсужденїе.

Намѣряющейся хвалить для угожденїя можетъ иногда не по достоин-

ству хвалить; а къ хвалѣ непремѣнно склонившаяся воля, умъ и разсужденiе къ обрѣтенiю причины къ хвалѣ неослабно побуждаетъ, а чрезъ то какъ умъ такъ и разсужденiе учтивству въ неволю и рабство отдаетъ. А ежели ничего достойнаго хвалы не найдетъ; то и не по заслугамъ хвалитъ. Въ такихъ случаяхъ человѣкъ показываетъ себя столько достойнымъ презрѣнiя, сколько другихъ своею хвалою похвалы достойными учинить хочетъ, и желая угодить одному, у многихъ себя въ презрѣнiе приводитъ; ибо удаляющихся отъ правды всякой человѣкъ осуждаетъ. Естьли же кто съ его мнѣнiемъ согласится, или къ намѣренiямъ онаго пристаетъ; то сiе по какой нибудь корыстной страсти учинитъ, а безъ того всякъ здраваго ума и разсужденiя человѣкъ знаетъ, что лжи и неправды никто хвалить не можетъ. Какъ бы человѣкъ внѣшними словами натуральной законъ ни атаковалъ, однако внутренняя наша тайнѣйшими разсужденiями должность свою ему отдаетъ. Ежели мнѣ прикажутъ въ честь и славу другихъ похвальныя рѣчи сочинять; то я сiе съ охотою исполню, только

ко бы того отъ меня не требовали, чтобъ мнѣ самому ложью и вымышленными неправдами въ стыдъ и смятенiе притти.

Правило 5.

Человѣку ничто такъ не прiятно, какъ отъ другихъ приносимая о немъ похвала, а сего уже противнѣе нѣтъ, ежели кто самъ себя хвалитъ.

Разсужденiе.

Люди произносимую о себѣ похвалу тѣмъ прiятнѣе принимаютъ, что чувствованiе заслуженой хвалы всякому человѣку природно, и такъ чувствительно, что за полученiе оной не только имѣнiе, но и самую жизнь теряютъ. Александръ великiй Аѳинянамъ сказалъ: „Ежели бы вы, „о Аѳиняне! знали, сколько я за сiе „терплю, дабы только отъ васъ „хвалу получить„. Сколь прiятно и радостно человѣку сiе, ежели другiе, указывая на него, въ слухъ говорятъ: Тотъ що Генералъ славныя и многiя побѣды надъ непрiятелемъ одержалъ. Сей ученой человѣкъ всѣ прiятности и учтивства необходимыя въ свѣтскомъ обхожденiи съ

глубокимъ понятіемъ высочайшихъ наукъ, не выходя изъ кабинета своего, соединилъ. Сей то Министръ посреди долговременной и непоколебимой заслугами полученной чести съ высокими достоинствами, всегда кротокъ, снисходителенъ, ко всѣмъ пріятенъ и милостивъ. Сей бескорыстной мужъ нажилъ богатство безъ обидъ и неправды, владѣніемъ онаго не гордится, о потеряніи безрассудно не печалится и не болѣзнуетъ; а имѣя оное въ рукахъ, не только въ свою пользу и услугу, но и на вспоможеніе ближнему употребляетъ. Сей человѣкъ всегда удаляется отъ роскошныхъ невоздержностей, но по случаю и нуждѣ удовольствія и забавы употребляетъ. По сему ни одного человѣка не сыщется, которой бы приписуемыхъ себѣ справедливыхъ похвалъ съ охотою и веселіемъ не слушалъ. А притомъ ни чего противнѣе нѣтъ, какъ собственная человѣка предъ другими о себѣ хвала, и самаго себя прославленіе; ибо чѣмъ болѣе человѣкъ себя почитаетъ, тѣмъ въ большее презрѣніе у другихъ приходитъ. Собственная хвала объявляетъ чрезвычайное самолюбіе, и великую въ человѣкѣ

вѣкѣ суету съ тщеславіемъ, которое самолюбиваго у людей сперьва въ посмѣяніе, потомъ въ ненависть, а на конецъ и въ совершенное омерзѣніе привести можетъ.

Правило 6.

Многія похвалы на интересѣ основаны бываютъ.

Разсужденіе:

Иные хвалятъ не для славы другихъ, но болѣе ради своей собственной пользы, какимъ бы то образомъ ни было. Почти никто безъ того охотно не хвалитъ, чтобъ изъ сея хвалы хотя малаго обороту на свою персону не имѣть. Хваленіе есть искусное, тайное и нѣжное ласкательство, отъ котораго на обѣ стороны удовольствіе приходитъ, а именно дающему и принимающему оное. Одинъ пріемлетъ хвалу за воздаяніе заслугамъ своимъ, а другой оную даетъ на показаніе своего ума и знанія. Иные хвалятъ для полученія обратной похвалы, другіе ради отворенія себѣ дороги къ щастію, третьи для убѣжанія отъ вреда, четвертые для снисканія удовольствія, а большая часть хвалимыхъ съ

такимъ добрымъ сердцемъ приносимыя себѣ хвалы принимаютъ, будто причиною тому единственно слова ихъ. Кто кого за подарки хвалитъ, тотъ его уподобляетъ вѣтряной мельницѣ, которая тѣмъ болѣе муки мелетъ, чемъ сильнѣе вѣтръ въ оную дуетъ. Кто хвалы и ласкательства чрезвычайно любитъ, тотъ не разсуждаетъ, что онъ въ сѣти сихъ хвалителей впасть можетъ; ибо для котораго корыстнаго намѣренія они человѣка хвалятъ, для той же самой причины и злословить его могутъ. Ежели сіи ублажатели хотя малую корысть и пользу увидятъ, то самаго подлѣйшаго, уповая отъ него нѣчто получить, выше лучшаго человѣка лестными похвалами возвысить могутъ, забывъ и презирая всѣ прежнія благодѣянія. Я бы изъ устъ такихъ людей ни малой хвалы слышать не хотѣлъ, и лучшебъ желалъ, что бы они меня никогда не знали, нежелибъ хвалили. Когда они меня не знаютъ, то и зла мнѣ дѣлать не подумаютъ; а узнавъ и похваливши, могутъ стараться о поврежденіи мнѣ, ежели я по желанію, и за хвалу ихъ не награжу или отъ непріятелей моихъ большаго награжденія уповать могутъ.

Пра-

Правило 7.

Никогда похвалЪ не ищи, да только о томЪ старайся, чтобЪ оныя заслужить.

Разсужденіе.

Люди такому своенравному непостоянству подвержены, что тотЪ человѣкЪ славы и покоя своего очевидно лишается, которой хвалу и почтеніе свое на народномЪ величаніи утверждаетЪ. Умному того довольно, чтобЪ добрыя и истинныя славы достойныя дѣла исполнять, а о народной хвалѣ не печалиться, вѣдая, что она не только на одномЪ перемѣняется, но и весьма скоро изчезаетЪ; а добродѣтель безсмертна и похвалы достойна. ,,Честолюбіе есть ,,подлинное безумство, и совершенная ,,суета. Честолюбивой человѣкЪ бѣ,,гаетЪ за дымомЪ, и гоняется за ,,тѣнью, оставя солнце, то есть, ,,не здѣлавЪ добродѣтели, ищетЪ ,,отЪ людей суетной славы, всю ,,свою природную свободу доброволь,,но оставляетЪ, для послѣдованія ,,чужой страсти; самЪ себѣ вредитЪ ,,и прогнѣвляетЪ вЪ угожденіе смот,,рящимЪ; такЪ добродѣтель лю,,битЪ, какова она народу угодна,

 ,,благое

„благое творитъ не для воздаянія „отъ Бога, но ради славы и почтенія отъ людей„. О семъ нѣкто изъ ученыхъ весьма разумно написалъ: „Всякая хвала въ то время изрядна, „ежели оная отъ любящихъ правду, „и истинную добродѣтель почитающихъ происходитъ. Токмо мнѣ „чрезмѣрное любленіе чести и похвалъ весьма страшно, для того что „онѣ человѣка весьма повреждаютъ: „вперяютъ безмѣрное самолюбіе, и „наполняютъ суетою и тщеславіемъ. „Разумной тѣмъ довольствуется, „чтобъ хвалу добродѣтельми своими „отъ всѣхъ заслужить, а отъ льстецовъ и ласкателей бѣгать. Наилучшая есть хвала, кто кого въ отсутствіи хвалитъ, ежели отсутствующей сей хвалы подлинно достоинъ. Ежели вы меня подлинно „за добраго почитаете, то вѣрьте, „что я всегда скромнымъ буду, а „суеты и тщеславія конечно бояться стану. При томъ прошу васъ „отъ такихъ похвалъ меня уволить, „которыя добродѣтель мою повредивши, къ самолюбію привесть могутъ„. Буде человѣкъ къ ласкательствамъ склонится, то оныя смѣшнымъ его учинятъ; буде же на остро-

умныя

умныя или нѣжныя похвалы польстится, то онѣ человѣка самолюбіемъ ослѣпивши, въ крайнюю суету приведутъ; а съ праведными заслугами и истинною добродѣтелію человѣкъ ни суетенъ, ни безчестенъ, ни смѣшонъ, ни поруганъ не будетъ.

Правило 8.

Великое исскуство, когда кто въ хвалѣ мѣру знаетъ.

Разсужденіе.

Всѣми силами того храниться надлежитъ, дабы хвалою своею малѣйшаго карла чрезвычайнымъ великаномъ, а наибольшаго исполина или гиганта не обыкновенной малости карликомъ ни учинить. Въ первомъ случаѣ покажется, что хвалящей о заслугахъ хвалимаго сомнѣвается, когда не по должности его хвалитъ; а по второму человѣкъ самъ надъ собою, или надъ другими смѣется. Но всего лучше сказать, что чрезвычайными похвалами возбуждается любопытство, а зависть такъ поощряется, что ежели въ хвалимомъ того нѣтъ, за что его такъ много хвалятъ, какъ сіе весьма часто случается, то всякъ, увидя ясно такое ласкатель-

ство хвалящаго и хвалимаго въ смѣхъ и въ поруганіе приведетъ.

Умѣренная похвала отъ всѣхъ изрядно принимается, наподобіе сшитаго платья, которое смотрящимъ нравно, а носящему въ пору и покойно.

Пра́вило 9.

Какъ на слушающихъ такъ и на принимающихъ твои похвалы съ равнымъ примѣчаніемъ смотрѣть надобно.

Весьма непристойно хвалить подчиненаго въ присудствіи начальника его за такія заслуги, за которыя оба они равной себѣ похвалы уповаютъ; или бы я передъ глазами моего друга сталъ хвалить озлобителя и непріятеля его.

Пра́вило 10.

Кто хвалу чрезвычайно любитъ: тотъ желаетъ, дабы никого кромѣ его не хвалили.

Разсужденіе.

Для сего то иные ни другихъ хвалить, ни отъ нихъ похвалы принимать не могутъ, сказывая, будуто

 его

его любленіе правды къ сему не допускаетъ; только еще подлинно неизвѣстно, можно ли сему вѣрить, ибо ужѐ самое искуство показало, что многимъ сіе непротивно, когда ихъ за такія добродѣтели и заслуги хвалятъ, какихъ они не имѣютъ. А другихъ какъ бы кто ни хвалилъ, однако тѣмъ ихъ не удивитъ; ибо они и безъ посторонняго разхваливанія отъ природы влїянные таланты, также наукою и тщаніемъ прїобрѣтенныя свои добродѣтели и заслуги знаютъ; а ежели иногда по справедливости и заслугамъ своимъ приносимыхъ себѣ похвалъ не примутъ, и то дѣлаютъ для полученія бо́льшаго хваленія, или ужѐ для того, чтобъ самимъ никого не хвалить.

ГЛАВА ВТОРАЯ НАДЕСЯТЬ.

ЯЗЫКЪ ЛАСКАТЕЛЯ.

Пра́вило I.

Человѣкъ самому себѣ перьвой ласкатель.

Разсужденіе.

Всякъ изъ насъ прежде всѣхъ себѣ ласкать тщится. Не собственное ли ласка-

ласкательство, когда человѣкъ о своихъ талантахъ высокоумствуетъ, мнѣнія свои оправдаетъ, а при томъ никого лучше и совершеннѣе себя не ставитъ? Что ужё ласкателямъ больше для насъ дѣлать? Не того ли мы отъ всѣхъ желаемъ, что бы поступкамъ нашимъ премудрость приписывали, мнѣнія справедливыми, а мысли остроумными почитали? Чрезъ сіе то подаемъ мы поводы ласкательству, а интересъ многихъ людей побуждаетъ, употреблять оной въ свою пользу. Почти никто отъ ласкателей законъ воротъ своихъ не запираетъ, но токмо слегка притворенныя оставляетъ. Нѣкоторой ласкатель сходно съ мнѣніемъ подобныхъ себѣ слѣдующія слова говорилъ: „Мои остроумныя униженности и „искательства съ пріятнымъ учтив„ствомъ сердце нѣкотораго такъ „склонили, что я въ состояніи учи„нить ему вѣроятными всѣ мои пред„ложенія. На чтожъ меня благая „природа такимъ щастливымъ талан„томъ одарила, какъ не на сіе, да„бы онымъ какъ возможно пользо„ваться во уловленіи человѣческихъ „слабостей, изъ которыхъ люблевіе „похвалъ съ безумною гордостью наи„боль-

„большія суть; а я научился такимъ „страстямъ подверженныхъ людей „съ сихъ слабыхъ мѣстъ атаковать, „для того что они обмануты быть „хотятъ. Я умѣю недостатки и „пороки ихъ ублажать, безумства „ихъ хвалить, а въ страстяхъ ихъ „участіе принимать привыкъ, и вник„нувши къ познанію слабостей ихъ, „всѣ мои поступки смотря по ихъ „учреждаю. Буде они веселы, то и „я веселюсь, а ежели печальны, то „сѣтую и плачу; а чрезъ сіе въ та„кой себя кредитъ и любовь у нихъ „привожу, что они безъ меня про„быть не могутъ. Симъ способомъ „искусной человѣкъ слабоуміе знат„ныхъ въ свою пользу употребляетъ, „и такими дверьми толь многіе лю„ди въ домъ фортуны приходятъ. „У меня ни деревень ни дворовъ нѣтъ, „торговъ и промысловъ не бывало, „жалованья и доходовъ ни откуды „не получаю, но одною хвалою и „ласканіемъ такихъ людей живу, ко„торые все сіе имѣютъ. То у меня „лавки и деревни; хотя доходы съ „нихъ неисправны, только владѣніе „и наслѣдство подлинно. А безу„міе съ суетою людей такой капи„талъ, которой никогда не пропадетъ.

Въ такое состоянїе приводимъ мы сами себя своимъ самолюбїемъ, которое хуже всѣхъ ласкателей и льстецовъ. Когда мы сами себѣ льстить не будемъ, то никто намъ ласкать не посмѣетъ. Ежели люди примѣтятъ, что мы ни чѣмъ знатнымъ и отмѣннымъ быть не желаемъ, то никто сего труда на себя не возметъ, чтобъ важность и добродѣтель нашу испытать. Сїе то пристрастное желанїе ласкательства всѣ нынѣшныя компанїи и обходительства торгомъ вымышленныхъ лжей, а при томъ зборищемъ выбранныхъ и притворныхъ похвалъ учинило. Гдѣ одинъ отъ другова всякихъ ласкательствъ ждетъ и надѣется, другъ другу въ подаваемыхъ похвалахъ завидуетъ, одинъ другова пороки за добродѣтель почитаетъ, для прикрытїя собственныхъ погрѣшностей, въ такихъ случаяхъ ложь за учтивство, а обманъ за искусство почитается. Понеже люди правды для того не любятъ, что она ихъ смиряетъ, то вмѣсто сего сказываютъ ложь для того, что она ласкаетъ и манитъ. Всѣ сїи праведныя разсужденїя учатъ человѣка, что чѣмъ болѣе онъ будетъ любить ласкательство, тѣмъ больше отъ

добро-

добродѣтели и совершенства удалится. Ибо собственные пороки и погрѣшности сами отъ себя скрывая, и не позволяя другимъ объявлять, никогда оныя исправить не возможемъ. Умной лучше желаетъ, чтобъ никогда объ немъ не упоминали, нежели съ безмѣрными хвалами говорили. Кто въ разговорахъ обо мнѣ молчитъ, тотъ никакого вреда не здѣлаетъ; а чрезвычайными похвалами всеконечно зависть и любопытство противъ меня возбудитъ. А ежели люди увидятъ, что я произнесенныхъ обо мнѣ похвалъ недостоинъ [а сїе легко случиться можетъ], то меня вмѣсто почтенїя презирать станутъ; и такъ вмѣсто уповаемой отъ ласкателя ложной славы можетъ человѣкъ въ подлинное бесчестїе притти. Ласкательство само собою не только никакого добра въ человѣкѣ произвесть не можетъ, но еще и то добро портитъ, которое въ немъ находится. Отъ меня ласкатели тѣмъ меньше пользы получатъ, что я себя самъ больше ихъ знаю, и никакимъ ихъ улещанїямъ не вѣрю; а ласкательства ихъ такую пользу приносятъ, что вмѣсто наставленїя, показываютъ, какову мнѣ быть надлежитъ.

Правило

Правило 2.

Ласкатели то дѣлаютъ, что похвалами своими о мнимыхъ заслугахъ и несущихъ добродѣтеляхъ знатныхъ людей въ безславіе приводятъ.

Разсужденіе.

Между живущими на землѣ вельможи больше всѣхъ себя любятъ, и слѣдственно желаютъ, чтобы люди прежде и больше всѣхъ имъ ласкали, а хвалы бы свои по мѣрѣ знатности ихъ персонъ, и высокихъ достоинствъ учреждали.

Пользою и преимуществомъ своей власти не довольствуясь, требуютъ еще почтенія; а кто имъ онаго не оказываетъ, *тому они страшными* себя кажутъ. Имѣя въ рукахъ своихъ наказаніе и воздаяніе, по своей волѣ употребляютъ, а сіе весьма многихъ ласкателей имъ привлекаетъ, для страху или ради прибыли. Сіи ласкатели больше всего о томъ стараются, какъ бы пороки вельможъ хвалами своими подкрѣплять, а нѣкоторыя на добродѣтель похожія обстоятельства остроумными ублажаніи возносить; а оные виды ни

какой

какой твердости, ни истинной славы не имѣютъ. Крайнее тщание прилагаютъ о закрытии правды, чтобъ она ихъ не уязвила, и для того всякія дѣла сихъ великихъ людей извиняя правятъ. Ласкатели гораздо злѣе ласкаемыхъ, для того что сею подлою своею страстью, то есть похлебствомъ, другихъ людей въ гордость и безчинство приводятъ. Повреждаютъ скромность знатныхъ притворнымъ удивленіемъ великолѣпію и славѣ, а при томъ чрезвычайною хвалою богатства и великаго имѣнія ихъ. Чтобъ было въ великомъ изобиліи преизрядныхъ ѣствъ, ежелибъ никто оныхъ не вкусилъ? а временемъ отъ безмѣрнаго излишества приходитъ омерзѣние. Чтобъ было въ богатыхъ уборахъ, и великолѣпныхъ палатахъ ихъ, ежелибъ никто ихъ не видалъ? ибо сіи вещи сами въ себѣ не великой важности, ежели никто ихъ не хвалитъ, а имѣющаго оныя благополучнымъ не почитаетъ. Иногда учтивства ласкателей не только чрезмѣрны, но и смѣшны бываютъ.

Филипъ Царь Македонскій принужденъ былъ для полученной раны на головѣ пластырь носить; чего ради мно-

многіе изъ придворныхъ его во угожденіе ему такіе же пластыри на головахъ имѣли Король Денисъ меньшей весьма слабой видъ имѣлъ, и отъ того часто въ хожденіи запинался, что примѣтя придворные, во угожденіе своему Монарху начали не только спотыкаться, но и власно какъ бы слѣпые другъ объ друга биться.

Комбалъ, Фаворитъ Короля Селевка, и любимецъ Стратоники супруги его самъ себя евнухомъ здѣлалъ для убѣжанія хулы и порицанія, что всѣ тѣ учинили, которые въ семъ великомъ человѣкѣ милости искали. Понеже Король Митридатъ любилъ въ лѣченіи и въ Хирургіи упражняться, то ласкатели давали ему члены свои рѣзать, и потомъ лѣчить. Похлебствующіе Аристотелю такъ же заикались, какъ онъ. А понеже Александръ великой искривя голову ходилъ, то многіе для мнимаго емуугожденія тожъ дѣлали. Ничто такъ не подло, какъ льстецъ и ласкатель, которой болѣе съ трусости, нежели для учтивства всякія рѣчи хвалитъ, не зная различія между праведнымъ и ложнымъ, такъ же между добрымъ и злымъ.

Сіе поступку похлебствующихъ тѣмъ въ большее презрѣніе приводитъ,

дитъ, что они пороки и погрѣшности тѣхъ людей хвалятъ, которымъ льстятъ и похлебствуютъ, а неправды оправдаютъ, и чрезъ то въ непорядкахъ ихъ подкрѣпляютъ, а въ страстяхъ усиливаютъ.

„Камбизъ Царь Персидскій принявъ намѣреніе жениться на сестрѣ „своей, спросилъ первѣйшихъ судей „въ Персіи, естьли такіе законы, „которые бы сіе дѣло позволили? на „что судьи Царю отвѣчали: поистиннѣ сказать, хотя на сіе позволяющихъ законовъ и нѣтъ, однако „же такое право есть, которое Царю даетъ волю все то дѣлать, что „ему угодно„.

Сколь безсчастны славные и возвышенные въ родѣ человѣческомъ? Они не могутъ видѣть чистой правды собственными глазами; при нихъ живущіе рѣдко кого съ правдою до ихъ персоны допускаютъ; всякъ старается имъ ласкать и обманывать. Подъ видомъ усердія и ревности таится честолюбіе; подъ образомъ любви къ государю только богатства и чести отъ него желаютъ.

И такъ подлинно вѣрить надлежитъ, что вельможи, и славные въ свѣтѣ весьма меньшему осужденію под-

подвержены, но ласкатели ихъ почти во всемъ виноваты. По сему о нещастіи знатныхъ сожалѣть, а злобу и лесть похлебствующихъ и манящихъ имъ въ крайнемъ омерзѣніи имѣть надлежитъ. Отъ сея моровой язвы и тлѣтворнаго вѣтра роду человѣческому то наилучшее лѣкарство, дабы всякую отъ ласкательства произходящую гордость смиреннымъ признаніемъ отгонять, и ни какой надежды ласкателямъ не давать къ полученію пользы за похлебство и ласканіе ихъ. То человѣку лучшая слава, и большая похвала, дабы совершенство съ добродѣтельми въ себѣ имѣть, а самому оными не хвалиться, и не желать, чтобъ другіе про него говорили; ибо добродѣтель въ то время совершенна и тверда, когда вѣтръ суеты и тщеславія оную не подкрѣпляетъ.

Пра́вило 3.

Человѣкъ утаеніемъ собственныхъ пороковъ прикрываетъ погрѣшности другихъ.

Разсужденіе.

Сему главная причина та, что когда человѣкъ ласкаетъ другимъ, то самъ

самъ отъ нихъ ласканія желаетъ. Прощая грѣхи чужіе, о своихъ грѣхахъ прощенія проситъ. Хотя люди симъ образомъ для взаимной благодарности торгуютъ; однако рѣдко кто отъ промысла истинную и твердую пользу получаетъ. Всѣ сіи похлѣбства ни малаго совершенства въ ласкаемыхъ не причиняютъ, а ласкателей у слушающихъ въ жалость и омерзѣніе приводятъ. Ежели вспомнимъ, какое презрѣніе мы къ тѣмъ имѣли, которые ласкательство съ пріязнью и сладостію вкушали; то подлинно разсудимъ, что люди и насъ такъ же презирать станутъ, ежели мы на такую же сладость польстимся.

Пра́вило 4.

Не такъ отъ похлѣбства удаляться должно, чтобъ вмѣсто ласкателя грубымъ здѣлаться.

Разсужденіе.

Пороковъ не ласкать изрядно, а добродѣтели никогда не хвалить весьма зло. Тотъ ужѐ совершенство хулитъ, кто надлежащей ему похвалы не отдаетъ. Сіе добродѣтели хула, чтобъ надлежащей хвалы ей не

отдавать, или по крайней мѣрѣ поводъ къ вѣроятїю, что человѣкъ угрызается завистїю или ненавистїю на тѣхъ, чьихъ дѣлъ хвалить не хочетъ, какой бы оныя славы и чести достойны ни были. Мы обыкновенно тѣхъ со удовольствїемъ переговариваемъ, которыхъ хвалить трудно, и такъ всѣ тѣ въ свѣтскомъ обхожденїи несносны, которые притворною нѣжностїю совѣсти, ничего хвалить не хотятъ. Такїе люди ни малѣйшей сладости учтивства въ компанїи дать не хотятъ, и ничего кромѣ горѣсти во оную не приносятъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ НАДЕСЯТЬ

ЯЗЫКЪ ЛЖЕЦА.

Пра́вило I.

Ложъ Богу противна, а людямъ мерзска.

Разсужденїе.

Сїя подлая слабость причиняя отъ люде страхъ; принуждаетъ человѣка быть предателемъ правды въ объявленїи лжи. А когда ужѐ какъ трусость, такъ и слабость равнаго презрѣнїя

презрѣнія достойны; то слѣдственно и лжецъ такомуже омерзѣнію подверженъ. Но понеже лжецъ боится людей, то чрезъ сіе показываетъ, что онъ Бога не боится. Ибо не разсуждая о томъ, что Богъ тайнѣйшія помышленія сердецъ нашихъ вѣдая, и хитрѣйшія предательства человѣческія знаетъ, то поруганіемъ правды самого себя ругаетъ, и потому самъ своему ругательству и ненависти причиною, для того что и самъ ложнаго никогда любить не можетъ и не будетъ. Ложъ такъ мерзска, что всякой человѣкъ, какой бы онъ лжецъ ни былъ, лжи въ другомъ человѣкѣ терпѣть не можетъ. Правда Богу и людямъ такъ угодна, что всякъ признаваетъ, какого высокаго почтенія истинна достойна, хотя ей ни кто надлежащей чести не отдаетъ. Когда человѣкъ отъ правды удалится, тогда внутренняя правда, которой ни кто уничтожить не можетъ, тайно человѣка осуждаетъ, и сіе бы его безъ сомнѣнія къ должности его привело, ежели бы развращеніе поврежденнаго сердца отъ того не отвлекало. Интересъ страстей нашихъ принуждаетъ насъ лгать, а обыкновеніе во лжи

такъ лживымъ и обманчивымъ человѣка творитъ, что обманувши другихъ напослѣдокъ самъ себя прельщаетъ и обманываетъ. А отъ того приходитъ, что слова наши невнятны, поступки неправы, дѣла развращенны, намѣренія безъ исполненія, а поведеніе наше безъ мѣры и безъ правила бываетъ; а все сіе отъ того случается, что правда насъ за руку не водитъ, а кромѣ ея одной никто истиннымъ человѣку предводителемъ быть не можетъ. Первое начало развращенію сердца человѣческаго есть изгнаніе правды. Я ничего такъ не боюсь, какъ неправеднымъ быть; а ежели я лживъ, то ни съ Богомъ ни съ людьми, ни съ самимъ собою согласенъ не буду.

Правило 2.

У кого ложъ въ словахъ, тому въ компаніи не вѣрятъ.

Разсужденіе.

Всякая ложъ въ обхожденіи человѣческомъ противна, а всякой лжецъ обману, и за то омерзѣнію всякаго человѣка въ компаніи подверженъ; и по тому никто словамъ его не вѣритъ, вѣдая, что оныя съ его сердцемъ никог-

когда не сходны. По истиннѣ, ложъ великой порокъ. Мы живемъ и соединяемся словомъ, а кто въ словѣ лжетъ, тотъ все общество предаетъ. Симъ единымъ орудіемъ воля съ мыслію человѣческою сообщается. Слово есть переводчикъ мыслей; а ежели оно насъ обманываетъ, то все обхожденіе человѣческое разрываетъ, а и правдѣ во устахъ лжеца не вѣрятъ, но всегда ее за басни и сказки почитаютъ, какъ бы онъ ни божился.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ НАДЕСЯТЬ

ЯЗЫКЪ САМОХВАЛА.

Правило I.

Тѣ обыкновенно высочайшимъ голосомъ говорятъ, которые трусливѣе и отчаяннѣе другихъ.

Разсужденіе.

Для чего бы человѣку самому себя хвалить и тщеславиться, ежелибъ онъ не желалъ у слышателей своихъ не только вѣроятіе, но и хвалу силою получить? а самъ знаетъ и въ себѣ и чувствуетъ, что ни одного ни другова не достоинъ. Сія неизвѣст-

извѣстность и сомнѣніе о полученіи желаемой славы, причиняетъ въ умныхъ людяхъ невѣроятіе словамъ его; ибо самое искусство показало, что дѣла самохваловъ съ словами ихъ весьма не сходны.

Слова показываютъ храбрость, а дѣла свидѣтельствуютъ о истинномъ состояніи человѣка; а ежелибъ самохвалъ больше дѣлалъ, тобъ уже всеконечно меньше говорилъ, вѣдая, что дѣла сами о себѣ говорятъ. Но понеже онъ ни о чемъ кромѣ многорѣчія не думаетъ, то между тѣмъ о дѣлахъ не рачитъ. Уповая хвастовскими словами своими другихъ увѣрить, о исполненіи великихъ дѣлъ не мыслитъ, и о томъ не разсуждаетъ, что говорить очень легко, а дѣломъ исполнить весьма трудно. Ежелибъ можно было одними словами славу получить, то для чего-бы и великія дѣла предпринимать? Всякому человѣку свойственно, чтобъ въ такихъ дѣлахъ и случаяхъ кратчайшею дорогою итти, по которымъ въ желеніяхъ своихъ успѣхъ получить уповаетъ. Хотя онъ надѣется, что правъ и безопасенъ, но въ сей надеждѣ многіе весьма часто обманываются. О великихъ самохвалахъ весьма гово-

говорятъ не почтительно. Хотя отъ словъ и самохвальства ихъ великой шумъ происходитъ, только они симъ штурмомъ сами себя безпокойными творятъ, а уши слышателей крикомъ своимъ повреждаютъ. Хотя за важныхъ людей почтены быть желаютъ, однакожъ другіе скучными ихъ зовутъ. Желаютъ, чтобъ всѣ про нихъ говорили, что хотя и исполняется, однако не въ пользу, но больше ко вреду, и не къ хвалѣ, но къ безславію за суесловство и тщеславіе ихъ. Чѣмъ болѣе хвалятся, тѣмъ больше побуждаютъ людей къ разсмотрѣнію дѣлъ и поступокъ своихъ, и по тому хотя думаютъ, что они самохвальствомъ своимъ быстро впередъ забѣжали, однако по дѣламъ своимъ далеко назади остались. Котораго человѣка много хвалятъ, тотъ для умноженія своей славы великія заслуги показать долженъ; ибо смотрящему высокое мнѣніе имѣть не трудно, а тому несравненно труднѣе, для удовольствія всѣхъ тѣхъ великія дѣла дѣлать, кои на него смотрятъ. Обыкновенное нещастіе славныхъ людей въ томъ состоитъ, что они въ то совершенство не приходятъ, котораго люди отъ нихъ чаяли, и дѣй-

ствїемъ того не исполняютъ, чего отъ нихъ надѣялись. Умной человѣкъ ничѣмъ не хвалится, но того болѣе желаетъ, чтобъ люди его прославляли, нежелибъ за его самохвальство безславили. Единственно за свою должность признаваетъ исполненїе того, что истиннаго почтенїя и славы достойно, а должную за сїе похвалу другимъ оставляетъ, и на ихъ волю предаетъ.

Правило 2.

Кто учиненнымъ добрымъ дѣломъ хвалится, о томъ будутъ думать, что онъ сїе токмо для самохвальства и тщеславїя здѣлалъ.

Разсужденїе.

Умное и разсудительное молчанїе о учиненномъ добрѣ подобно тѣни въ живописной работѣ, которая тѣмъ всю живопись украшаетъ. Кто о своихъ добрыхъ дѣлахъ молчитъ, того добродѣтель наиболѣе прославляетъ. Которая скромность его къ утаенїю принуждаетъ, та понуждаетъ другихъ къ объявленїю. Всякъ почитаетъ себя обязаннаго къ прославленїю тѣхъ его добродѣтелей,

кото-

которыя онъ самъ таитъ; и такъ слава за нимъ въ самыя отдаленнѣйшія мѣста добровольнаго его уединенія гонится, для изведенія его на свѣтъ, и для отданія ему той чести, которую добродѣтель всегда требовать можетъ. Самохваламъ все противное дѣлается. Ибо люди думаютъ, будто они добро только для того дѣлаютъ, чтобъ самимъ про оное всегда говорить, и передъ свѣтомъ тщеславиться, а для того никто про нихъ не говоритъ, такъ какъ бы они ничего не дѣлывали. Умной желаетъ столько добра дѣлать, сколько законъ добраго примѣра отъ него требуетъ. Ежели кто дѣла другова хвалитъ, то всѣ ему удивляются; а кто самъ себя хвалить начнетъ, того всѣ презираютъ, и суетнымъ самохваломъ зовутъ. Онъ сїю славу собственнымъ языкомъ потерялъ, а ежелибъ молчалъ, тобъ она цѣла и сохранна была. Самохвалы такъ же какъ имѣющїе цынгу во ртѣ, или другой худой запахъ людямъ противны.

Правило 3.

Кто много хвалится для полученія славы, тотъ никогда того не дѣлаетъ, что говоритъ.

Разсужденіе.

Не мало такихъ суетныхъ самохваловъ на свѣтѣ, которые лукавствомъ людей обнадеживаютъ, будто они другимъ все дѣлать въ состояніи, а сами себѣ помочь и ничего здѣлать не могутъ. Сіи самохвалы подобны такимъ обманщикамъ, которые хвастаютъ, будто у нихъ Лаписъ философорумъ, [Философской камень] есть, которымъ они изъ пепелу золото, а изъ стекла алмазы дѣлать умѣютъ; а въ самомъ дѣлѣ такъ голодны и бѣдны, что ни пропитанія, ни одежды не имѣютъ. Онижъ равны съ торговыми лѣкарями [шарлатанами], которые публичнымъ и наглымъ болтаніемъ, простыхъ и незнающихъ людей обманываютъ; для полученія отъ нихъ копѣйки, обѣщаютъ на рубль. Однакожъ сіе тщеславіе не всегда для интересу, но болѣе для суеты и самохвальства бываетъ. Великая радость самохвалу, ежели онъ изъ своего

его кабинета или изъ спальни выдетъ, а прихожая его полна разнаго чину людей, которые всѣ помощи его просятъ, и милости отъ него ждутъ, которой онъ не только имъ здѣлать, но и самъ получить не можетъ; но не смотря на сіе надежно ихъ увѣряетъ, какъ бы сіе въ одной его волѣ и власти было. Сіе обѣщаніе приноситъ ему почтеніе, а онъ того только и желаетъ. Буде же они правду и его безсиліе узнаютъ, то онъ вмѣсто того другихъ станетъ обманывать. Хотя самъ знаетъ, что онъ являемой себѣ чести недостоинъ, и не таковъ великъ, какъ объ немъ думаютъ; однакожъ тѣмъ утѣшается, что и тѣ не лучше его, въ которыхъ онъ ищетъ; власно какъ бы думалъ, будто свѣтская честь такъ нетверда и непостоянна, что важнаго труда и попеченія не стоитъ. Самохвалъ бы никогда такъ много слабоумныхъ и легковѣрныхъ людей не находилъ, ежелибъ люди въ желаніи своемъ такъ пристрастны и слѣпы не были, и на видъ не много уповали. Самохвальство и надменное его поведеніе однихъ только подлыхъ и слабоумныхъ людей прельщаетъ, которые ни довольной силы ни раз-

сужденія не имѣютъ на познаніе подлиннаго состоянія дѣлъ. Все свѣтящееся ихъ такъ ослѣпляетъ, что они безъ разсмотрѣнія всему послѣдуютъ, и развѣ уже по долговременномъ искуствѣ подлинное свое состояніе узнавши скажутъ: полно ждать, возвратимся. Умной не только напрасно не сказываетъ, что онъ въ великой силѣ, но которую силу или повѣренность у знатныхъ имѣетъ, и ту съ крайнею осторожностію таитъ, дабы въ напрасное порицаніе и стыдъ не притти.

Пра́вило 4.

Всякой самохвалъ скоръ къ разсужденію и оговорамъ.

Разсужденіе.

Которая суета человѣка къ тщеславію побуждаетъ, та его къ равновременному разсужденію и къ приговорамъ влечетъ. Самохвалъ для того тщеславится, что себя отъ другихъ почтенія и хвалы достойнымъ быть уповаетъ. А при томъ думаетъ будто все почтеніе его пропадетъ, ежели ему не дожидаясь отвѣта и не выслушаннаго дѣла не огово-

оговорить. Самовластныя и скоропостижныя резолюцїи однимъ молодымъ, или незнающимъ людямъ приличны.

Умной разсуждая о какомъ дѣлѣ, ничего скоро не заключаетъ, вѣдая, что на разсмотрѣнїе зла съ добромъ, и лжи съ правдою остраго понятїя и великаго ума потребно.

ГЛАВА ПЯТАЯ НАДЕСЯТЬ

ЯЗЫКЪ ЗЛОСЛОВЯЩАГО.

Прáвило I.

Злословїе такъ велико, что ни кто онаго избѣжать не можетъ.

Разсужденїе.

Человѣку на свѣтѣ ничего милѣе славы и добраго имени нѣтъ, а для того, что сїи вещи не только нарушенїемъ покоя и потерянїемъ имѣнїя, но и самымъ излїянїемъ крови получаются; однакожъ ничто такъ частому нападенїю не подвержено, какъ слава и доброе имя. Великїе и малые, бѣдные и богатые, старые и молодые, добрые и злые, всѣ язвительному

ному злословїю подвержены. Оно все портитъ, и безобразнымъ творитъ. Ни праведныхъ, ни грѣшныхъ не щадитъ, но всегда готовой страшной судъ имѣетъ, гдѣбъ не только дѣла, но и помышленїя судить. Гордость со злобою проводитъ злословие до самаго сердца; а больше всего въ томъ свое удовольствїе находитъ, чтобъ за непорочную жизнь злословить и ругать, обладаннымъ своимъ ядомъ людямъ и самую непорочнѣйшую чистоту подозрительною казать, а правду незнатною и невразумительною творить. Ухищренная злоба злословныхъ языковъ такъ велика стала, что ядомъ своимъ все повреждаетъ. Тамъ зло и бѣду причинитъ, гдѣ оныхъ не бывало; а добра ни гдѣ и ни въ комъ признать не хочетъ. Понеже суевѣровъ въ свѣтѣ умножило, то сїи заблуждающие и вѣрить не хотятъ, что истинное благовѣрїе есть, такъ же будто человѣкъ по довольномъ и зрѣломъ разсужденїи о минувшей своей жизни, не можетъ удалиться отъ игры, отъ худыхъ компанїй, и отъ вредныхъ забавъ и роскошей поврежденнаго свѣта; что бы молодая дама отреклась роскошнаго житїя и суеты, для послѣдованїя пра-

правиламъ христіанской набожности и воздержанія. Сей перемѣнѣ причинъ ищутъ, и всегда такихъ ищутъ, которыя бы съ христіанствомъ несходны были, чтобъ сію перемѣну непостоянству, своенравію, лехкомышленности, суетѣ или безщастію приписать. Почти всякъ злословіе охотно слушаетъ, и съ его мнѣніемъ скоро согласуется, что временемъ и добросовѣстные люди дѣлаютъ, которые сію ухищренную злобу безъ всякаго умыслу подкрѣпляютъ. А хотя злословящіе какъ возможно въ томъ ихъ содержатъ и утверждаютъ; однако сія поступка не только безчестна и мерзка, но и безчеловѣчна. На толи мы родились, что бы намъ другъ друга такимъ образомъ губить? Ненависть, зависть, неправда, злость, предательство и безчеловѣчіе, приличны ли по образу и по подобію Божію созданному человѣку? А въ злословящемъ всѣ сіи губительныя страсти живутъ. Гдѣжъ такого человѣка сыскать, которой бы сему яду не подверженъ былъ. Я бы ничего не желалъ кромѣ такой власти, которую бы могъ злословящимъ молчаніе налагать, и такой же на нихъ жестокой законъ положить,

жить, какъ на разбойниковъ и человѣкоубицовъ. Но понеже такой воли и власти не имѣю, то довольствуюсь тѣмъ, что презрительнымъ видомъ, и молчанiемъ злословящихъ опорочиваю, а добродѣтельному человѣку, оклеветанному и злословiе терпящему, по крайней возможности служу. Я же всѣми силами стараюсь такiя рѣчи прекращать, и о какомъ нибудь постороннемъ дѣлѣ говорить.

Правило 2.

Ежелибъ злословящей силу и случай имѣлъ, тобъ всеконечно тому зло здѣлалъ, кого злословитъ.

Разсужденiе.

Не тоже ли злодѣйство стало, когда одинъ другова поноситъ, злословитъ и клевещетъ на его?

Злословящему и клеветнику не надобно искать случая къ злодѣйству; ибо злословiе съ клеветою его довольно уже зла въ себѣ содержитъ. А сiе зло неизцѣлимое и невозвратное, какъ бы сiе зло здѣлавшей о исправленiи онаго ни старался. Какъ уже сказанное слово возвратить и уничтожить, которое уже чрезъ

мно-

множество языковъ перешло, и безчисленными повтореніями въ злобѣ умножилось. Какъ можно уничтожить во многихъ людяхъ отъ сего многова повторенія вооруженное мнѣніе? Чѣмъ больше человѣкъ о сихъ трудностяхъ разсудитъ, тѣмъ болѣе зла въ злословіи найдетъ, а притомъ подлинно увидитъ, что оно неизцѣльно и невозвратимо.

Правило 3.

Злословящей и клеветникъ признаваетъ свое злословіе о другихъ за оправданіе въ томъ справедливомъ злословіи, которому онъ самъ подверженъ.

Разсужденіе.

Напрасно клеветникъ и злословящей уповаетъ сіе оправданіе получить; ибо никто изъ слушающихъ такимъ образомъ его не оправдаетъ. Хотя слушатели того съ охотою виноватымъ и признаютъ, кто сему злословію причиною; однакожъ вѣдая худыя поступки оклеветаннаго, никогда не повѣрятъ, чтобъ онъ сего злословія по справедливости не заслужилъ, и недостоинъ былъ. Зло-

словящей долженъ самъ разсудить, ежели онъ услышитъ, что другїе злословятъ, похвалитъ ли онъ ихъ худыя поступки? Мы бы поистиннѣ разумнѣе и осторожнѣе поступали, ежелибъ мысли слушателей нашихъ и смотрящихъ на насъ проницали, а сїе проницанїе не такъ трудно, какъ объ немъ думаютъ; только надобно человѣку вмѣсто ихъ о себѣ разсудить, и свои мысли по ихъ мнѣнїю разсмотрѣть. И такъ ежели мы кого злословимъ, то не думаемъ ли открытїемъ его недостатковъ свои пороки прикрыть? Напрасно! ибо вѣдаемъ, что хотя всякъ рѣчи злословящаго охотно слушаетъ, однакожъ сего великаго порока никто ему не проститъ, но въ совѣсти своей егожъ осуждаетъ. Естественной законъ, дабы другимъ того не дѣлать, чего человѣкъ самому себѣ не желаетъ, почти всякаго человѣка взаимно обязываетъ къ учиненїю сея справедливости всякому. Ежели мы для человѣколюбїя омерзѣнїе къ злословїю имѣть не можемъ, то по крайней мѣрѣ для собственнаго нашего самолюбїя оное почуствуемъ. Пускай собственная наша чувственность принудитъ насъ разсудить о тѣхъ лю-

людяхъ, которыхъ мы въ лучшую часть души ихъ язвимъ. Понявши и разсудя сїе увидимъ, какъ трудно и несносно злословїе терпѣть, а чрезъ сїе научимся и познаемъ, какъ грѣшно и безсовѣстно сїе злословїе противъ человѣка, а особливо противъ невиннаго употреблять.

ГЛАВА ШЕСТАЯ НАДЕСЯТЬ

ЯЗЫКЪ КЛЕНУЩАГОСЯ.

Прáвило I.

Болѣе правдѣ и добродѣтели, нежели клятвѣ вѣрить должно.

Разсужденїе.

Кто природной правды и добродѣтели не имѣя, истинну предать не боится, тотъ ужѐ изъ за всѣхъ клятвъ конечно оную предастъ, каковыбъ клятвы и божбы его велики ни были.

Понеже злой и беззаконной человѣкъ со всѣмъ въ неправду и беззаконїе вдался, то наружной видъ правды съ охотою показываетъ, и оной вмѣсто сѣтей ко уловленю право-

душныхъ

душныхъ и добрыхъ людей употребляетъ, дабы ихъ тѣмъ лучше и способнѣе обмануть. Для чего мнѣ отъ честнаго человѣка божбы и клятвы требовать? Для чего мнѣ въ словахъ его лучшаго поруки кромѣ природной его правды и доброй совѣсти желать? Когда ужѐ онъ во всѣхъ своихъ должностяхъ вѣренъ, то какъ ему и безъ божбы отъ нихъ удалиться? На что отъ нечестнаго человѣка присяги и клятвеннаго обѣщанія требовать? Какъ ужѐ ему свое обязательство исполнить, когда онъ въ своемъ словѣ и обѣщаніи не вѣренъ.

Пра́вило 2.

Безъ божбы будь вѣренъ.

Разсу́жденїе.

Сїе Скифы сами о себѣ Александру великому сказали; а насъ тоже правило научаетъ, чтобъ никогда о такомъ дѣлѣ не клясться, отъ котораго отстать, или онаго содержать и исполнить не можемъ. Ежели услышу, что человѣкъ безъ нужды кленется, то принужденъ я думать, что не видавъ дѣлъ однимъ словамъ его вѣрить не надобно. Скорыя къ божбѣ не скоро меня обманутъ, ибо

я

я думаю, что они по привычкѣ божатся, а о слѣдствахъ клятвъ своихъ не думаютъ, или о исполненіи по онымъ клятвамъ мало помышляютъ, а лѣность съ небреженіемъ всегда за обычаемъ слѣдуютъ. Мы видимъ такихъ людей, которые по худой привычкѣ почти ни одного слова безъ божбы не говорятъ. Одни кленутся съ сердца, другіе отъ роскоши и невоздержностей, третьи для оправданія пороковъ своихъ, четвертые для забавы и неотставанія отъ компаніи; токмо почти все сіе дѣлаютъ безъ намѣренія и безъ пользы, какимъ бы то образомъ ни было.

Они свою божбу употребляютъ вмѣсто преступленія въ другой разговоръ; ибо простыя рѣчи, или божбу съ клятвою равно почитаютъ; все имъ едино, токмо слушающимъ не все равно, потому что они суетную клятву съ божбами во омерзѣніи имѣютъ.

Всякъ кленущейся отъ умныхъ людей за безумнаго, пристрастнаго, невоздержнаго, или худо воспитаннаго человѣка почитается, и всѣ его поступки честному человѣку мерзски и противны.

ГЛАВА

ГЛАВА СЕДЬМАЯ НАДЕСЯТЬ

ЯЗЫКЪ ОБѢЩАЮЩАГОСЯ.

Пра́вило I.

Во всѣхъ своихъ обѣщанїяхъ помни слѣдующїя два слова: могуль и долженъ ли я обѣщанїе мое исполнить.

Разсужденїе.

Поистиннѣ прїятнѣе сего нѣтъ, какъ всякому человѣку угождать, и по возможности своей служить; однакожъ не малой въ томъ разумъ и осторожность состоитъ, чтобъ благотворительному своему нраву великой воли и власти надъ собою не давать. Иные просящимъ тотчасъ обѣщаютъ, довольно не подумавъ и основательно не разсудя, можноль и надобно ли просящему по его требованїю дать. Излишняя ревность къ услугамъ и обязательству, или безмѣрная боязливость къ отказу, можетъ привесть человѣка въ такїя чрезвычайныя обѣщанїя, которыя сїе усердїе трудностью, а боязливость безчестїемъ учинятъ. Ежели человѣкъ

вѣкъ выше силы своей обѣщаетъ; то въ презрѣніе себя приведетъ, и слабость свою объявитъ. Буде же для стыда невозможное обѣщаетъ; то немогши оное исполнить въ наибольшее посрамленіе придетъ. Когда въ обѣщаніяхъ не по должности своей поступитъ, то у людей худое о себѣ мнѣніе причинитъ. Мнѣ въ томъ ни малаго стыда нѣтъ, когда я въ неправедномъ требованіи откажу; да тому стыдиться должно, кто меня неправедною прозьбою обманываетъ. Развѣ ужè мнѣ въ то время стыдно будетъ, какъ я неправедное обѣщаніе дѣйствомъ исполню. Умной, а особливо добросовѣстной человѣкъ за неминуемой себѣ законъ сіе полагаетъ, чтобъ слово свое содержать, ежели оное съ разсужденіемъ дано, и ко исполненію возможно; при томъ же разсуждаетъ, не будетъ ли тому отъ исполненія сего слова дѣломъ вмѣсто пользы вреда, кому оно дано, или тому, кто обѣщалъ. Въ исполненіи обѣщанія и данныхъ словъ такія вредительныя препятствія случаются, о которыхъ помыслить, и во время даннаго слова ни коимъ образомъ предвидѣть ихъ не возможно было.

Ежели

Ежели умной не по всѣмъ прозьбамъ обѣщаетъ, то онъ сїе въ такомъ намѣренїи дѣлаетъ, дабы болѣе того здѣлать, нежели просящїе отъ него надѣются, вѣдая при томъ, что свѣтъ исполненїе и дѣла выше словъ и обѣщанїй почитаетъ.

Прáвило 2.

Кто къ обѣщанїю скоръ, тотъ рѣдко свое слово содержитъ.

Разсужденїе.

Для того что онъ въ обѣщанїяхъ своихъ ни о силѣ, ни о должности своей не разсуждаетъ, или такъ легко слово свое даетъ, что оно легко и скоро изъ памяти его выходитъ. Ежели кто слово свое скоропостижно дастъ, тотъ разсудительною медлѣнностїю или воздержанїемъ исполненїя отнюдь онаго не портитъ и не нарушаетъ. Умной лучше обѣщаетъ меньше, нежели противъ обѣщанїя своего меньше дѣлаетъ. Я въ словахъ своихъ весьма воздерженъ, а въ исполненїи обѣщанїй моихъ и того умѣреннѣе, и для того ни чего заподлинно не обѣщаю, но обыкновенное слово употребляю: готовъ служить, сколько возможность меня допуститъ.

ститъ. Одно мое слово больше меня вяжетъ, нежели всѣ облигацїи, и своеручныя записи, помня старинную крѣпость: кто въ словѣ своемъ не устоитъ, тому будетъ стыдно.

Прáвило 3.

Многїе обѣщаютъ по надеждѣ, а исполняютъ для страха.

Разсужденїе.

Умной тому обѣщанїю отнюдь не вѣритъ, которое по одной и такой надеждѣ ему учинено, что ежели обѣщающей уповаемаго не получитъ, то и даннаго своего слова не исполнитъ. Которая надежда обѣщающаго можетъ обмануть, та уже всеконечно и того обманетъ, кому сїе обѣщанїе учинено. О томъ власно тожъ разсуждать можно, кто отъ страху обѣщаетъ; ибо какъ скоро страхъ минется, то и данное слово со онымъ же страхомъ изчезнетъ. И такъ помянутой умной человѣкъ надежду свою больше на причины даннаго ему обѣщанїя полагаетъ.

Правило 4.

Иные отъ обѣщанія больше нежели отъ исполненія пользы получаютъ.

Разсужденіе.

Для сей причины многіе дѣлаютъ добро въ надеждѣ собственной пользы и корысти, и ради сего просящимъ по желанію ихъ долго не исполняютъ, вѣдая, что люди получа прозьбу и желаніе свое, старавшагося о семъ предстателя, и благодѣяніе его скоро забываютъ. Какія бы они во время нужды и прозьбы своей услуги ни показывали, однако остроумной человѣкъ на сіи услужности мало смотритъ, но болѣе отъ нихъ дѣйствительной прибыли ждетъ, равно какъ и оной отъ него существенной пользы уповаютъ. Сей то интересъ наилучшія добродѣтели портитъ, и до исполненія оныхъ человѣка не допускаетъ. Безъ сего бы корыстнаго намѣренія щедрыя обѣщанія съ великодушнымъ исполненіемъ дѣлались, а за оныя бы усерднѣйшія и искреннія благодаренія происходили.

ГЛАВА

ГЛАВА ОСЬМАЯ НАДЕСЯТЬ

ЯЗЫКЪ РАЗНОСЯЩАГО НОВЫЯ ВѢСТИ.

Пра́вило I.

Вѣстовщикъ весьма рѣдко правду говоритъ.

Разсужденїе.

Скоропостижной, и о себѣ много мыслящей вѣстовщикъ, что прежде и больше всего разглашаетъ, что съ его высокоумїемъ сходнѣе; ибо онъ ни чему вѣрить не хочетъ, кромѣ того, что высокоумїю его нравится. Онъ правду по случаю говоритъ, и на удачу ей вѣритъ, при томъ же не всегда лжетъ и не всякой лжи вѣритъ. Онъ же не всегда къ той или другой сторонѣ пристаетъ, но болѣе того держится, откуда свои новизны почерпаетъ, въ несомнѣнной надеждѣ, что оныя такъ справедливы, будто бы отъ него самого произошли, а сїе вѣроятїе отъ упрямства и затвердѣлаго мнѣнїя родится. Между тѣмъ сей вѣстовщикъ многихъ развращая въ слѣды суетнаго и застарѣлаго своего мнѣнїя приводитъ,

водитЪ, а они также подобныхЪ себѣ людей нашедши увѣряютЪ, что они сїе вЪ газетахЪ читали, и отЪ нѣкотораго человѣка заподлинно слышали.

Прáвило 2.

Когда вѣстовщикЪ вѣсти о важныхЪ случаяхЪ разказываетЪ, то при томЪ и своихЪ дѣлЪ не забываетЪ.

Разсужденїе.

Для сего то сЪ веселїемЪ новизны разсказываетЪ, и упорно вЪ оныхЪ стóитЪ. Слушающїе могутЪ подумать, что онЪ правду говоритЪ, для показанїя истинны своихЪ намѣренїй, для объявленїя мудрости вЪ своихЪ поступкахЪ, и для удивленїя храбрымЪ своимЪ дѣламЪ. А ежели не смотря на всю сїю ревность со усердїемЪ своимЪ вЪ такое состоянїе придетЪ, что ни чего удивленїя и хвалы достойнаго сказать не вЪ состоянїи будетЪ, то онЪ вЪ мысляхЪ своихЪ за весьма великаго и знатнаго человѣка себя почитаетЪ, дабы оправдать тѣмЪ свои разсужденїя, худыя дѣла, безумныя поступки и неправедныя намѣренїя, а напослѣдокЪ заключитЪ, что ему иначе дѣлать,

лать, и другимъ образомъ поступить было не возможно. При томъ же говоритъ: ежели бы я въ Королевскомъ совѣтѣ былъ, тобъ лучше всѣхъ присовѣтовалъ, и по моему бы совѣту всеконечно не такъ здѣлалось; а все сїе затвердѣлое мнѣнїе отъ чрезвычайнаго самолюбїя и отъ недостатка въ практикѣ происходитъ.

Пра́вило 3.

Вѣстовщику какъ добрыя, такъ и худыя вѣсти равно нравятся.

Разсужденїе.

Вѣстовщикъ подобенъ такому купцу, которой боясь оставить свое купечество, и потерять кредитъ, за неимѣнїемъ добрыхъ товаровъ худые продаетъ, дабы токмо безъ торгу и безъ продажи не быть. Вѣстовщикъ бы безъ вѣстей тѣмъ въ бѣднѣйшую жизнь приведенъ былъ, что никакого другаго дѣла не имѣетъ. Должность его состоитъ въ томъ, чтобъ вѣдомости слушать и разсказывать. А понеже всякъ свой чинъ и должность отправляетъ, каковабъ она для другихъ скучна ни была, такъ и вѣстовщикъ въ разсѣванїи своихъ вѣстей упражняется, не смотря на

то; какія бы изъ сего худыя слѣдствія ни происходили. За ложными и худыми вѣстьми обыкновенно слѣдующая печаль удерживаетъ умнаго человѣка отъ разсѣванія и слушанія оныхъ; а понеже оныя всегда равновременно приходятъ, то разумные къ слушанію сихъ вѣстей не очень спѣшатъ, вѣдая, что чѣмъ долѣе человѣкъ оныхъ не знаетъ, тѣмъ болѣе несчастія и печали убѣгаетъ.

Прáвило 4.

Всякой изобрѣтатель вѣстей о дѣлахъ до публики касающихся старается, а своихъ дѣлъ не видитъ, и о собственномъ домѣ не печется.

Разсужденіе.

Для сего можно его уподобить такой женѣ, которая безпрестанно романы [любовныя исторіи] читаетъ, понеже умъ ея придворными мысльми наполненъ, гдѣ ничего кромѣ великаго, удивительнаго и славнаго не видно. Удивляется Принцамъ и великимъ людямъ, какъ они въ любви постоянны, учтивы и покорны любезнымъ своимъ. А когда придетъ домой, то все ей кажется

худо

худо и подло, а смотрѣніе съ работою въ домѣ тяжко и несносно. Мужъ ея не такимъ языкомъ, какъ жестокою любовію обладанной Принцъ или другой при дворѣ славной человѣкъ говоритъ, но вмѣсто любви иногда ее презираетъ, и съ нею не такъ какъ любитель съ любовницею живетъ; чего ради онъ ей не очень милъ, а при томъ все то противно, что къ упражненію въ любови не подаетъ способовъ. Сему подобенъ нравъ вѣстовщика. Онъ своею мыслію всѣ Имперіи, Королевства, республики и земли обѣгаетъ, и разсуждаетъ о посольствахъ, трактатахъ, о негоціаціяхъ и другихъ политическихъ дѣлахъ, а при томъ мыслитъ, будто онъ съ Принцами, Генералами и съ министрами говоритъ. По сихъ высокихъ мысляхъ какъ уже можетъ дома сидѣть? Какъ за небогатою экономіею съ подробностьми смотрѣть? Какъ съ женою и съ дѣтьми можетъ въ покоѣ и трудолюбіи жить, и стараться о приведеніи себя въ лучшее состояніе? Онъ благополучіе свое отъ цѣлыхъ государствъ получить надѣется, а щастіе и нещастіе свое раздѣляетъ съ Королями и великими Принцами, и въ такомъ

мнимомъ благополучїи остатокъ малаго своего имѣнія расточая, до тѣхъ поръ въ суетѣ и безспокойствѣ живетъ, пока принужденъ будетъ изъ двора во дворъ ходя милостины просить.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ НАДЕСЯТЬ

ЯЗЫКЪ ДОНОСИТЕЛЯ.

Пра́вило I.

Всякой доноситель или невоздержнаго языка, или ужѐ совершенно злой человѣкъ.

Разсужденїе.

Ежели разсудить, какїя отъ доносителей между людьми ненависти, злобы и непримиримыя ссоры происходятъ, то видно, что доносители на сїе свое злое и вредное дѣло или отъ великой охоты къ разговорамъ, или отъ чрезвычайнаго желанія къ сегубительству побуждаются. Изъ сего легко можно видѣть, что сїи люди великїе охотники до суесловства, до непорядковъ и безпокойствїя. Сїе дѣло честному человѣку такъ непристойно, что онъ о непорочныхъ и учти-

учтивыхъ вещахъ доносить не скоро отважится, опасаясь, дабы объ немъ не подумали, что онъ и о худомъ доносителемъ быть можетъ. Великая ревность о дѣлахъ ближняго можетъ повредить собственныя дѣла̑, и привесть въ подозрѣнїе о невоздержности языка. Хотя при случаѣ правды говорить и не запрещается; однакожъ сїе такимъ образомъ дѣлать надлежитъ, чтобъ предлагающей всегда правъ, и въ совѣсти своей чистъ былъ.

Пра́вило 2.

Доносителя не скоро къ себѣ допускай.

Разсужденїе.

Ежели станешь всякїя отъ доносителей слова́ слушать, то себя въ руки такимъ злымъ людямъ отдашь, которые все твое спокойство уничтожатъ. Для сего не станешь мыслить о примиренїи съ соперниками твоими, для того что наносныя слова злобу и непримирительство умножаютъ. Симъ же образомъ не только съ лучшими и вѣрнѣйшими твоими друзьями поссориться, но и самъ внушенїю ложныхъ рѣчей научиться можешь.

жешь. Къ отдаленїю отъ себя доносителей, ежели рѣчей ихъ не слушать не льзя, сей есть наилучшей способъ, чтобъ имъ дать знать, что ты внушенїямъ ихъ до тѣхъ поръ вѣрить не будешь, пока тотъ ихъ не подтвердитъ, о комъ они сказываютъ. А понеже имъ на сїе позволить весьма трудно, то и тебѣ вѣрить имъ нелегко и не должно.

Правило 3.

Никакихъ наносныхъ рѣчей не слушай, и отпюдь доносителямъ не вѣрь.

Разсужденїе.

Происходящїя отъ сихъ рѣчей слѣдствїя для того опасны, что люди имъ вѣрятъ. Ежелибъ можно было слушать оныя рѣчи ни мало имъ не вѣря, тобъ изъ сего такое увеселенїе произошло, которое бы человѣку ни малаго безпокойства не причинило. А дабы слушать такїя рѣчи безъ всякаго пристрастїя, и не допустить бы доносителей къ прельщенїю себя, то надобно умъ и нравъ ихъ прилѣжно разсмотрѣть, не по злобѣ ли они вредить хотятъ? не для корысти ли хотятъ меня увѣрить?

рить? не умножаютъ ли истинны ложью? не съ завистиль или ради коварнаго намѣренія доброе въ зло обращаютъ? и не отъ безумства ли все слышанное говорятъ? Но понеже сіе съ довольною исправностію разсмотрѣть трудно, и рѣдко такой человѣкъ сыщется, которой бы сіе въ тонкость изслѣдовать, и отъ того желаемой плодъ получить могъ, то изъ внушаемаго въ скорости ни чего за ложное и за праведное принявъ узнать не возможно, и для того я наноснымъ рѣчамъ не очень вѣрю, а особливо въ разсужденіи друзей и пріятелей моихъ, для которыхъ всѣ вышеозначенныя предосторожности употреблять и съ ними весьма нѣжно обходиться надлежитъ. Справедливоль сіе будетъ, ежели повѣря перьвымъ обносителей словамъ, и не разсудя злости ихъ осудить и возненавидѣть такого друга, которой ни чего кромѣ добра не здѣлалъ, и ни какихъ причинъ къ жалобѣ на себя не подалъ? Не только законъ дружества, но и самое человѣколюбіе сему противится. Въ такихъ случаяхъ ничего безъ праведныхъ и безпристрастныхъ свидѣтелей дѣлать не должно, дабы трикратно, то

 есть

есть противъ любви, дружества и человѣколюбія не погрѣшить.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТАЯ

ЯЗЫКЪ СОВѢТУЮЩАГО.

Пра́вило I.

Тотъ совѣтъ наилучшей, которой въ нуждѣ, и ко времени дается.

Разсужденіе.

Совѣтовать тому, кто жестокими узами ослѣпляющей страсти связанъ, совѣтъ давать тому, кого дѣла̀ и нужды влекутъ, а онъ сего совѣту по важности дѣла зрѣло разсудить не можетъ, и времени къ тому не имѣетъ, совѣтъ кому давать о такомъ дѣлѣ, которое ужѐ онъ дѣйствительно испыталъ, и своего намѣренія для того перемѣнить не можетъ, что ему отъ сей перемѣны болѣе вреда, нежели отъ совѣта пользы будетъ, совѣтъ кому давать при такихъ людяхъ, которые его за поступку ругаютъ или у него въ ненависти, а можетъ быть и они ему тотъ же совѣтъ давали, но онъ послѣдовать не хотѣлъ, всѣ такія и по-

подобныя симъ совѣты суть тщетныя увѣщанія, по тому что оныя не къ случаю и не ко времени даны. Такимъ надлежитъ совѣты давать, о которыхъ есть надежда, что они симъ предложеніямъ послѣдовать могутъ и будутъ; и для того въ такихъ обстоятельствахъ совѣтовать надобно, отъ которыхъ бы исполненіе сего совѣта дѣломъ не остановилось. Что не въ своемъ мѣстѣ, то никогда угодить, а слѣдственно за благо принято быть не можетъ.

Пра́вило 2.

Самой лучшей совѣтъ, которой отъ истиннаго усердія дается.

Разсужденіе.

Ежели совѣтъ безъ самолюбія, безъ ласкательства̀, безъ тщеславія и безъ корыстныхъ намѣреній, то его тогда давать надлежитъ, когда попросятъ, а при томъ можно будетъ надѣяться, что сей совѣтъ за благо примется. Токмо совѣтовать надлежитъ такимъ образомъ, чтобъ никакого принужденія въ томъ не было. Совѣтъ есть изъясненіе мыслей, и поданіе человѣку способовъ къ собственной его пользѣ. Такого наста-

вленія другъ отъ друга требуетъ. Когда у меня совѣта потребуютъ, или къ поданію онаго принуждать станутъ, то я оной хотя и предложу, однакожъ никогда требовать не стану, чтобъ его исполняли, но на волю и разсужденіе другимъ предамъ, примутъ ли сей мой совѣтъ или нѣтъ. Ни высокаго ума себѣ не приписываю, ни самовластія не беру, да токмо совѣтую, а не повелѣваю. Съ такимъ усердіемъ совѣтую, съ какою правостію мыслю, не почитая себя изъ всѣхъ за разумнѣйшаго. Хотя то разумно, чтобъ всякія совѣты слушать, однако всѣ ихъ въ дѣйство производить не всегда полезно, и для того мнѣ не противно, ежели кто моимъ совѣтамъ не слѣдуетъ. Умной человѣкъ къ поданію совѣтовъ не спѣшитъ, вѣдая, что люди весьма рѣдко по чужимъ совѣтамъ дѣлаютъ. Того токмо желаетъ, дабы требующихъ его совѣту щастливѣйшими учинить, а не себя разумнѣйшимъ передъ ними показать. Сообщая наставленіе другимъ старается о томъ, какъ бы себя въ собственныхъ разсужденіяхъ укрѣпить, помня сіе правило, что совѣтующей къ добродѣтели самъ прежде и больше

ше всѣхъ добродѣтель исполнять долженъ. На сей пользѣ всѣ мои совѣты основаны, которыхъ я до тѣхъ поръ не даю, пока ихъ самъ прилѣжно не разсмотрю. Скорой и поспѣшной совѣтъ значитъ такого человѣка, которой вдаль не разсуждаетъ, такъ же на разныя виды и обстоятельства дѣлъ не смотритъ, но все смѣло и безъ замедлѣнія предпринимаетъ. Желающему здравой и полезной совѣтъ давать, надлежитъ то дѣло въ тонкость разсмотрѣть, о которомъ совѣтовать будетъ, а и силы бы того человѣка ему основательно извѣстны были, которой по сему совѣту исполнять имѣетъ. Ежели я принужденъ буду давать совѣты вышшимъ и честнѣйшимъ меня, то я сіе учиню подъ видомъ напоминанія о забвенномъ, а не такъ какъ бы ихъ совѣтомъ моимъ учить; ибо великимъ людямъ весьма противно, ежели кто учителемъ ихъ становится. Иные только въ то время совѣта требуютъ, когда кому вредъ здѣлать намѣрены; а ежели къ чему придетъ, то они всю вину на того кладутъ, кто имъ сіе присовѣтовалъ.

Правило

Пра́вило 3.

Ежели на умъ свой совершенно положиться не можешь, то совѣтуй съ умными людьми, и ихъ совѣтамъ послѣдуй.

Разсужденїе.

Всякому человѣку надлежитъ добровольно и совѣстно въ слабости ума и силъ своихъ признаваться, и такихъ высокихъ мыслей о себѣ не имѣть, будто онъ во всѣхъ дѣлахъ, и во всякихъ припадкахъ своей жизни безъ всякихъ совѣтовъ обойтись можетъ. Какъ бы человѣкъ на остроту свою ни надѣялся, но ежели на многїя минувшїя свои проступки посмотритъ, то въ разсужденїи собственной практики признается, что поступокъ своихъ иногда ясно видѣть не можно, за тѣмъ что страсти его ослѣпляютъ, а при томъ прямымъ путемъ ходить не льзя, для того что тѣжъ страсти съ онаго насъ сводятъ; такъ же здраво разсуждать не возможно, понеже сїи пристрастїя разсужденїе у человѣка отнимаютъ. И такъ для чего намъ совѣты такихъ людей презирать, которые безъ всякаго пристрастїя будучи,

будучи, искусство свое и знанїе съ большею пользою употребить могутъ? Ежели кто совершенства подлинно и усердно ищетъ, тому все равно, самъ ли собою или чрезъ другихъ онаго достигнетъ. Но подлинноль сего совершенства ищутъ, то еще сомнительно. Ежели токмо на требующаго совѣтъ прилѣжно посмотрѣть, то требующей съ такимъ чрезвычайнымъ почтенїемъ и униженностїю совѣта проситъ и слушаетъ, что кажется, будто онъ данное ему наставленїе со усердїемъ приметъ и оному безъ всякаго сопротивленїя послѣдовать будетъ. При томъ же обнадеживаетъ, будто онъ пришелъ просить наставленїя въ поступкахъ своихъ, а на разумъ свой твердо положиться не можетъ; а ежелибъ можно было подлинное его намѣренїе знать, тобъ оказалось, что онъ за тѣмъ только пришелъ, дабы совѣтующей намѣренїя его похвалилъ, и во всякихъ будущихъ онаго дѣлахъ поручился. Совѣтующей тогожъ часа начнетъ увѣрять, будто онъ намѣренъ сему своему другу искренно и безкорыстно совѣтовать; токмо совѣты его въ самомъ дѣлѣ на самолюбїи, и его собственномъ интересѣ основаны, а по

до-

довольномъ и основательномъ разсмотрѣніи дѣла всего, лучше просящему сказать: дѣлай, что изволишь. Ибо весьма рѣдко бываетъ, что бы кто чужимъ совѣтамъ послѣдовалъ.

Умной и добросовѣстной человѣкъ требуетъ совѣта со усердіемъ, слушаетъ со вниманіемъ, принимаетъ, съ учтивствомъ и съ благодареніемъ разсматриваетъ безъ затвердѣлаго о себѣ и о другихъ мнѣніяхъ и за должность дружеской вѣрности почитаетъ, что бы оному послѣдовать, ежели по всѣмъ разсужденіямъ и принятымъ осторожностямъ найдется, что оные совѣты ему безопасны, приличны и полезны.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ

ЯЗЫКЪ ОБЛИЧАЮЩАГО.

Пра́вило I.

Немощныхъ обличай съ снисхожденіемъ, удобнымъ къ понятію съ простотою, возмутителей силою и властію, а всѣхъ съ разумомъ и съ осторожностію исправляй.

Разсужденіе.

Въ выговорѣ и обличеніяхъ токмо сіе намѣреніе имѣть надлежитъ, дабы че-

человѣка лучшимъ и разумнѣйшимъ учинить, а онъ ужè весьма къ тому склоненъ, дабы всѣмъ чужимъ совѣтамъ противиться, оказывая поступки и причины противныя правдѣ и добросердечію; чего ради слабость, затвердѣлое мнѣніе и вѣроятіе его, какъ можно примѣчать надлежитъ. Представленія ему такъ должно чинить, что ежели онъ ихъ не приметъ, тобъ въ такомъ случаѣ его собственная, а не твоя вина была. Когда желаешь поступку его исправить, то ему ни случая ни причины къ обхожденію твоего исправленія не давай, а для не допущенія сего слѣдующую предосторожность употребляй.

1. Ежели увидишь человѣка достойнаго обличенія, то разсуди, долженъ ли ты его обличать? А когда сію должность усмотришь, то подумай не лучшель тебѣ сіе чрезъ другихъ здѣлать? А буде найдешь, что отъ твоего представленія больше ему пользы будетъ, то сію пользу больше всего наблюдать должно.

2. Какъ возможно старайся, дабы обличаемому отъ тебя ничего такого въ самомъ себѣ не показать, что славу и силу твоихъ совѣтовъ уни-

уничтожить можетъ. Какъ онъ словамъ твоимъ повѣритъ, когда увидитъ, что ты въ своихъ дѣлахъ и поступкахъ ему равенъ?

3. Другихъ такимъ же образомъ исправляй, какъ самаго себя исправляешь, то есть честь и славу ихъ такъ же храни, какъ свою бережешь. Иной отъ вышшихъ своихъ публично и часто обличенъ былъ, а нынѣ ужѐ ни какихъ выговоровъ не стыдится; изъ сего можно видѣть, что неразсудительное и жестокое исправленіе болѣе зла нежели добра производитъ.

4. Другой съ охотою моихъ представленій слушаетъ, вѣдая, что я его въ то время со усердіемъ хвалю, когда онъ сихъ похвалъ достоинъ. Емуже извѣстно, что когда я его съ охотою хвалю, то ужѐ съ великимъ принужденіемъ и по неволѣ порицаю, а при семъ наиболѣе о томъ стараюсь, дабы его исправить, а не обличать.

5. Небольшая похвала до учиненія выговоровъ великое дѣйствіе производитъ въ томъ, кого обличать должно, ежели ему сказать, что онъ съ природы добросердъ и прямодушенъ, и оныя его доброты мнѣ извѣ-

вѣстны; а когда ужѐ по справедливости выговариваю, то надѣюсь, что онъ къ сей проступкѣ либо невѣденїемъ или худымъ примѣромъ приведенъ. По сихъ разсужденїяхъ можно надѣяться, что онъ такое представленїе конечно приметъ. Напоминанїемъ прежнихъ его добрыхъ дѣлъ можно въ немъ причинить омерзѣнїе къ тѣмъ, за которыя онъ обличается.

6. Въ выговорахъ и обличенїяхъ шутокъ, брани и порицательныхъ словъ убѣгай, ибо все сїе ничего кромѣ возмущенія въ человѣкѣ не производитъ.

7. Умной и добросовѣстной лучше друзьямъ своимъ въ благополучїи, нежели въ нещастїи ихъ выговоры чинитъ. Другу надобно о проступкахъ его въ щастїи представить, а нещастїе само собою человѣка учитъ и исправляетъ. Выговоры печальному несносны, а кто ихъ безщастному дѣлаетъ, тотъ суровъ и безчеловѣченъ.

8. Выговоры за столомъ весьма неприличны, вѣдая, что люди для веселїя, а не ради выговоровъ и обличенїя въ компанїю приходятъ.

9. Когда увидишь, что другу твоему публично выговариваютъ, и предъ кампанiею его обличаютъ, то какъ можно его отъ сего случая отведи, и удиненно съ кротостiю о семъ ему дружески представь.

10. Весьма того хранись, что бы мужа предъ женою, жену предъ мужемъ, отца предъ дѣтьми, а господина предъ рабами ни въ чемъ не обличать.

11. Умной за малые пороки не скоро обличаетъ, дабы ему о важнѣйшихъ преступленiяхъ съ большею силою и съ лучшимъ дѣйствiемъ выговоръ учинить.

12. Ежели кому за учиненныя погрѣшности выговариваю, то умѣренность съ кротостiю по крайней возможности употребляю. А когда узнаю, что человѣкъ сiе погрѣшенiе дѣлать намѣренъ, то въ такомъ случаѣ жестокъ и неумолимъ.

13. Безмѣрная жестокость въ исправленiи весьма опасное дѣйствiе производитъ. и такъ человѣка страшитъ, что погрѣшившей всевозможныя хитрости употребляетъ къ наилучшему утаенiю пороковъ своихъ, и чрезъ то ихъ неизцѣльными творитъ. Человѣку сiе наказанiе весьма ве-

велико, когда лучшей или разумнѣйшей изъ друзей, узнавъ проступку его печальнымъ притворится. Умное молчанїе въ такомъ случаѣ сильнѣе всякаго велерѣчиваго исправленiя.

14. Въ выговорѣ и обличенiяхъ надобно знать великое различїе, что съ лѣности и небреженiя, такъ же невѣденiемъ, или что по злости и съ умысла учинено; а не зная сихъ обстоятельствъ, надлежащихъ выговоровъ и обличенiя учинить не возможно.

Правило 2.

Тѣ больше другихъ обличенїе терпятъ, которые наибольше похвалы достойны.

Разсужденїе.

Для того что они любятъ совершенство, и за сїе всякой похвалы достойны. Сїи люди въ предлагаемомъ себѣ исправленiи находятъ способы къ полученiю пользы, и того ради ни на какїе выговоры не сердятся.

1. Умному того недовольно, чтобъ пороки и недостатки свои знать, да надобно, чтобъ ни въ одномъ преступленiи самому себя не прощать. А кто своихъ пороковъ видѣть не хо-

хочетъ, то совершенства достигнуть не можетъ.

2. Я свои погрѣшности съ охотою признаваю въ такомъ чувствованїи, что и большїя здѣлать могу. Кто отважился худое здѣлать, тому и обличенїе терпѣть надлежитъ.

3. Ежелибъ кто мнѣ сказалъ про пороки и погрѣшности мои, то я ему не только въ томъ вѣрю, но еще признаюсь, что и большїя сихъ погрѣшности здѣлать могу. Къ томужъ самое искуство меня научило, что въ такихъ увѣдомленїяхъ нѣжность и самолюбїе того чѣловѣка весьма прилежно наблюдаютъ, кому сїе объявляютъ.

4. Умной отъ ласкающихъ болѣе убѣгаетъ, нежели отъ обличающихъ его. Ибо ласкающїе мнѣ самого меня весьма инымъ человѣкомъ представляютъ, нежели каковъ я въ самомъ дѣлѣ, а обличающїе помогаютъ мнѣ самого себя узнавать, и въ такое состоянїе приходить, какову мнѣ подлинно быть надлежитъ. Чѣмъ больше человѣкъ обличенїя терпитъ, тѣмъ большей похвалы достойнымъ себя творитъ. А чѣмъ ревностнѣе отъ льстецовъ и ласкателей убѣгаетъ, тѣмъ болѣе къ обличенїю, и слѣд-

слѣдственно къ самой истиннѣ приближается.

5. Всякаго обличающаго меня въ правдѣ съ охотою слушаю, а между тѣмъ самъ себя часто обличаю, чтобъ на выговаривающихъ мнѣ не сердиться.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬ ВТОРАЯ

ЯЗЫКЪ НАСТАВЛЯЮЩАГО.

Прáвило I.

Не зная самъ, другихъ не учи.

Разсужденïе.

Наставленïе есть показанïе человѣку того, чего онъ не знаетъ; а кто хочетъ незнающаго учить о неизвѣстномъ, тому весьма ученому быть, и многïе таланты самому имѣть надобно. Онъ долженъ знать, какъ крѣпкой его духъ, и суровой его нравъ умягчить, ускими предѣлами ограниченной умъ разпространить, къ понятïю способнымъ здѣлать и изъяснить, для отнятïя у него сомнѣнïя, для подаянïя ему новаго знанïя и потребнаго во всемъ вѣденïя. А понеже знающихъ и искусныхъ людей весьма мало, то наставляя дру-

гихъ, должно всѣ упомянутыя предосторожности употреблять, а не только что бы суету свою удовольствовать, илибъ корысти искать не смотря пользы, и не стараясь о приращенiи вѣденiя и наукъ съ желаемымъ наставленiемъ тѣхъ людей, которые у нихъ учатся, дабы имъ кто нибудь изъ ихъ же учениковъ не сказалъ:

Не учи тому, чего самъ не знаешь.

Пра́вило 2.

Желающiй людей учить и исправлять, долженъ прежде перемѣнить ихъ нравы.

Разсужденiе.

Для того что по возбужденiи въ человѣкѣ склонности, можно легко ко исполненiю того привести, чему его учатъ, и чего отъ него требуютъ. Произволенiе имѣющей вниманiемъ, терпѣнiемъ, усердiемъ и прилѣжностiю въ наукѣ своей не меньше и безъ учителей своихъ себѣ способствуетъ. Котораго начальника или учителя любятъ, того съ охотою слушаютъ, со усердiемъ ему повинуются, и съ почтенiемъ его принимаютъ.

маютъ. Понеже всякъ его съ радостїю видѣть, и словъ его слышать желаетъ, то сїе веселїе всю горесть ученїя услаждаетъ, и облегчаетъ исполненїе сего наставленїя. Изъ любви и почтенїя къ себѣ производитъ усердное послушанїе словамъ его. Обладавши волею, дѣлаетъ что хочетъ, а имъ ужѐ и попротивиться ему совѣстно, по тому что сїе послушанїе отъ доброй склонности и отъ усердїя, а не отъ неволи происходитъ, такъ что все отъ него приходяще еимъ прїятно, угодно и вѣроятно. Для полученїя сея пользы надлежитъ слѣдующимъ образомъ поступать.

1. Порученное мнѣ ученїе или наставленїе другихъ признаю я за свою должность, и для того оную доброволно, усердно и вѣрно отправляю, дабы учащїеся у меня съ такою же ревностїю и усердїемъ поступали, признавая сїе болѣе за свою пользу, нежели за мою прибыль и должность.

Ни чѣмъ такъ людей къ исполненїю должности ихъ обязать не возможно, какъ истиннымъ безпристрастїемъ къ самому себѣ, и показанїемъ, что сїе для ихъ же пользы отъ нихъ требуется.

2. Всевозможное старанїе прилагаю къ познанїю склонности, нрава и главной страсти порученныхъ мнѣ въ смотрѣнїе. А знать умъ и нравы порученныхъ въ науку такъ нужно, что безъ сего наставленїе съ наукою желаемаго плода не производитъ; ибо не зная нрава, не льзя сообразить поступокъ его, ни требовать того, что онъ здѣлать можетъ, ниже привести на путь къ отправленїю должности его. Симъ способомъ человѣка вмѣсто ободренїя опечалишь, вмѣсто послушанїя приведешь къ сопротивленїю, и ко всегдашнему непреоборимому упорству. Ежели съ медлѣннымъ человѣкомъ спѣшно пойдешъ, то онъ скоро отъ тебя отстанетъ; а буде съ рѣзвымъ тихо поѣдешь, то онъ не глядя на твою тихость, и рѣчей твоихъ не слушавъ, своею дорогою пойдетъ. Буде съ высокоумнымъ гордо поступишь, то его на себя и къ собственному униженїю вооружишь. Ежели боязливаго крикомъ застращаешъ, то и съ умомъ его въ смятенїе приведешь. Отъ упрямаго споромъ ничего не получишь. Всякаго веселаго опечалишь, ежели съ нимъ высокимъ повелительнымъ и меланхоличнымъ образомъ говорить

спа-

станешь. Печальнаго въ отчаянїе и крайней страхъ приведешь, ежели его печалью и безпрестанною жестокостїю отягчать будешь. Сего ради нравъ того человѣка основательно знать должно, кому наставленїе давать, дабы оное не всуе употребить, и не напрасно потерять. Для лучшаго познанїя ума и нрава его, давай ему отъ времяни до времени волю, не объявляя своего намѣренїя, такъ себя показать, каковъ онъ съ природы, дабы не притворялся, и никакого ложнаго виду на себя не принималъ. По сему можешь природное его состоянїе узнать, а при томъ увидишь, какїе въ немъ таланты и къ чему способенъ.

3. Для приведенїя людей къ исполненїю ихъ должности, ничего такого въ собственной поступкѣ показывать имъ не надобно, чтобъ они смотря на предводителя своего, отъ исполненїя должности удерживаться могли; ибо люди не краснымъ словамъ, но болѣе добрымъ дѣламъ и примѣрамъ послѣдуютъ. Напрасно умныя и безспорныя рѣчи плодить, ежели добродѣтельная поступка оныхъ не подкрѣпляетъ. Въ такомъ случаѣ всякъ можетъ мнѣ сказать:

„Вы мнѣ совѣтуете послѣдовать до„бродѣтели, а сами того не дѣлаете. „Какъ же мнѣ словамъ вашимъ вѣ„рить, когда я сходныхъ съ оными „дѣлъ отъ васъ не вижу„? Ежели же наставленія и совѣты дѣлами подкрѣпляются, то уже чрезъ сіе всякое сомнѣніе само собою отпадетъ; а наставленіе получающей почти болѣе дѣлами, нежели словами наставника своего къ послѣдованію добродѣтели привлеченъ будетъ. Будеже человѣкъ попротивится, то отъ страстей причиняемыя жестокія волненія и безпокойства тому причиною. Въ такомъ случаѣ должно терпѣливно ждать, пока сердце утишится, а разумомъ сильнѣе и свободнѣе дѣйствовать будетъ.

4. Въ умѣ и во нравѣ учащихся, или наставленію врученныхъ самой большей успѣхъ разумомъ и снисходительствомъ, нежели страхомъ и угрозами производится. Сіе великая пагуба молодымъ людямъ, ежели съ ними грубо и жестоко поступать, какъ нѣкоторые школьные учители дѣлаютъ. Какое ободреніе къ изученію уроковъ и къ дальнѣйшимъ успѣхамъ въ наукахъ, ежели нѣжныхъ и съ природы боязливыхъ дѣтей

тей бить, и сурово съ ними поступать? Буде ихъ однимъ страхомъ содержать, то они со временемъ въ невоздержное житїе впадутъ, какъ скоро только страху надъ собою не увидятъ. А ежели мудрости и умнымъ наставленїямъ такого предводителя повинуются, которой съ ними не школьною строгостїю и повелительнымъ образомъ, но ласково поступаетъ, то надѣяться можно, что они сему наставленїю всегда последовать, и лучше сїе разумное ученїе хранить будутъ, нежели изъ боязни, безъ крайней и необходимой нужды жестокаго и грознаго виду отнюдь на себя не принимай, отъ котораго дѣти дрожатъ и трясутся. Сїе въ учащемъ болѣе притворство и школьную глупость, нежели умъ и доброе наставленїе значитъ Ибо ежели съ дѣтьми жестоко и строго поступать, то чрезъ сїе можно ихъ лишить своей къ себѣ любви, безъ которой въ наукѣ и воспитанїи ихъ никакого плода не будетъ. Ежели ты дѣтей въ своемъ наставленїи имѣешь, то всѣми силами старайся, дабы они тебя любили, во всемъ съ тобою свободно поступали, а въ показанїи предъ тобою своихъ пороковъ

ковъ не стыдились и не боялись. Для лучшаго въ семъ дѣлѣ успѣху, будь терпѣливъ, и къ прощенію тѣхъ склоненъ, которые предъ тобою погрѣшностей своихъ не скрываютъ. Видя худыя склонности ихъ не гнѣвайся и не удивляйся, но болѣе о немощахъ и о слабости ихъ сожалѣй, вѣдая, что страхъ и повелительная строгость скоро пропадаетъ, а повѣренность со усердіемъ и добротою постоянна и долговѣчна.

5. Ежели кто желаетъ наставленія подать, тому прежде надлежитъ въ слушающемъ его ученіе, желаніе возбудить, дабы изъ сего толь большая польза происходила. Для сего должно всѣхъ необыкновенныхъ словъ убѣгать, которыя никому будучи не пріятны, добродѣтель въ презрѣніе приводятъ, будто оную самымъ дѣломъ исполнить не возможно.

Иные такимъ худымъ и противнымъ образомъ мудрости научаютъ, что человѣкъ принужденъ думать, будто сія наука безмѣрно трудна, и плода отъ нея весьма мало.

6. Для лучшаго вниманія предлагаемыхъ совѣтовъ, надобно показать, какой изъ того плодъ, слѣдствіе и польза произойдетъ, дабы надежда

о сихъ успѣхахъ человѣка въ трудахъ ободряла. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ надобно имѣть особливое намѣреніе и извѣстной конецъ, къ которому бы человѣкъ всѣ свои дѣла приводилъ; а безъ сея предосторожности поступокъ своихъ учредить не возможно, для того что человѣкъ не знаетъ куда идетъ, а никто своихъ шаговъ напрасно терять не хочетъ.

7. Еще примѣчено, что учащимъ чистоты правилъ, и порядка отнюдь пренебрѣгать не надобно, ежели они усердно желаютъ, дабы отъ наставленія ихъ дѣйствительная польза происходила. Человѣкъ конечно не обманется, ежели будетъ думать, что когда въ требующихъ наставленія его недостатокъ вниманія, разсужденія, охоты или склонности быть можетъ, то чистотою можно получить вниманіе, правилами наградить слабость разсужденія, а порядкомъ склонность и произволеніе получить. Ежели толкованіе учащаго ясно, то ни одинъ человѣкъ отъ ученія его не отрѣчется, для того, что оно никому не трудно. Кто по правиламъ поступаетъ, тотъ по предписанному и прямому пути идетъ. не

опасаясь заблужденія или удаленія отъ сего пути. Кто введенному порядку слѣдуетъ, тотъ смѣло ходитъ, для того что скоро, нечувствительно и съ меньшимъ трудомъ къ тому привыкнетъ; ибо сіе извѣстно, когда что человѣкъ со вниманіемъ слушаетъ, тому съ охотою послѣдуетъ.

Пра́вило 3.

Въ наставленіи нетерпѣливости не показывай.

Разсужденіе.

Въ опредѣленныхъ къ наукамъ и наставленію людяхъ находятся многія трудности къ преодолѣнію себя, такъ что ежели учащей терпѣніемъ недовольно вооруженъ, то гнѣвъ съ нетерпѣливостью скоро и такъ его побѣдитъ, что онъ другихъ научить не возможетъ. Выше ужѐ упомянуто, что наставляющей долженъ склонять къ себѣ нравы учащихся, смотря на ихъ поступки мѣры свои брать, склонность и волю ихъ примѣчать, добрые примѣры имъ давать; правило хранить, порядку послѣдовать, а при всемъ томъ никакихъ непристойностей имъ не показывать, а всѣ сіи предо-

предосторожности съ жестокимъ гнѣвомъ и нетерпѣливостію сравняться, и вмѣстѣ быть не могутъ. Въ сихъ безпокойствахъ и смятеніяхъ чинимыя представленія принимаются за безчестіе, за злобное мщеніе, и болѣе за дѣйство жестокой страсти, нежели за происхожденіе здраваго, спокойнаго и благотворительнаго разума.

Отъ сего наиболѣе происходитъ, что немногіе изъ учащихся дѣтей учительское наставленіе принимаютъ, ибо видятъ, что учители болѣе ихъ бранятъ и поносятъ, нежели полезное наставленіе имъ подаютъ. Употребляя терпѣливость можно обладать нравомъ другихъ, по той мѣрѣ, сколько человѣкъ самимъ собою обладать можетъ. Когда человѣкъ собою владѣетъ, то всѣ свои природные и науками полученные таланты власно какъ въ рукахъ своихъ держитъ, и по собственной волѣ оные съ разумомъ и мудростію употребляетъ, смотря по тому, какъ нужда и случай сего потребуетъ.

Правило 4.

Ежели другихъ правдѣ учишь, то всевозможное стараніе прилагай о насажденіи въ душахъ ихъ всегдашней склонности къ правдѣ и постояннаго желанія истинны.

Разсужденіе.

Не худо требующимъ наставленія полезныя правила давать, разумъ ихъ ученіемъ наполнять, укрѣплять, и твердыми совѣтами должность ихъ обстоятельно имъ показать, съ такимъ представленіемъ, что они сіе исполнять обязаны; однакожъ сіе и того лучше, дабы имъ показать, какъ сіи наставленія въ дѣйство производить, токмо сіе, по правдѣ сказать, рѣдко хранятъ. Нѣкоторой славной Авторъ слѣдующее о семъ говоритъ: „Желалъ бы я, чтобъ Палвель и Помпей, лучшіе танцовальщики моего времени, могли сидящаго человѣка научить, какъ капріолы дѣлать, не подымая его съ мѣста, по примѣру такихъ наставниковъ, которые хотятъ исправить человѣческой разумъ однимъ показаніемъ рукъ, такъ же хотятъ учить какъ бороться, пѣть и прочее, а

„сами дѣломъ не показываютъ, какъ „все сїе въ практикѣ исполнять. „Учители учатъ здраво разсуждать „и прямо говорить, не показавъ человѣку какъ сїе дѣлать. Никогда „своего ученика не спроситъ, что „онъ думаетъ о Реторикѣ, о Грамматикѣ, или какъ разсуждаетъ о „Цицероновыхъ мнѣнїяхъ; но только велитъ ему наизусть учить, какъ „пророческїя гаданїя, изъ которыхъ „каждая литера по ихъ мнѣнїю особливую въ себѣ заключаетъ таину. „Не довольно того, чтобъ мастеръ „всегда и одинъ кричалъ. да надобно, „чтобъ и ученику далъ слово выговорить, для узнанїя по сему, что „онъ понялъ, такъ же чему по силѣ „и понятїю своего ума впредь научиться можетъ. А безъ сего все ученїе ничто.„. Безъ употребленїя должность пренебрегается, наставленїя недѣйствительны остаются, правила забываются. и человѣкъ отъ праваго пути въ заблужденїе приходитъ Не довольно того, что бы разумъ изъяснить, да надобно полученное изъясненїе въ дѣиство произвесть, для познанїя, можетъ ли человѣкъ сїе познанїе съ пользою въ дѣйство произвесть, а по томъ его въ практикѣ прїучить, которая глав-

нымЪ намѣренїемЪ всѣхЪ разсужденїй и наукЪ быть долженствуетЪ. Память человѣческая подобна магазейну наполненному разными вещьми, которыя только тому полезны, кто ихЪ сЪ разумомЪ и разсудительною осторожностїю вЪ дѣиство производитЪ. Кто наизусть помнитЪ, тотЪ только хранитЪ данное на сохраненїе памяти его; а кто прямо знаетЪ, тотЪ на модель не смотритЪ, и на книгу не оглядывается. Плохая та наука, кто изЪ однихЪ книгЪ говоритЪ. Сїе подобно одному украшенїю безЪ основанїя. Ежели ты порученныхЪ вЪ твое наставленїе учишь разговорамЪ, то вели имЪ сЪ собою говорить и разсуждать. Дай имЪ знать разныя мнѣнїя о томЪ, чему ты ихЪ учишь, а при томЪ и ихЪ мнѣнїя спрашивай. РазумЪ учащихся надобно, по слову Харронову, вопросами возбуждать, мнѣнїя ихЪ прежде всего требовать, а при томЪ позволить, чтобЪ и они свободно спрашивали. Ежели учитель не спрашивая ученика одинЪ говоритЪ, то все его наставленїе тщетно, и учащейся нималой отЪ того пользы не получитЪ, вЪ такомЪ мнѣнїи, что учитель рѣчей его не приметЪ, но только самЪ

говоритъ, и для того безъ всякаго вниманія слушаетъ, а по выходѣ изъ школы всѣ учителевы разговоры позабудутъ. Недовольно того, чтобъ изъ книгъ наизусть сказывать, что Аристотель и Цицеронъ пишетъ, да надобно о словахъ ихъ здраво разсуждать, а сіе разсужденіе къ разнымъ причинамъ и способамъ примѣнять. Недовольно того, чтобъ историческимъ образомъ разсказывать, какъ Катонъ въ Утикѣ самъ себя убилъ, дабы Юлію Цесарю въ руки не попасться, такъ же что Брутъ и Кассій смерти сего Цесаря причиною; сіе самое послѣднее дѣло. Надобно о сихъ людяхъ безпристрастно разсудить, справедливо ли они сіе дѣлали, похвалу или хулу отъ свѣта заслужили, съ храбростію, мудростію, и съ правдоюль поступили, что худо и что хорошо здѣлали, а напослѣдокъ во всѣхъ сихъ разсмотрѣніяхъ надлежитъ изслѣдовать вопросы, отвѣты, разсужденіе, порядокъ, правду, дѣло судное и совѣстное. Въ сихъ дѣлахъ учащагося оставлять, и ни въ чемъ ему потакать не надлежитъ. Покажи ему что правда, и что мудрость, а притомъ понудь его къ такимъ дѣламъ, ко-

которыя бы мудрость и правду его въ самой практикѣ показали, чтобъ онъ не однимъ словамъ учился, но и дѣломъ бы разсужденія свои исполнялъ. Тотъ лучше всѣхъ ученіе понялъ, кто учительскія наставленія не только знаетъ, но и въ самое дѣйство производитъ. Отъ того мудрыхъ людей мало, когда учащіеся только слушаютъ, а сами съ учителемъ весьма мало говорятъ, и почти ни о чемъ не разсуждаютъ, но по большей части принятымъ и введеннымъ мнѣніямъ слѣдуютъ, не сообщая никакихъ новыхъ мнѣній. За такихъ людей другія говорятъ, а они молчаніемъ обороняются; только одною памятью работаютъ, и для того разсужденіе ихъ всегда праздно и безплодно остается. Понеже они кромѣ задовъ и старыхъ повтореній ничему не учатся, то все новое ихъ тревожитъ, и презрѣніе къ себѣ причиняетъ. Такъ же небреженіе практики единственно бываетъ причиною тому, что истинную мудрость любящихъ и ея держащихся весьма мало, для того что наибольшая часть тому только учатся, какъ о мудрости говорить, и остроумнѣе разсуждать, а о исполненіи дѣйствомъ

ни мало не стараются, но всю практику въ крайнемъ невреженіи имѣютъ. Правда, что они о добродѣтеляхъ преизрядно разсуждаютъ, а при томъ о лучшихъ правилахъ ученія весьма остроумное мнѣніе имѣютъ, такъ же показываютъ, какимъ способомъ сіе въ дѣйство произвести, и какія за то плоды съ воздаяніемъ будутъ; но во всѣхъ сихъ разговорахъ и разсужденіяхъ такъ долго медлятъ, что собственными дѣлами и поступками ни малаго слѣду къ исполненію дѣйствомъ помянутой мудрости не показали, которая для сего только изъ однихъ устъ въ другія переходитъ, а ни въ одномъ сердцѣ жилища себѣ не имѣетъ, и въ дѣлѣ не показывается. Сіе то есть начало, и главная вина всему невѣденію и безпорядочеству. Потщимся же ученіе наше непрестанною практикою, то есть дѣломъ исполнять, и порученныхъ въ наставленіе наше къ тому же исполненію добродѣтели приводить, вѣдая, что безъ сей предосторожности отъ долговременнаго ученія, другова плода не бываетъ, кромѣ умнаго пустословія, и подъ видомъ добродѣтели кроющагося пустосвятства и душевреднаго лицемѣрія.

Пра-

Пра́вило 5.

То ученіе лучше всѣхъ, которое на непоколебимомъ основаніи вѣры утверждено.

Разсужденіе.

На недвижимомъ камени вѣры основанныя ученія по тому крѣпче всѣхъ, что вѣра нача́ло правды, и источникъ справедливости. Всѣ ея намѣренія на правотѣ утверждены, начинанія праведны, а всѣ поступки такъ порядочны, что держащихся ея къ истинному совершенству и вѣчной славѣ ведутъ. Въ семъ то намѣреніи совершенства вѣра святая тому человѣка учитъ, чѣмъ онъ Богу ближнимъ и самому себѣ долженъ, а при томъ показываетъ надежные способы ко исполненію сихъ должностей. Съ вѣрою человѣкъ ни для чего, и ни для кого отъ исполненія добродѣтелей не отвратится, для того что вѣра безпрестанно представляетъ предъ глаза наши то почтеніе, которымъ мы должны Богу, а онъ отъ насъ сего исполненія ежедневно требуетъ. Вѣра творитъ насъ постоянными и вѣрными въ законѣ, въ заповѣдяхъ, въ преданіяхъ, въ со-

совѣтахъ и въ наставленіяхъ. Вѣра больше всего къ исправленію нашему служитъ, для того что она сама превѣчное правило и непоколебимой предводитель къ совершенству, и для сего никакого безпорядочества терпѣть не можетъ. Когда посмотримъ на тѣхъ, которые всѣ свои дѣла и поступки на непоколебимомъ основаніи вѣры утверждаютъ, то ясно увидимъ истинну сего правила, что то ученіе лучше и тверже всѣхъ, которое на непоколебимомъ основаніи святыя вѣры утверждается.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬ ТРЕТІЯ

ЯЗЫКЪ ТОГО, КОМУ ОТЪ НАСЪ, ИЛИ ОТЪ КОГО НАМЪ ПОВѢРЕНА ТАЙНА.

Прáвило 1.

Ввѣренная человѣку тайна такая вещь, которую весьма свято хранить должно.

Разсужденіе.

Общая въ томъ рода человѣческаго и взаимная заключается польза, дабы повѣренную тайность въ совершен-

шенномъ молчаніи содержать; а ежели сію природную должность вѣрности не хранить, то ужѐ и все обхожденіе свѣтское ничто иное будетъ, какъ всегдашней обманъ, предательство, и другихъ безчисленныхъ непорядковъ зборище. Никто у друга своего совѣта, ни исправленія въ порокахъ своихъ просить не будетъ, въ такомъ опасеніи, дабы тайна его не открылась. Сколь бы кто разумно, осторожно и искусно ни поступалъ, однакожъ все сіе на удачу отваженная поступка, вѣдая, что отъ невѣрности себя охранить и уберечь весьма трудно. А когда ужѐ люди взаимную и великую причину къ подозрѣнію имѣютъ, то одинъ другова за невѣрнаго друга, и за лицемѣрнаго непріятеля признавать станетъ, и слѣдственно вмѣсто вкушенія сладости житія и общества гражданскаго, ничего между людьми кромѣ горестной зависти, губительной злобы съ ненавистію и несносной противности съ омерзѣніемъ не будетъ. Ежедневное искуство сіе намъ показываетъ, въ непримиримой злобѣ между тѣми, чьи тайности предательскимъ образомъ открыты; а сія злоба объявляется презрительнымъ и омер-

омерзѣнія наполненнымъ видомъ обиженнаго, съ яростнымъ и гнуснымъ взоромъ на обидевшаго невоздержностію языка своего. Разумные почитаютъ ихъ за сумозбродовъ, или за умышленныхъ предателей, и за то крайне ненавидятъ. Такое мнѣніе умные люди о тѣхъ имѣютъ, которые не хранятъ тайны, и за сіе никакого сообщенія, и обходительства съ ними не имѣютъ. Ежелибъ кто изъ друзей не только непріятелемъ моимъ учинился, но и гнать меня сталъ, тобъ я вмѣсто мщенія за сіе изгнаніе, отнюдь повѣренной мнѣ отъ бывшаго друга тайны не открылъ. Честной человѣкъ повѣренную ему тайну вмѣсто священнаго залога принимаетъ, въ такомъ мнѣніи, что къ сему скрытому сокровищу безъ наказанія прикоснуться не возможно. Пусть кто поступку свою въ разсужденіи меня перемѣняетъ, однако я для сего скромности и молчанія моего отнюдь не перемѣню, вѣдая, что свѣтское обхожденіе и гражданское общество сего отъ меня требуетъ; да при томъ же я увѣренъ, что хотябъ мнѣ кто обиду или неправду какую здѣлалъ, однакожъ моя собственная невѣрность ни мало меня въ томъ не опорочитъ.

1. Я бы моимъ друзьямъ мнѣнія, намѣренія, желанія, предпріятія, а ежели похотятъ, тобъ и пожитки мои сообщилъ, токмо повѣренной мнѣ тайны никогда не открою; ибо законъ дружества весьма запрещаетъ, никому и ничего о томъ не сообщать, а и собственныя ихъ тайности отъ меня сея неправды требовать не позволяютъ.

2. Какъ бы мала повѣренная тайна ни казалась, однако въ ней такія секретныя поступки заключаются, которыя человѣка къ молчанію побуждаютъ. Понеже я привыкъ въ маломъ быть вѣренъ, то ужѐ въ важномъ наибольшую вѣрность хранить тщуся; а дабы мнѣ собственною моею проступкою въ семъ дѣлѣ не открыться, то я движеніямъ моимъ не вѣрю, но такъ ихъ укрощаю, чтобы внѣшнимъ видомъ ничего не показать, что я утаить стараюсь; а и тотъ бы, кому мое молчаніе нужнѣе всѣхъ, ничего такого во мнѣ не примѣтилъ, чтобъ ему могло привести на память ту тайну, которая мнѣ отъ него сказана, но пусть самъ оную вспомнитъ, и о молчаливости моей увѣрится. Я поступки свои такъ учреждаю, чтобъ не только самымъ любопыт-

пытнѣйшимъ не возможно было отъ друга повѣренную мнѣ тайну узнать, но чтобъ причины никто не имѣлъ и думать, что мнѣ тайна повѣрена; а сею предосторожностїю вѣрность въ большую безопасность приходитъ; ибо тайна подобна скрытому сокровищу, а ежели провѣдаютъ, что оно скрыто, то ужѐ сїе сокровище въ половину найдено.

3. Но какую бы я скромность съ молчаливостїю въ повѣренныхъ мнѣ тайностяхъ ни имѣлъ, однако лучше всего желаю ни какихъ тайностей не знать, и для того хотящимъ меня учинить сообщникомъ секретовъ своихъ, слѣдующее скажу. „Ежели „вы свой и мой покой любите, то „покорно васъ прошу мнѣ своихъ тай„ностей не сказывать; пока вы ихъ „мнѣ не откроете, до тѣхъ поръ „не будете опасаться, чтобъ я дру„гому обьявилъ, и я не буду упо„ваемаго отъ васъ нареканїя боять„ся. Мнѣ можно справедливо опа„саться, что вы и другому тужъ „свою тайну открыть можете; а „ежели онъ сей вашъ секретъ инымъ „скажетъ, тобъ мнѣ въ напрасномъ „нареканїи не остаться„. Всѣ сїи разсужденїя приводятъ мнѣ въ память

мять слѣдующее Философское слово. „Умнаго человѣка дѣло, дабы чужихъ тайностей не слушать, и „своихъ не открывать.

Правило 2.

Тотъ самъ себя и добровольно въ неволю другому отдаетъ, кто важную тайность открываетъ.

Разсужденіе.

Для сего безъ крайней нужды и безъ великой осторожности никому тайны обьявлять не надобно. Какъ человѣкъ такую тайность другому открыть можетъ, за которую они оба въ бѣду притти могутъ, ежели сія тайность явна будетъ? Сего ради весьма долго и прилѣжно надобно думать, кому и какой важности тайну открыть, дабы самому не пропасть, и другова не погубить.

1. Умному человѣку надлежитъ самому въ себѣ слѣдующимъ образомъ разсуждать: Кому мнѣ свою тайну обьявить? Безумному? Нѣтъ! Онъ молчать не можетъ. Умному? Сей равнымъ образомъ безуміе здѣлать можетъ. Комужъ? развѣ пріятелю? Но что можетъ меня увѣрить, что онъ никогда не перемѣнится, но вѣч-

нымъ

нымЪ и постояннымЪ мнѣ другомЪ будетЪ?

2. Естьли я свою тайность кому по дружбѣ открою; а онЪ ее другому, другой третьему, а третей четвертому по такомужЪ между собою дружеству скажутЪ, то чрезЪ сїе вся моя тайность объявится, а никто изЪ нихЪ не подумаетЪ, что вѣрность нарушилЪ; ибо извѣстно, что и самые воздержнѣйшие люди одного или двухЪ такихЪ вѣрныхЪ друзей имѣютЪ, передЪ которыми ничего умолчать не хотятЪ. У сихЪ друзей такїе же прїятели есть, и такЪ, понеже сїе дружество безконечно, то и открытая тайна на безчисленныя вѣтьви раздѣлившись, цѣлымЪ и великимЪ деревомЪ учиниться можетЪ. Тайну сперьва на ухо шепчутЪ, потомЪ ужѐ яснѣе сказываютЪ, а напослѣдокЪ и по улицамЪ ходя говорятЪ.

3. Ежели я кому тайну скажу, а обЪ ней провѣдаютЪ, то кого я вЪ то время винить стану? Себя. Для чего невоздержному на языкЪ, или хотя молчаливому, да не по его мѣрѣ и силѣ тайну открылЪ. Ежели я свою тайну другому объявлю, то ужѐ ему больше, нежели самЪ себѣ вѣрю. А ежели его скромность сЪ

молчанїемЪ не больше моей, то на кого, и для чего мнѣ жаловаться? Не ему но мнѣ вЪ храненїи тайны наибольшая нужда. Буде же онЪ скромнѣе и молчаливѣе меня, то я сему тѣмЪ болѣе удивляться долженЪ, что онЪ мнѣ вѣрнѣе самого меня. Ежели я своей тайны никому не обЪявлю, то ужѐ подлинно вѣрю, что никто ее не скажетЪ.

4. Я моей тайны тому никогда не открою, кто мнѣ свой секретЪ обЪявляетЪ, не зная, и прежде того не видѣвЪ меня. Ежели онЪ мнѣ такимЪ образомЪ тайну свою сказываетЪ, то и мой секретЪ всякому и незнакомому человѣку безЪ дальнаго размышленїя обЪявить можетЪ.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЯЗЫКЪ ЖАЛУЮЩАГОСЯ.

Пра́вило I.

Кто всегда жалуется, тотЪ обыкновенно скученЪ бываетЪ.

Разсужденїе.

Хотя человѣкЪ жалобами своими облегченїе вЪ печаляхЪ и тягостяхЪ

сердца

сердца своего имѣть надѣется, и нѣкоторымъ образомъ подлинно получаетъ: ибо ничто радость такъ чувствительною не творитъ, какъ объявленіе оныя на словахъ, такъ и болѣзни съ печалью сіе первое и главное облегченіе. Ежели человѣкъ о семъ жаловаться можетъ, однакожъ жалобы великой умѣренности и воздержанія требуютъ, дабы не всегда жалостнымъ голосомъ говорить, а плачевнымъ видомъ пріятелей своихъ утруждать. Самолюбіе всякую болѣзнь безмѣрно чувствительною творитъ, только отъ другихъ сея чувствительности ждать и требовать не надлежитъ. Умѣреннымъ объявленіемъ своихъ печалей можешь предъ ними открыть свое сердце, только цѣлою рѣкою жалобъ и слезъ отнюдъ ихъ не заливай, буде терпѣливости ихъ уязвить, и дружбы лишиться не желаешь.

Ежели будешь всегда себя жалостнымъ дѣлать, то напослѣдокъ никто о тебѣ сожалѣть не будетъ, и всѣ тебя болѣе за нѣжнаго, нежели за печальнаго, и почти всѣ за нетерпѣливнаго, а не за достойнаго сожалѣнія признавать станутъ.

Кто безъ причины и всегда жалуется, тотъ уже сожалѣнія тогда не достоинъ, когда къ жалобѣ причину имѣть будетъ. Умному ежедневными разговорами, отъ сего младенческаго и гнуснаго обычая отвыкать надлежитъ, которой человѣка побуждаетъ бѣдами и напастьми своими другихъ къ безмѣрному о себѣ сожалѣнію и чрезвычайной печали принудить. Сїе весьма смѣшно, кто вымышленнымъ и ученымъ велерѣчїемъ печали и болѣзни свои расказываетъ; а чрезъ то болѣе смѣху, нежели сожалѣнія о себѣ причиняетъ. Умной человѣкъ въ такомъ состоянїи болѣзнь или печаль свою представляетъ, какова она есть, убѣгая страшныхъ и нещастливыхъ предзнаменованїй.

Онъ же не только жаловаться, но и говорить о болѣзняхъ своихъ съ печалью не хочетъ, а при томъ желаетъ, дабы и другїе о томъ не говорили, вѣдая что сїи взаимные разговоры токмо скучную и печальную мысль по себѣ оставляютъ, и для того о чемъ нибудь другомъ говоритъ. Онъ же лучше жалобы другимъ слушаетъ, а самъ не многимъ жалуется, вѣдая, что весьма рѣдко бываетъ, чтобъ

кто

кто истинное сожалѣнїе о бесчастномъ или больномъ человѣкѣ имѣлъ.

Правило 2.

Слова жалующихся не такъ отъ великой печали или болѣзни, какъ болѣе отъ чрезвычайной нѣги происходятъ.

Разсужденїе.

Которые счастливѣе, тѣ и нѣжняе, то есть чувствительнѣе другихъ, такъ что наималѣйшая вещь ихъ потревожить, и все спокойство и удовольствїе ихъ опровергнуть можетъ. Какъ не сожалѣть о семъ, что и самое благополучїе человѣку скучно? Кто рѣдко изъ двора выходитъ, тому и крупной песокъ ноги гнететъ, а особливо такой персонѣ, которая въ коретахъ или въ колясках ѣздить обыкла. Самой легкой вѣтръ причиняетъ имъ насморкъ, а холодной воздухъ великое простуженїе тому наноситъ, кто всегда дома сидѣть и покоиться обыкъ. Работу, труды и безпокойство любящему рѣдко что бываетъ скучно, а въ лѣности и нѣгѣ живущему все противно, и почти несносно. Сїе умнаго научаетъ, что сладости жизни человѣ-

ческой то противнѣе и вреднѣе всего, кто сладость съ покоемъ безмѣрно любитъ, и оныя всегда ищетъ. Чѣмъ спокойнѣе и нѣжнѣе человѣкъ живетъ, тѣмъ несноснѣе важныя бѣды и напасти ему становятся; а отъ малыхъ нещастій ужѐ въ большее безпокойство приходитъ, для того что оныя чаще случаются. А кто малую болѣзнь или печаль ни во что ставитъ, тотъ всегда спокоенъ, и къ большимъ злополучіямъ скорѣе другихъ привыкнетъ.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬ ПЯТАЯ

ЯЗЫКЪ УТѢШАЮЩАГО

Правило I.

Худое отъ того человѣка утѣшеніе, которой болѣе о произнесеніи красныхъ и ученыхъ словъ, нежели о поданіи добраго и полезнаго совѣта старается.

Разсужденіе.

Сіе весьма часто бываетъ, для того что люди болѣе стараются о удовольствованіи своей суеты въ велерѣчіи, нежели о прогнаніи печалей того, кто утѣшенія требуетъ. Утѣшеніе

шенїе печальнымъ не въ красныхъ и гладкихъ словахъ, но въ искуствѣ и въ добрыхъ поступкахъ утѣшающаго состоитъ. Для сего надобно одно мнѣнїе съ печальнымъ имѣть, а симъ способомъ скорѣе ихъ къ слушанїю и принятїю словъ своихъ склонишь, нежели споромъ и прекословенїемъ. ,,Пришедши къ требующе-
,,му утѣшенїя, тогожъ часу надобно
,,стараться о поспѣшествованїи жа-
,,лобъ ихъ, похваляя оныя и извиняя
,,нѣкоторымъ образомъ. Симъ согла-
,,сїемъ получишь повѣренность, и
,,власть къ дальнѣйшей поступкѣ, а
,,потóмъ легко и нечувствительно
,,рѣчь свою къ важнѣйшему дѣлу скло-
,,нишь можешь, которые къ изцѣле-
,,нїю и утѣшенїю печальнаго способ-
,,но. Привлекай людей слушанїемъ
,,жалобъ ихъ, дабы ты потóмъ свои
,,причины и утѣшенїя тѣмъ удобнѣе
,,внушить могъ. Тѣ весьма худо по-
,,ступаютъ, которые во время утѣ-
,,шенїя, страсти печальныхъ про-
,,тивятся, не разсудя и не вѣдая
,,того, что сїе сопротивленїе печаль-
,,ныхъ уязвляетъ, и къ большей пе-
,,чали приводитъ,,. Во перьвыхъ какъ возможно о томъ старайся, чтобъ о причинахъ печали весьма мало гово-

рить, и какъ можно тѣ способы отнимай, которые присутствїемъ твоимъ наиболѣе ихъ печалятъ, чего ради отводя отъ нихъ скучные свои разговоры, обращай къ веселымъ, и печальнаго къ тому же склоняй. Токмо къ большому огорченїю печальныхъ свѣтское употребленїе съ застарѣлымъ обычаемъ все противное сему дѣлаетъ: ибо весьма чувствительно представленїе взору человѣческому послѣ умершаго оставшихся пожитковъ, платья и уборовъ, а особливо дѣтей, на которыхъ печальной безъ сердечнаго сожалѣнїя и возмущенїя чувствъ своихъ взглянуть, и сея печали о любимой и умершей персонѣ никоимъ образомъ забыть не можетъ. Въ семъ случаѣ утѣшающей отмѣнной разумъ и искусство ко утѣшенїю имѣть долженъ.

Правило 2.

Для большей способности ко утѣшенїю другихъ, надобно знать, какъ себя утѣшить, и самому себѣ въ печали помочь подать.

Разсужденїе.

Желающему сїе дѣйствительно исполнить, надобно сердце свое и нравъ

нравъ ко всѣмъ такимъ случаямъ приготовлять, которые человѣка опечалить могутъ. При томъ же надобно знать сихъ случаевъ слабость, и свои собственныя силы, въ то время какъ они человѣку въ самомъ дѣлѣ печаль наносятъ. Къ томужъ надобно знать, чѣмъ болѣе человѣкъ въ такихъ случаяхъ нетерпѣливости покажетъ, тѣмъ чувствительнѣе ему удары сихъ припадковъ будутъ. Ежели кто такимъ образомъ научится самому себѣ помогать и утѣшенїе подавать; тотъ будетъ знать, какъ другихъ утѣшать въ печали.

Сїи наставленїя я самъ себѣ предписывалъ, желая, чтобъ и другїе меня томужъ учили; токмо сихъ моихъ мнѣнїй за непоколебимыя правила никому не предлагаю, но почитаю только за совѣты прїятелямъ моимъ, для приведенїя ихъ къ желаемому спокойству и удовольствїю. Но при всемъ томъ отнюдь такого мнѣнїя не имѣю, будто бы другїе лучше и умнѣе меня вздумать не могли. Ежели кто разскажетъ, что сему моему способу не всегда послѣдовать можно, того прошу, лучшей мнѣ способъ показать, которому съ особливымъ удовольствїемъ слѣдовать потщуся; ибо мнѣ

все едино, отъ кого, и отъ чьего бы совѣту спокойство ни пришло, токмо бы оное получить.

Правило 3.

Какъ человѣку въ бѣдахъ, въ печалѣхъ и въ нещастіи себя утѣшить.

Разсужденіе.

1. Вѣдаю, что мнѣ разныя бѣды и нещастіи приключиться могутъ, и для того долженъ я сердце свое къ ношенію оныхъ готовить, а притомъ всякой злой припадокъ за пользу почитать.

2. Буде меня по какому дѣлу обвинятъ, такъ ужѐ я зналъ, что я сей процессъ потерять могъ, каковабъ справедлива поступка моя ни была, и сея возможности всегда чаялъ. Ежели я услышу; что лучшей изъ друзей моихъ умеръ, то хотя сія вѣсть весьма мнѣ чувствительна, однакожъ въ отчаяніе меня не приведетъ; ибо я знаю, что всѣ мы смерти подвержены, и всѣ умереть должы. Ежели меня жестокимъ злословіемъ гонятъ, то я сему не дивлюсь, и безмѣрно о томъ не печалюсь, вѣдая, что ни одинъ добродѣтельной и безпорочной человѣкъ злобы и злословія избѣжать не-

мо-

можетъ. Буде у меня честной и полезной чинъ отымутъ, то я оной за мой собственной и вѣчной чинъ никогда не почиталъ, но всегда думалъ, что его у меня отнять могутъ, и безпрестанно того ждалъ, а притомъ къ отданїю и лишенїю онаго за благовременно готовился. Хотя у меня великое имѣнїе и богатство было, а при томъ не малые доходы съ такимъ торгомъ, отъ котораго я весьма знатную прибыль получалъ, на многихъ людяхъ мой долгъ, а я ни кому и ни чѣмъ не долженъ былъ; и хотя нынѣ все сїе пропало, однакожъ я сему не дивлюсь, и о томъ не печалюсь, видя, что банкротство, обманъ, подлоги, небреженїе, малая неисправность, или нечаянной случай можетъ человѣка въ бѣдность привести, и большимъ должникомъ другимъ, нежели иныхъ людей должниками ему учинить. У меня такїе друзья были, которые мнѣ непрестанные знаки своего дружества, склонности и благоволенїя являли, во всемъ по видимому за меня старались, а потомъ всѣ вдругъ отъ меня отстали. Перемѣна моего щастїя всѣхъ ихъ отъ меня удалила, и меня не только скучнымъ, но и про-

тивнымЪ взору ихЪ учинила. ЧтожЪ дѣлать? я самЪ тому виною, и на передЪ сїе предвидѣлЪ. Знатнѣйшей вЪ государствѣ вельможа и министрЪ весьма ко мнѣ милостивЪ былЪ, ни вЪ чемЪ по прозьбамЪ моимЪ не отказывалЪ, сильно за меня старался, и о благополучїи моемЪ всевозможное попеченїе прилагалЪ; а нынѣ щастїе его такЪ перемѣнилось, что онЪ самЪ вЪ сильномЪ помощникѣ великую нужду имѣетЪ. Другой сильнѣйшей и великой человѣкЪ весьма былЪ склоненЪ, и больше перьваго милости ко мнѣ казать началЪ, но нѣсколько мѣсяцовЪ спустя умерЪ, и вся надежда моего счастїя сЪ нимЪ пропала. Сїя бы перемѣна вЪ великое беспокойство меня привела, ежелибЪ я на сихЪ паденїю подверженныхЪ столбахЪ все мое благополучїе утверждалЪ, и ежелибЪ не предвидѣлЪ, что сильнѣйшей сему славному на свѣтѣ спорникЪ, сЪ его счастїемЪ и мое благополучїе купно опровергнуть можетЪ. Я прежде добрую о себѣ славу имѣлЪ, вездѣ меня хвалили и имя мое прославляли, всѣ меня за честнаго и за отмѣннаго вЪ разумѣ и добрыхЪ поступкахЪ предЪ другими почитали. Презрѣнїе со злословїемЪ

всѣ

всѣ сіи хвалы преодолѣло, и я думалъ, что сія перемѣна здѣлаться можетъ: ибо какъ учтивствомъ похвалу заслужить, такъ легкою проступкою, несчастливымъ успѣхомъ въ предпріятіи, или обыкновеннымъ непостоянствомъ народа въ презрѣніе притти можно, какъ бы кто похвалами и добрымъ о себѣ мнѣніемъ ни возносился. И такъ ни на что не надѣясь, ни о чемъ печалиться не буду, дабы мнѣ не лишиться неоцѣненнаго и дражайшаго въ свѣтѣ сокровища, то есть Душевнаго Спокойствія.

3. Я не дожидаясь настоящихъ болѣзней и печалей прежде къ нимъ привыкаю, и разсужденіемъ такую терпѣливость получаю, которой другіе дѣйствительнымъ терпѣніемъ научаются.

4. Ежели я съ двора своего сойду, или отъ дому отлучусь, то думаю, что безъ меня разныя несчастія и непорядки произошли, а буде по возвращеніи моемъ ничего того не найду, то Богу должное благодареніе воздамъ, что по его благости и милосердію ничего такого не воспослѣдовало, что бы подлинно здѣлаться могло.

5. Понеже я твердое принялъ намѣренїе во всю мою жизнь добродѣтели послѣдовать, то ужѐ безъ сомнѣнїя вѣрю, что я щастїю всегда противиться долженъ буду.

6. Въ какой бы я безопасности по своему мнѣнїю ни былъ, однакожъ всегда напастей чаю, и посреди ласкательствъ сладкаго счастїя къ ругательствамъ и озлобленїямъ горькаго несчастїя заранѣе готовлюсь.

7. Я ужѐ довольно въ свѣтѣ обращался, однакожъ ни одного такого человѣка не нашелъ, которой бы всѣ таланты, а при томъ тѣлѣсныя и отъ счастїя приходящїя дары, пользы и всѣ совершенства вмѣстѣ имѣлъ.

Есть люди пребогатые, токмо по природѣ и заслугамъ не знатны. Иные природнымъ благородствомъ и знатностїю фамилїй одарены, но не имѣютъ чѣмъ себя по достоинству содержать. Другой честенъ и богатъ, но принужденъ тайнымъ и уединеннымъ образомъ въ отдаленїи жить, затѣмъ что ни кто его не любитъ, и обходиться съ нимъ не хочетъ. Третей взялъ за женою великое богатство, но за неимѣнїемъ съ нею дѣтей принужденъ будетъ по смерти ея приданое другимъ отдать. У

чет-

четвертаго много дѣтей да беспутныя. У пятаго дѣти изрядныя родятся, да не долго живутъ. Шестой славенъ, честенъ и богатъ, но всегда боленъ.

8. Я въ несчастіи не унываю, а въ счастіи не высокоумствую, и не превозношусь, но всегда сердце, нравъ, и духъ мой ко всякимъ случаямъ готовлю, вѣдая, что сіе приготовленіе человѣка въ счастіи скромнымъ, а въ несчастіи терпѣливымъ творитъ.

9. Ежели у меня много богатства и деревень, то вѣдаю ли я, что все сіе перемѣнѣ подвержено? Буде не вѣдаю, то можетъ ли меня сіе невѣденіе сохранить и къ счастію привесть, не допуская мнѣ предвидѣть тѣхъ печальныхъ перемѣнъ, которыя случиться, а мнѣ потомъ несчасливыя припадки чувствительнѣйшими учинить могутъ? Когда я непостоянство своего счастія знаю, то мнѣ всегда и по справедливости опасаться надлежитъ, чтобы оно со временемъ само не пропало, чего мнѣ по видимому потерять не льзя, и никто у меня отнять не можетъ. Совершенное счастіе никогда и отнюдъ со всегдашнимъ страхомъ смѣшано быть не можетъ. Ежели сіе потеря-

терянїе чувствительной печали мнѣ не причиняетъ, то видно, что потерянное мною, или отнятое у меня имѣнїе великаго удовольствїя дать мнѣ не въ состоянїи; по сему можно разсудить, что и великимъ имѣнїемъ, съ разумнымъ и разсудительнымъ безпристрастїемъ владѣть должно, дабы человѣку душевнаго не потерять спокойствїя.

10. Ежели счастїе меня оставитъ, то оно само меня упредитъ, и весьма не худо здѣлаетъ, вѣдая, чтобъ я и самъ его со временемъ добровольно покинулъ. Мнѣ все равно, я ли завтра, въ день моей смерти, счастїе свое оставлю, или оно сего дня само отъ меня уйдетъ.

11. Человѣкъ бы и самъ своей силы не зналъ, ежелибъ никогда никакого несчастїя на него не было. Ежелибъ онъ всегда былъ въ постоянномъ счастїи, а притомъ никогда и никакимъ перемѣнамъ подверженъ не былъ, тобъ ничего противнаго стерпѣть не могъ; а когда съ несчастїемъ, съ печальми, болѣзньми, и разными противностьми довольно борется, то чрезъ сїе весьма окрѣпчаетъ, а потомъ ни какому злому припадку не уступитъ; буде же

мно-

многіе злые случаи вдругъ счастіе опровергнутъ, то оно колебаясь сколько можно противиться станетъ. Которая часть тѣла въ большемъ употребленіи, та обыкновенно крѣпче другихъ бываетъ. Нѣтъ тѣхъ деревъ тверже, которыя вѣтромъ часто шатаетъ.

12. Мудрой человѣкъ несчастіе хотя и чувствуетъ, токмо обыкновенно оное побѣждаетъ, и власно какъ на престолѣ мира и спокойствія сидя, выше всѣхъ нападающихъ на него, и грозящихъ ему безсчастныхъ припадковъ возвышается.

13. Злополучіе выводитъ человѣка изъ заблужденія, и понуждаетъ возвратиться къ Богу, посредствомъ святаго слова его, повелѣваетъ удалить отъ себя всѣхъ льстецовъ и ласкателей; при томъ же научаетъ, чѣмъ гнѣвъ Божій укротить, а правосудіе его умилостивить, то есть принесеніемъ въ теплой молитвѣ и постѣ смиреннаго духа, и сокрушеннаго сердца, со исполненіемъ добродѣтели.

14. Добродѣтель подобна янтарю, или такимъ благовоннымъ вещамъ, которыя тѣмъ большее благоуханіе отъ себя даютъ, чѣмъ больше ихъ

трутъ

трутъ или жгутъ. По сему примѣру тотъ человѣкъ весьма добродѣтеленъ, которой несчастіе побѣждаетъ.

15. Есть такія слабыя добродѣтели, которыя однимъ несчастіемъ содержатся. Ежелибъ Богъ иныхъ по видимому гордыхъ людей не смирялъ, тобъ они отъ пути истинны удалились; но милосердый Творецъ воздерживаетъ ихъ несчастіемъ, власно какъ терновымъ заборомъ въ надлежащихъ границахъ. Беспрывно продолжающаяся милость многихъ бы повредила, ежелибъ гнѣву и несчастія ни мало не чувствовали; а многихъ бы вѣра и набожность угасла, ежелибъ огнемъ бѣдъ и злополучій возжигаема не была.

16. Хотя счастіе мое не очень высоко, однакожъ и такихъ людей много, которые ниже меня. Хотя я не фельдмаршалъ, не канцлеръ, и не кабинетной министръ, однако славлю Бога, что не земледѣлецъ, не пастухъ и не трубочистъ. А когда уже си бѣдные люди покой и свободные часы имѣютъ, то для чего мнѣ безпокоиться? Мало такихъ людей, которые сіе разсужденіе имѣютъ, а оно весьма полезно, и ко

испол-

исполненію легко. Всѣ мы на тѣхъ смотримъ, которые больше насъ, а на меньшихъ и подлѣйшихъ себя, никогда не взглянемъ. Одинъ передъ нами въ каретѣ ѣдущей, нестерпимою завистію насъ мучитъ, а тысяча человѣкъ въ разсужденіи насъ ничто, которые позади насъ почти наги и босы идутъ.

17. Сіе поистиннѣ зрѣнія собственныхъ очей Божіихъ достойно, когда отважной и добродѣтельной человѣкъ счастію противится, и оному не вѣритъ. Но гдѣ такого чрезвычайнаго великодушія сыскать? Однакожъ великіе примѣры такой героической добродѣтели въ великихъ несчастіяхъ не рѣдко бываютъ.

Истинную крѣпость съ добродѣтелію имѣющей человѣкъ, при опытѣ силъ своихъ въ несчастіи, такъ же не робокъ и не печаленъ, какъ великодушной воинъ въ то время бодръ, когда тревогу или сигналъ къ бою услышитъ.

Хотя и побѣжденъ будетъ, однако симъ паденіемъ великодушіе съ добродѣтелью его не умаляется. Его такъ же почитаютъ, какъ раззоренныя церькви и святыя мѣста, которымъ благоговѣйные люди и въ то

вре-

время кланяются, когда ужѐ не только стѣны разломаны, но и основанїе сихъ священныхъ мѣстъ разбросано.

18. Внутренность человѣческая въ несчатїи и злыхъ припадкахъ больше и лучше всего познается, въ то время и истинная крѣпость или слабость подлинно откроется. Какъ бы добрыя его мнѣнїя и добродѣтели сокровенны ни были; однако несчастїе ихъ силою у него вырвавъ, всему свѣту покажетъ. Въ терпѣнїи и злоключенїяхъ весь притворъ пропадаетъ, и только одна правда остается. Я силу и крѣпость моего духа тогда болѣе и лучше узнаваю; когда печали его побѣдить, или въ унынїе привесть хотятъ. Въ сихъ жестокихъ случаяхъ чинимое отъ него супротивленїе въ большее почтенїе его приводитъ, нежели тихость, и то спокойствїе, которымъ человѣкъ посреди роскошей и благополучїя наслаждается.

19. Въ чемъ кормчей [штурманъ] и доброй мореплаватель познавается? Въ штурмахъ и жестокой погодѣ. Что борца, и добрую лошадь объявляетъ? Борба, бѣганїе, и военные случаи. Въ чемъ узнаваютъ мудраго полководца? Въ баталїяхъ! Гдѣ крѣпость

ность и храбрость оказывается? Въ несчасти. Гдѣ узнать великодушіе съ истинною добродѣтелью? Въ бѣдахъ и злыхъ случаяхъ. Поистиннѣ ежелибъ я никакихъ бѣдъ, печалей и напастей не имѣлъ, то бы и самъ себя подлинно не зналъ.

А узнавъ свою слабость, стараюсь оную укрѣпить и исправить; а крѣпость и силу мою испытавъ и познавши, въ дѣйство съ воздержаніемъ произвожу, дабы она въ ослабленіе не пришла.

20. Я отъ счастія мало бѣдъ терплю, по тому что въ его дарованіяхъ не много участія имѣю. Злополучія такого человѣка рѣдко побѣждаютъ, которой счастію въ обманъ себя не даетъ и ласкательствами его не прельщается. Кто желаетъ прелестей и измѣны счастія не бояться, тотъ долженъ ласкательства его презирать, а за сіе всегда ожидать угрызеній и предательства фортуны.

21. Понеже я себя недостойнымъ благополучія почитаю, то и на злощастія никогда не жалуюсь.

22. Мнѣ того не довольно, чтобъ бѣды и напасти терпѣливо сносить, да еще о томъ стараюсь, какъ бы

сіи

сїи злоключенїя въ благое обратить. Ежели я что потерялъ, то приключившееся отъ сего печальное время на прїобрѣтенїе мудрости употреблю. Хотя люди мнѣ въ желанїи моемъ препятствуютъ, и до того меня не допускаютъ, чего я ищу, однако я на нихъ не сердясь, стану стараться, какъ бы себя къ полученїю того способнымъ и достойнѣйшимъ учинить. Ежели болѣзнь меня мучитъ, то она мнѣ сїю бѣдную и маловременную жизнь въ омерзѣнїе приводитъ, и смерть не весьма страшною творитъ.

23. Ежели человѣкъ болѣзни и печали съ твердымъ духомъ сноситъ, то они ему не такъ вредятъ, какъ въ то время, когда нетерпѣливостїю своею онымъ противится. А понеже и мнѣ сихъ злыхъ случаевъ миновать не можно, то я жестокїя ихъ нападенїи съ возможнымъ терпѣнїемъ сносить потщуся, дабы отъ сопротивленїя и нетерпѣливости большаго мученїя не понести. Для чего мнѣ время не такъ принимать, каково оно придетъ? Развѣ я оное перемѣнить, или не допустить могу? Никакъ! На что же и роптать? „что не отъ „меня зависитъ, на томъ я никогда

„бла-

„благополучія своего не утверждаю, „и ни какого себѣ отъ того счастія „не жду„.

24. Чѣмъ больше человѣкъ о бѣдахъ и печаляхъ своихъ станетъ разсуждать, тѣмъ несноснѣе они ему будутъ; а ежели у него къ ношенію ихъ довольной силы и крѣпости нѣтъ, то ему свои мысли и глаза какъ можно отъ нихъ отвращать надобно.

25. Смотрѣть на такихъ, которые въ такой же болѣзни или печали страждутъ, какую я терплю, отъ того ни малой мнѣ пользы и облегченія не будетъ.

26. Хотя болѣзнь меня мучить и можетъ, однако я никогда жаловаться на сіе не стану.

27. Какое великое удовольствіе въ слушаніи разговоровъ того Философа, которой по потеряніи всего своего имѣнія, насмѣявся злому своему счастію, подалъ веревку, а при томъ слѣдующія слова сказалъ. „Прими „отъ меня фортуна сію веревку, по„ложи ее себѣ на шею, и удавись съ „великаго гнѣву и неудовольствія, „что ты своею злостью, и угрыза„тельными нападками ума моего по„вредить, спокойства душевнаго на„рушить, и добродѣтели моей по„колебать не могла„.

28. Я до тѣхъ поръ счастїя за истинное благо не признаю, пока оно у злыхъ людей въ рукахъ не будетъ, и ихъ лучшими не учинитъ. Добродѣтель въ спокойствїи скоро изчезнуть можетъ, а крѣпость духа и разума человѣческаго въ мирѣ и тишинѣ ослабѣваетъ. Когда человѣкъ благополучнымъ и во всемъ довольнымъ себя увидитъ, въ то время о снисканїи мудрости не старается: будучи преисполненъ изобилїемъ земныхъ благъ, забываетъ вѣчное блаженство съ небеснымъ царствїемъ, и ожидаемою безконечною жизнїю; все желаемое въ рукахъ своихъ имѣя, о томъ уже не думаетъ, чего съ воздыханїемъ больше всего желать надлежитъ.

Я и въ то время счастїю не повѣрю, когда оно для примиренїя со мною честь, богатство и славу со изобилїемъ мнѣ принесетъ. Я всѣ сїи вещи въ одно и такое мѣсто положу, гдѣбъ фортуна ихъ сыскать и назадъ взять могла; а когда она ихъ отберетъ, то я сего не испужаюсь и не потужу. Счастїе любитъ жестокость, нападенїе, и непостоянство; а для сего ни видѣть, ни терпѣть не можетъ, чтобъ отъ него зависящее благо на одномъ мѣстѣ, и въ однихъ ру-

рукахъ долго было; и что сего дня мнѣ даетъ, тѣмъ завтра тебя наградить можетъ. Ежели оно со мною живетъ, то я доволенъ; буде же станетъ крылья свои къ отлету поправлять, то я всѣ его плѣнныя дарованія съ охотою ему возвращу, а самъ, къ прежней своей добродѣтели прилѣпившись, ничего у фортуны, кромѣ честнаго убожества, требовать не стану.

29. Сіе не въ моей власти, чтобъ счастіемъ по своей волѣ управлять; но токмо то въ моей силѣ, дабы дары его употреблять на доброе, а того не просить, и о томъ не печалиться, чѣмъ оно меня не награждаетъ. Я ни счастія получить, ни изъ несчастія себя освободить не въ состояніи, да то въ моей волѣ и власти, чтобъ счастіемъ наслаждаться безъ гордости, безъ мотовства и безъ роскошей, а несчастіе съ терпѣливостію, съ спокойствомъ и безъ печали сносить.

30. Ежели я у счастія не извѣстныхъ вещей попрошу, то можетъ быть, что оно мнѣ ихъ не дастъ, и слѣдовательно зделаетъ сіе противъ моего желанія; а чтобъ такихъ вещей не требовать, то въ моей волѣ.

31. Счастїе все можетъ отнять, что у меня ни есть, а при томъ въ бѣды и несчастїя меня привесть, и болѣзнь мнѣ причинить можетъ. Только оно меня къ гордости приневолить, также завистливымъ, мстительнымъ, лицемѣромъ, злословнымъ, трусомъ, лжецомъ, обманщикомъ и скупымъ учинить не въ состоянiи. Оножъ у меня какое нибудь веселїе или маловременную радость отнять можетъ, а неудовольствїя причинить силы не имѣетъ; для того что истинное удовольствїе съ душевнымъ спокойствомъ отъ меня самого, а не отъ его непостоянства зависитъ.

Разсужденїе.

Какъ человѣку не вдаваться въ печаль.

1.

Ежелибъ я всегда печаленъ былъ, тобъ мнѣ и малыя печали не только велики, но и несносны были. Радость инымъ печаль причиняетъ, а добродѣтель скуку и омерзѣнїе приноситъ. Кто свою мудрость, добродѣтель и совѣсть, печалью, туженїемъ и скукою одѣваетъ, тотъ въ смѣшной ливреѣ ходитъ; однакожъ сiе

сіе по видимому въ великомъ употребленіи. Изъ нынѣшнихъ мнимыхъ мудрецовъ весьма такихъ много, которые думаютъ, будто всю мудрость посрамятъ, ежели имъ себя веселыми показать. Но я печали какъ глупаго и противнаго украшенія весьма ненавижу. Италіанцы очень изрядно здѣлали, что злость печалью назвали; ибо сіе состояніе всегда вредно, безумно и подло. Стоики ученикамъ своимъ запрещаютъ, чтобъ никогда печали не имѣть.

2. Ежели необходимая и законная печаль меня одолѣетъ, то я по крайней мѣрѣ о томъ стараться буду, что бы мнѣ сію печаль въ компаніи скрывать, опасаясь, дабы объявя оныя, вмѣсто веселія и забавы, горести и беспокойства между собравшимися не причинить. Мнѣ же должно такой видъ казать, что я и другими также какъ собою доволенъ.

3. Меня и малое веселитъ, для того что я малымъ доволенъ. О небольшихъ причинахъ веселія радуюсь, а о малыхъ причинахъ печали нетужу и не плачу, вѣдая, что то и другое весьма часто случается.

4. Ежели которая изъ моихъ добродѣтелей съ великою строгостію,

и безмѣрнымъ постоянствомъ соединена, то я къ сей добродѣтели гдѣ пристойно, и сколько возможно веселіе лица, нрава, и бодрость поступокъ своихъ присоединю. Но хотя и правда, что веселость многимъ пріятна, однакожъ она тому человѣку чести не приноситъ, кому ни по времени ни по мѣсту непристойна. Надобно, что бы мудрость оную подкрѣпляла, а осторожность украшала. Ежели съ веселостію постоянной видъ имѣть, то чрезъ сіе можно воспрепятствовать, чтобъ веселость въ печаль и уныніе, а постоянство въ безумную и смѣшную радость не обратилось.

Ничто такъ съ меланхоліею не сходно, какъ строгое и чрезвычайное постоянство; а напротивъ того ничто такъ безумію не равно, какъ безмѣрное веселіе, и предѣловъ неимѣющая радость. Буде мнѣ какое счастіе здѣлается, то хотя и подлинно, что радость весьма шутлива, однакожъ я сего своего благополучія передъ безсчастными и печальными людьми сказывать не стану, дабы печали и болѣзни ихъ моею радостію не умножить. Ежели въ печаль вдаться не хочешь, то прочти предъ симъ

писан-

писанное разсужденіе о бѣдахъ, печаляхъ и несчастіи.

Разсужденіе.

О утѣшеніи въ ругательствахъ, въ презрѣніи злословій.

1.

Развѣ мнѣ всякому дать волю, всегда, и какъ ему ни понравится, спокойство мое нарушать, и меня по своему произволенію ругательски язвить?

2. Я на ругательныя озлобленія не отвѣтствую, но только весьма прилѣжно разсматриваю мои поступки, дабы мнѣ исправленіемъ оныхъ хвалу и почтеніе получить. Симъ способомъ то презрѣніе на тѣхъ упадетъ, которые меня у всѣхъ въ презрѣніе приводятъ и ругаютъ. Гонители мудростію гонимыхъ въ наибольшее презрѣніе и омерзѣніе сами приходятъ.

3. Та публичная хвала, которую у человѣка могутъ отнять, ничто иное есть, какъ общее и одинакое мнѣніе многихъ людей, котораго порознь въ велико не ставятъ.

Поистиннѣ много такихъ людей, которые изряднаго, и почтенія достойнаго не почитаютъ, но только

слышанное и хвалимое отъ людей хвалятъ, а сами не видали и не знаютъ, что хвалы, и какая вещь хулы достойна.

4. Хвала и почтеніе отъ людей оказываемыя такъ непостоянны, что и понять не можно, для чего люди о полученіи оной такія труды прилагаютъ? Кто человѣка въ одномъ случаѣ похвалитъ, тотъ въ другомъ похулитъ. А сія же хвала почти всегда тому причиною, что всегда болѣе ревности съ завистію, нежели склонности и почтенія отъ людей приноситъ.

„Кто воздаяніе своимъ добродѣ„телямъ на хвалѣ другихъ утверж„даетъ, тотъ худое о добродѣте„ли и о самомъ себѣ мнѣніе имѣетъ„.

5. Постоянная хвала съ наилучшимъ почтеніемъ ни мало совершеннымъ человѣка не творитъ. Сіе почтеніе есть взглядъ человѣческой на насъ, которой какой нибудь отъ Бога и природы внутрь человѣка положенной доброты ищетъ, а самъ ничего вліять, также отъ природнаго отнять, или ко оному прибавить не можетъ, и слѣдственно человѣку ни малой пользы не приноситъ; а сей

взглядъ

взглядъ весьма маловременной, рѣдкой, и весьма непостоянной.

6. Хотя суетной человѣкъ почтеніемъ и ласкается, однако я больше любви, нежели почтенія отъ людей желаю, вѣдая, что почтеніе ко нраву ходъ даетъ, а любовь къ сердцу двери отворяетъ. Почтеніе ихъ можетъ обратиться въ ревность или въ ненависть, а въ любви ни одной изъ сихъ злыхъ и спокойство человѣческое нарушающихъ страстей нѣтъ.

7. Весьма мало такихъ примѣровъ, чтобъ другой кто больше меня любилъ и почиталъ, нежели какъ я самъ себя люблю и почитаю. А понеже я себя не почитаю, то и на тѣхъ не сержусь, которые съ презрѣніемъ на меня смотрятъ, но больше о томъ стараюсь, чтобъ меня хвалили и любили.

8. Кто славы ищетъ, тотъ многія совершенства имѣть долженъ; а мнѣ то всего нужнѣе, что бы лучшимъ себя учинить. Къ полученію славы сей наилучшей способъ, дабы и для славы тожъ самое исполнять, что человѣкъ для доброй совѣсти дѣлаетъ, и дѣлать долженъ.

9. Въ чемъ же состоитъ оная слава, которой люди съ великимъ же-

желаніемъ ищутъ, а потомъ съ несказанною печалью теряютъ? Вся слава человѣческая состоитъ въ томъ, когда о насъ люди въ пользу нашу разсуждаютъ. Сіи хвалящіе весьма мало насъ знаютъ, но много любятъ, а разсужденія ихъ въ собственномъ нашемъ мнѣніи ни праведны ни основательны, для того и почтенія не достойны. Тѣжъ разсужденія ни душѣ ни тѣлу нашему ни малой пользы не приносятъ: ибо ни болѣзней ни печалей нашихъ не убавляютъ, но тѣмъ человѣка прельщаютъ, что онъ самъ о себѣ не по сущей истиннѣ, но по мнѣнію другихъ разсуждаетъ. Во всю жизнь человѣка прелестьми своими ласкаютъ, а въ часъ его смерти, всѣ какъ дымъ изчезаютъ. По сему, что можетъ быть суетнѣе почтенія свѣтскаго, что непостояннѣе, и слѣдственно, что безполезнѣе славы человѣческой? Ни что такъ здравому разуму не противно, какъ желаніе и исканіе славы: ибо лишившись внутреннихъ дарованій, душу свою несовершенною, и всегда алчущею творимъ. А къ украшенію оныхъ не вѣтръ и дымъ, но весьма крѣпчайшія вещи требуются. Тотъ бы голодной человѣкъ весьма не доста-

точенъ въ умѣ своемъ былъ, которой бы вмѣсто насыщенія голодомъ стражающаго своего желудка, сталъ богатаго платья и уборовъ искать, вѣдая, что хлѣбъ нужнѣе париковъ и парчевыхъ камзоловъ.

Добродѣтель съ правдою и мудростію всего нужнѣе, по тому что одна она истинной хвалы, и вѣчной славы достойна. Человѣческая слава свидѣтельствуетъ о его совѣсти, а совѣсть увѣряетъ, что человѣкъ отъ правды и разума не удаляется.

10. Показываемое отъ людей почтеніе временемъ бываетъ сомнительно, и часто случается, что сердце съ словами весьма не согласно, но оныя на какомъ нибудь интересѣ основаны. Кто стоя предъ тобою весьма ниско тебѣ кланяется, тотъ будучи за тобою, тебѣжъ смѣяться можетъ.

11. Ничто кромѣ безсмертнаго истинной хвалы и почтенія недостойно. А понеже человѣческая слава весьма кратка и маловременна, то я ничего кромѣ добродѣтели хвалить и почитать не стану. Но хотя люди ее и не почитаютъ, однако она вѣчной славы и памяти достойна. Въ семъ безпрестанномъ смятеніи похвалъ на-

родныхъ, колеблющихъ душу и умъ человѣка на подобіе моря, не возможно прямаго и надѣжнаго пути основать. На что намъ по такой тонкой доскѣ со всегдашнимъ страхомъ и трепетомъ ходить, которая въ одно мгновеніе ока переломиться можетъ? Потщимся лучше добродѣтели и здравому разуму всегда послѣдовать, не смотря на то, есть ли намъ за сіе отъ народа похвала или нѣтъ.

12. Понеже презрѣніе есть мнимое зло, а въ самомъ дѣлѣ ни какого зла человѣку не причиняетъ; то я объ ономъ и не печалюсь, но болѣе о порокахъ моихъ и погрѣшностяхъ моихъ тужу, вѣдая, что въ нихъ подлинное и дѣйствительное зло состоитъ. Однакожъ весь свѣтъ не одного со мною мнѣнія: ибо и иные будучи у другихъ въ презрѣніи, больше о томъ печалятся, нежели о порокахъ своихъ и погрѣшностяхъ; по сему собственныя человѣку ураженія чувствительнѣе чужихъ ударовъ. „Я такого работника видѣлъ, который въ нѣсколько пудъ беремя на „плечахъ своихъ безъ роптанія несъ, „а трехъ словъ стерпѣть не могъ, „которыя ему безмѣрно досадны по„казались. По сему примѣру можно без-

„безпристрастно разсудить, подлин„ное ли бремя или мнимое зло тя„желѣ„.

13. Помирясь и согласившись съ собою, весьма легко съ другими вѣ мирѣ и вѣ согласіи жить могу, какъ бы они меня ни презирали. Безпокойной человѣкъ скоро ссору и раздоръ учинить можетъ. Какъ такому человѣку презрѣніе другихъ стерпѣть, которой самъ себѣ противенъ и несносенъ?

14. Презрѣніе обидъ умерщвляетъ злословіе, а гнѣвъ и мщеніе оное воскрешаетъ. Тотъ силу злословія признаваетъ, кто говоритъ, будто оное его уязвить могло. Тотъ своего непріятеля веселитъ, кто ему показываетъ, будто онъ противнаго себѣ печальнымъ учинить можетъ.

15. Ежели человѣкъ безъ гнѣва и жалобы сноситъ ругательныя рѣчи отъ малоумнаго, отъ лежащаго вѣ горячкѣ, и отъ сумозбродовъ, то для чего ему и отъ злыхъ людей поношенія и ругательствъ не стерпѣть?

16. Я бы желалъ умъ свой на такое пространство привести, чтобъ онъ выше всѣхъ ругающихъ его быть могъ. Вѣ семъ пространствѣ можно

тишину и спокойство найти. Какъ въ море брошенной камень бури и волнъ не причиняетъ, такъ ругательство въ сердцѣ великодушнаго никакого смущенія и безпокойства не производитъ.

17. Тотъ ужѐ конечно всю Философію выучилъ, кто ругательства также охотно, какъ и похвалы слушаетъ, для того что умной человѣкъ никогда на народномъ мнѣніи не утверждается, вѣдая, что честность добродѣтельнаго человѣка состоитъ въ благихъ предпріятіяхъ, а не въ томъ, что объ немъ думаютъ подверженные заблужденію, непостоянству, и неправымъ разсужденіямъ.

18. Ежелибъ я отмѣное предъ прочими и вышшее имѣлъ достоинство, то бы столько почтенія къ себѣ требовалъ, сколько на содержаніе моей власти надобно. Ежели право и преимущество власти оставить, то я о принадлежащей сему достоинству славѣ весьма мало попеченія имѣть буду.

19. Истинную честность любящей, и ею украшенной человѣкъ за безчестіе себѣ вмѣняетъ, ежели его такіе люди почитаютъ, которые не толь-

ко не имѣютъ, но и не знаютъ что есть честность.

20. Я о томъ не сожалѣю, что меня не почитаютъ, но всѣми силами о томъ стараюсь, чтобъ я въ самомъ себѣ хвалы и почтенія достоинъ былъ. Какъ такому человѣку о похвалахъ радоваться, которому совѣсть представляетъ, что онъ хулы и презрѣнія достоинъ? Какая мнѣ напротивъ сего печаль, что люди меня поносятъ и злословятъ, а совѣсть съ добродѣтелью хвалитъ и оправдаетъ? Потщимся же снискать истинную славу въ самихъ себѣ, которая чрезъ всю человѣческую жизнь продолжается, и по самой часъ смерти неотступно съ нимъ пребываетъ.

Ты совѣсть свою испытать, и самъ лучше всѣхъ знать долженъ, истинноль ты набоженъ, или только для лицемѣрнаго виду благотворнымъ притворяешься? Милостивъ ли ты или суровъ? человѣколюбивъ или безчеловѣченъ? Другіе только съ наружной и неизвѣстной стороны на тебя смотрятъ, и по догадкамъ о тебѣ разсуждаютъ. Они только внѣшнія твои поступки видятъ, а нраву твоего подлинно не знаютъ, и для того на ихъ разсужденія не много смотри

но болѣе на собственную совѣсть полагайся.

21. Я иногда самъ и прежде всѣхъ о моихъ порокахъ публично говорю; а чрезъ сіе непріятелей своихъ не только въ замѣшательство привожу, но и веселой способъ къ разговорамъ о себѣ отнимаю. Сему смятенію и печали ихъ главная причина то, что они думаютъ, что понеже мнѣ пороки и погрѣшности мои самому извѣстны, то я о исправленіи себя всячески стараться буду, въ чемъ они и не обманываются. Великодушное и добровольное признаніе въ своихъ порокахъ упреждаетъ чужіе выговоры, а у злословія жало и ядъ отнимаетъ.

22. Я изъ разглашаемаго о себѣ злословія двѣ пользы получаю: Первая показываетъ мнѣ нравъ и совѣсть тѣхъ, отъ которыхъ сіе злословіе происходитъ, и для того я всякимъ образомъ отъ нихъ остерегаюсь; вторая польза объявляетъ слабѣйшее во мнѣ мѣсто, дабы я оное отъ непріятельскихъ нападеній какъ возможно укрѣплялъ.

23. Ежели обо мнѣ худо говорятъ, то надѣюсь, что сіе недолго продлится, но скоро изчезнетъ. Настоя-

стоящая моя добродѣтельная жизнь минувшіе дни житія моего оправдаетъ; а самъ себя для того я не оправдаю, что оное любленіе мнѣ запрещаетъ, которымъ я самому себѣ долженъ.

24. Ежели я со всѣмъ здоровъ, а про меня скажутъ, будто боленъ, то я за сіе разглашеніе также сердиться не буду, какъ за безвинное оболганіе отъ людей.

25. Подлинной знакъ тѣлесной болѣзни, ежели человѣкъ до себя коснуться не допускаетъ; равнымъ образомъ и я бы себя больнымъ въ умѣ призналъ, ежелибъ сталъ за все то сердиться, чѣмъ мое самолюбіе атаковано быть можетъ.

26. Буде меня напрасно и въ неправдѣ обвиняютъ, то я свое оправданіе умѣренно и съ почтеніемъ объявлю; а буде онаго не примутъ, то я своею невинностію доволенъ буду. Можетъ быть что такого человѣка гнать перестанутъ, которой не противится. Буде я добродѣтелью своею злословящихъ къ молчанію не приведу, то по крайней мѣрѣ стремительства ихъ избѣгну. Неповинность гониму лучшее и безопаснѣйшее убѣжище. Чѣмъ чище у меня совѣсть,

тѣмъ

тѣмъ меньше о томъ печалюсь, что про меня люди говорятъ.

27. Хотя мнѣ досадную и противную правду скажутъ, однакожъ за то не сержусь, для того что я ужѐ сіе зналъ, и самъ себѣ напередъ въ совѣсти сказывалъ. Когда разсматриваю прилѣжно всѣ мои дѣла и поступки, то сіе не допускаетъ меня до того, чтобъ я пороковъ и погрѣшностей своихъ не зналъ. А понеже я проступки свои знаю, а при томъ слышу, что оныя и другимъ извѣстны, то ужѐ мнѣ кромѣ изправленія оныхъ, дѣлать нѣчего.

28. Ежели кто мнѣ зла желаетъ, поноситъ, и ищетъ способа къ учиненію мнѣ вреда, то должно мнѣ думать, не я ли его чѣмъ озлобилъ, и прежде обидѣлъ. Ежели человѣкъ для учиненія самому себѣ справедливости, прилѣжно себя расмотритъ, то увидитъ, что весьма рѣдко случается, чтобъ одинъ безъ всякой причины другова злословить, или бы вредить ему сталъ. Чтожъ надъ нами въ безуміи или въ какихъ явныхъ порокахъ смѣются, тому никто иной, но сами мы причиною.

29. Хотя мнѣ про кого и сказано, что онъ меня злословилъ; однако я

на

на него не сержусь, и сіе злословіе ему прощаю, для того что оно отъ легкомыслія, или отъ молодыхъ его лѣтъ, а не по злобѣ и съ умыслу произошло. Такимъ образомъ долженъ всякой оправдать злословящихъ для собственной своей пользы, что бы злословіе не такъ чувствительно было.

30. Я же хотя увѣдомленъ, что люди, про меня худо говорятъ, только меня сіе ни въ страхъ, ни въ гнѣвъ, нижѐ въ удивленіе не приводитъ, затѣмъ, что никто на свѣтѣ хулы и злословія избѣжать неможетъ; при томъ извѣстно, что людямъ про чужіе пороки и недостатки за глаза говорить вольно. Одни сіе дѣлаютъ по злобѣ и съ умыслу, другіе подъ образомъ разговоровъ, третьи подъ видомъ добраго намѣренія, а такихъ весьма мало, которые бы сего не дѣлали; и такъ смѣшно бы было, ежелибъ я одинъ того сталъ требовать, что бы про меня никто въ свѣтѣ худаго не говорилъ, когда ужѐ подлинно вѣдаю, что мнѣ сіе злословіе никакой болѣзни не причинитъ.

31. Ежели происходящее о мнѣ злословіе праведно, то не ужасное ли дѣло, когда я о томъ не печалюсь, что

что грѣхи и злыя мои дѣла предъ Богомъ извѣстны, а того слышать и снесть не могу, чтобъ люди объ нихъ знали и говорили? Буде же сіе злословіе ложно и неосновательно, то оправдающей меня судъ Божій, а притомъ добрая моя и чистая совѣсть, всѣ человѣческія злословныя о мнѣ разсужденія уничтожатъ. Довольно того, когда друзья и знаемые мои обо мнѣ вѣдаютъ, что я человѣкъ доброй, а постороннимъ или домашнимъ моимъ вольно про меня говорить, что хотятъ. Какъ пріятно и полезно человѣку утѣшаться правосудіемъ Божіимъ во всякой неправдѣ и обидѣ человѣческой?

32. Молчаніе мое во многихъ случаяхъ мнѣ помогало злословію налагать молчаніе. Когда люди видѣли, что я на ихъ нападенія не смотрю и не отвѣчаю, то тотчасъ отъ меня отставали? а ежелибъ за сіе сердился или мстилъ, то можетъ быть, чтобъ сугубое безчестіе имѣлъ.

Раз-

Разсужденіе.

О утѣшеніи находящимся не въ знатномъ чинѣ и убожествѣ.

1.

Ежели вельможа меня презираетъ, то я на худое свое счастіе посмотрѣвши, въ презираніи его дальней вины не нахожу: ибо онъ у придворныхъ своихъ научился ничего того въ дѣло не ставить, что его богатству и великолѣпію не равно. Потомъ самого себя разсмотрѣвъ, увѣряюсь, что презрѣніе его ко мнѣ отъ недостатку заслугъ моихъ произходитъ; чего ради всею силою стараюсь о сниканіи того, что онъ почитать долженъ. А ежели сей вельможа и въ то время больше прежняго любить меня не будетъ, то я о семъ печалиться не стану, вѣдая, что чрезъ сіе въ большее и такое совершенство приду, которое отъ всѣхъ почтенія достойно.

2. Ты больше, честнѣе и достойнѣе меня, и для того поди напередъ. Покажи мнѣ путь къ совершенству, поведи меня за собою въ храмъ добродѣтели, научи меня своимъ примѣромъ, и исправь твоимъ разумомъ и мудростію.

3. Побѣждать непріятелей государственныхъ, преодолѣвать свои страсти, и обладать самимъ собою, принуждать себя къ воздержанію и мудрости, къ оказанію милости въ получаемыхъ побѣдахъ, брать городы, а при томъ сердца живущихъ въ нихъ къ любленію, почитанію и боязни привлекать, единой правдѣ и здравому разуму послѣдовать, не слушая застарѣлаго и ложнаго мнѣнія, другихъ прощать, а самому ни въ чьемъ прощеніи нужды не имѣть, сіе все называю я полнымъ совершенствомъ, и такою великостію, которая небеснаго благословенія, а земнаго удивленія и безсмертныхъ похвалъ достойна. Для чего бы мнѣ въ своемъ убожествѣ не радоваться и не веселиться, ежелибъ всѣ знатные такими качествами одарены были?

4. Истинная честь со славою не въ обидѣ другихъ состоитъ, но въ томъ, дабы человѣку самому въ себѣ такъ великодушну быть, чтобъ получить славу не съ ущербомъ пользы и чести другихъ. По сему истинная моя слава съ великимъ достоинствомъ отъ меня зависитъ; а буде я оныя не имѣю, то самъ тому причиною, и слѣдственно мнѣ о незнатномъ

номъ состояніи и печалиться не надобно, вѣдая, что избавленіе и освобожденіе отъ сея прискорбности не въ моей власти и силѣ.

5. Я самъ себя въ моемъ мнѣніи такъ смиряю и унижаю, что болѣе меня унизить не возможно. По самой землѣ ходить крѣпче, надежнѣе и постояннѣе всего. Какой страхъ сіе низкое хожденіе вельможамъ и гордымъ не причиняетъ, однако я онаго не боюсь: ибо пѣшъ по землѣ ходя, ни въ комъ кромѣ себя нужды не имѣю.

Я самъ о себѣ весьма мало думаю, когда о рожденіи и о смерти своей съ многотрудною и суетною жизнью помышляю и разсуждаю о всѣхъ толь великихъ окружающихъ меня вещахъ. Сіе довольно мнѣ извѣстное умаленіе самаго себя, приводитъ меня въ смиреніе, которое человѣка сему полезному и добровольному униженію самаго себя научаетъ.

7. По моему мнѣнію, я самъ себя больше всѣхъ въ велико не ставлю. Слышу, какъ часто люди сіе слово говорятъ: онъ самъ себя не знаетъ; и хотя то правда, однако я не въ числѣ тѣхъ: ибо я самъ себя знаю; а сіе знаніе такъ меня смиряетъ, что ужѐ никому больше смирить не

воз-

возможно. Иногда случается такое скучное время, что я самъ себя ненавижу, а сему собственному омерзѣнію ничто иное причиною, какъ мои пороки; однако въ такомъ случаѣ тѣмъ утѣшаюсь, что оное же омерзѣніе меня къ большому совершенству приведетъ.

8. Но каковъ бы я совершенъ самъ себѣ ни казался, или бы совершеннымъ быть чаялъ; однако разсуждая о свойственныхъ порокахъ всякому, а слѣдственно и о моихъ собственныхъ, всегда нахожу причину къ смиренію и униженію.

Ежелижъ разсмотрѣть сіе обстоятельно, то поистиннѣ ничто не можетъ человѣка въ большее смиреніе привести, какъ сіе.

9. Ежели я себя смиряю, то отъ добраго произволенія сіе дѣлаю, однако симъ добровольнымъ смиреніемъ никого унизить не хочу, а при томъ не стараюсь избѣгать народныхъ переговоровъ, и презирать разумные совѣты и полезныя наставленія.

10. Буде кто меня похочетъ смирить, объявляя презрительно мое невѣденіе, то я упреждая сіе строгое исправленіе, больше всѣхъ и самъ себя въ тайнѣ обличу: ибо много такихъ

жихъ вещей, которыхъ я не знаю, а извѣстныхъ себѣ въ велико не ставлю. Токмо сія гордость весьма смѣшна, которая на долговременномъ чтеніи книгъ, и острой памяти основана.

11. Напрасно вельможи, и славнѣйшіе въ свѣтѣ меня презираютъ, когда я незнатнаго рода и невеликой чинъ имѣю. Я симъ разсужденіемъ давно ужѐ ихъ упредилъ, и самъ себя спрашивалъ. Какимъ образомъ могу я получить бесмертную въ мірѣ семъ славу? Какъ много такихъ людей, которые меня не знаютъ, обо мнѣ не думаютъ, и моей власти ни въ чемъ неподвержены! Напротивъ того такихъ несравненно больше, которые сильнѣе, богатѣе, умнѣе и лучше меня. Сіе разсужденіе всякаго человѣка къ смиренію и униженности привесть можетъ.

12. Хотя я за незнатностію чина и состоянія своего у вельможъ не въ милости, однако о томъ не печалюсь, вѣдая, что тоже самое мнѣ полезно, по тому что бѣдные люди и просители ни о чемъ мнѣ докучать не станутъ; а я къ неправдамъ, обидамъ, взяткамъ и нападеніямъ, причины и способу имѣть не буду. Не бу-

буду принужденъ къ безпрестанной мукѣ, то есть стараться всѣми силами угодить, искусно льстить, ближняго облыгать, на людей наговаривать, пристрастія ихъ хвалить, непорядки ублажать, притворствовать, шутить, а потомъ добровольно имъ работѣпствовать. Какое великое мнѣ въ незнатномъ чинѣ и убожествѣ моемъ веселіе, ежели я въ ономъ спокоенъ и доволенъ! Не лучше ли въ недостаткѣ здоровому человѣку на войлокѣ подъ овчиннымъ одѣяломъ крѣпко и безпечально спать, нежели въ богатствѣ и во всякомъ довольствіи будучи, на пуховыхъ перинахъ подъ собольимъ одѣяломъ въ подагрѣ и хирагрѣ, какъ разслабленному лежа мучиться? По сему примѣру гораздо лучше въ незнатномъ чинѣ и состояніи спокойно жить, нежели въ высокомъ достоинствѣ такими печальми и безпокойствомъ терзаться, которыя съ великими чинами и знатными достоинствами нераздѣльны.

Поистиннѣ я на такомъ кораблѣ въ далекой путь по морю не поѣду, которой съ наружи преизрядно украшенъ и раззолоченъ, при томъ же множествомъ флаговъ и вымпаловъ убранъ, а внутри золотомъ, серебромъ

бромъ и дорогими вещьми такъ нагруженъ, что вода чрезъ бортъ въ него льется, отъ чего наималѣйшая погода сей чрезмѣрно отягченной корабль залить, а людей безвременно потопить можетъ. Такъ власно въ богато убранныхъ и высокихъ палатахъ жить не желаю, гдѣ всегдашняя печаль со страхомъ и угрызеніемъ совѣсти пребываетъ.

14. Ежели я въ небогатомъ и незнатномъ состояніи нетерпѣливъ, то сіе значитъ, что въ лучшее и знатнѣйшее состояніе привесть себя хочу; а ежели сіе дѣйствомъ произходить начну, то безпрестанно умаляться стану: для обладанія другими, самъ себя въ подданство привожу, для полученія чести, въ разныя раболѣбства отдамся, а вмѣсто мнимаго возвышенія, съ землею сравняюсь. И такъ лучше мнѣ прежнюю малую, нежели новую и бóльшую бѣдность нести.

15. Лучше горница выбѣленымъ полотномъ убитая, нежели чрезъ полотнище золотымъ и серебренымъ штофомъ убранная. Лучше простая кровать съ пуховикомъ для необходимаго сна, нежели парчевые павиліоны съ орѣховыми на подобіе бал-

дахина для одной параду поставленными постелями. Великолѣпіе любящіе люди почти всѣ бѣдны. Вездѣ подъ великія, въ движимомъ и недвижимомъ имѣніи состоящія заклады денегъ съ великимъ безпокойствомъ ищутъ, съ невоздержаніемъ употребляютъ, для забавы и веселія другимъ, которые ихъ изобиліемъ наслаждаются, а хозяева и господа дому почти съ голодомъ отъ стола отходятъ, а потомъ съ женами, съ дѣтьми и служительми своими великую и тайную нужду чувствуютъ: отъ заимодавцовъ крайнюю наглость, и ежечасное безпокойство терпятъ, а напослѣдокъ въ великое раззореніе приходятъ.

16. Человѣкъ, которой ищетъ славы, и много о себѣ думаетъ, желаетъ, чтобъ вездѣ объ немъ съ похвалою говорили; но понеже отъ того происходитъ, что онъ самъ себя не знаетъ и забываетъ, то я весьма сего опасаюсь: ибо о такихъ людяхъ всгда такъ разсуждаютъ, какъ о поставленныхъ на публичномъ мѣстѣ статуяхъ.

17. Понеже я великаго достоинства достигнуть не желаю, но въ незнатномъ моемъ состояніи спокой-

во

но остаюсь; то лучше равныхъ и подобныхъ себѣ ищу, а за вышшими себя не гоняюсь. Къ тѣмъ съ радостію на встрѣчу бѣгу, которые ко мнѣ пріятны; а къ такимъ и одного шага безъ разсужденія не ступлю, которые отъ меня взоръ свой отвращаютъ.

18. Хотя я предъ вельможами голову приклоняю, однако духъ мой непоколебимъ, а разумъ непреклоненъ. Кто самъ себѣ не довѣряетъ, тотъ въ такой страхъ и подлую робость приходитъ, что разумъ, волю и свободу потерявши, въ разсужденіи бываетъ слабъ, въ словахъ не смѣлъ, а въ дѣлахъ безсиленъ и недѣйствителенъ. Съ такими мнимыми и видимыми слабостьми человѣкъ у людей въ презрѣніе притти можетъ.

Когда я передъ вельможъ прихаживалъ, и передъ лицомъ ихъ стоять принужденъ былъ, то и я въ сію слабость легко упадалъ, представляя себѣ ихъ честь съ высокимъ достоинствомъ, приходилъ въ великую робость, а видя великолѣпіе и убранство дому ихъ, въ такое ослѣпленіе впадалъ, что стоялъ передъ ними въ слабости, въ темнотѣ и въ совершенномъ уничтоженіи.

Но по сверженіи сего въ суетномъ и робкомъ мнѣніи состоящаго бремени и тяжкаго ига, такъ ихъ почитаю, какъ моихъ вышшихъ, такъ имъ повинуюсь, какъ верьховнымъ властямъ, а персональныя ихъ заслуги и природныя добродѣтели въ особливомъ высокопочитаніи имѣю; однакожъ при всемъ томъ отнюдь себя такою трусостію и робостію не уничтожаю, которая умному, а при томъ силу, цѣну и достоинство всякой вещи знающему человѣку весьма неприлична.

19. Ежели мнѣ въ вельможахъ милости искать, а при томъ о полученіи чести съ высокимъ достоинствомъ, и о собраніи богатства стараться, то и я начну способы искать къ приведенію себя въ знатность на такомъ свѣтѣ, съ котораго я скоро въ иную нескончаемую жизнь преселиться принужденъ. А буде всѣ сіи мнимыя пользы и преимущества презрю, то чрезъ сіе въ нескончаемой жизни, и вѣчномъ блаженствѣ тѣмъ болѣе укрѣплюсь, что мнѣ оттуды никогда на сей свѣтъ не возвратиться.

20. Развѣ у знатныхъ иное тѣло и душа? иныя чувства? не тотъ

сонъ

сонъ и апетитъ? не тѣ глаза, руки и ноги, что у меня? Никакъ! Чѣмъ же они меня превосходятъ? Чужимъ и внѣшнимъ различіемъ. Вельможа въ наслажденіи невоздержными роскошьми хуже воздержнаго мужика. Пріятны и удивительны ли пѣвчему концерты, а музыканту звукъ разныхъ инструментовъ? Никакъ! для того что они всегда при томъ, и то ихъ должность. Кто не имѣетъ жажды, тотъ въ сладость пить не можетъ.

21. Развѣ у человѣка росту и толщины отъ того прибудетъ, когда онъ въ большую честь и высочайшее достоинство произойдетъ, или великое богатство получитъ? Желающему отвѣта на сей вопросъ, должно разсудить, можетъ ли онъ помолодѣть въ старости, или выздоровѣть отъ жестокой болѣзни своей, ежели его на серебреную или на золотую гору посадить? и прибавится ли отъ того хотя на одинъ вершокъ росту, когда самого его на превысочайшую башню взвести? По сему оба однимъ словомъ: нѣтъ, оправдаться могутъ.

22. Естественныя нужды, съ необходимымъ покоемъ у богатыхъ и убогихъ равны, и у всѣхъ одинаки.

 Раз-

Развѣ водовозъ съ истопникомъ не также служатъ, какъ дворецкой и прикащикъ? Ежели имъ платьемъ перемѣниться, то и одинъ тожъ, что другой можетъ здѣлать.

23. Мнѣ въ такихъ случаяхъ ни малаго участія и дѣла до нихъ нѣтъ, на которые весь народъ со удивленіемъ смотритъ. А понеже я имъ не дивлюсь, то ни одного у нихъ, не желаю токмо смотря по возможности стараюсь, начало и причину тому знать; а иногда честь и польза сихъ знатныхъ случаевъ въ томъ состоитъ, дабы начало и причину онымъ отъ глазъ народа скрывать, но предъ Божіимя очами все сіе ничто.

24. Я нимало того не стыжусь, ежели кто меня смиритъ, да то за подлинной стыдъ почитаю, что меня усмиренія и пониженія достойнымъ творитъ.

25 Меня въ моей надеждѣ то больше крѣпитъ и ободряетъ, что нѣкоторые люди словъ и дѣлъ моихъ не презрятъ. Тожъ различіе нравовъ не допущаетъ меня къ возгордѣнію, вѣдая, что какъ бы меня одни ни хвалили, однако другіе всегда причину найдутъ дѣла мои хулить.

26. На горахъ и высокихъ мѣстахъ стоящей человѣкъ сильнымъ вѣтрамъ и жестокимъ вихрямъ подверженъ. Какія на знатныхъ и славныхъ людей гоненія! какъ великія въ тайнѣ умыслы, переговоры, зависть, и ненавистныя ловительства! и какое великое стремленіе съ высокаго мѣста! А такія паденія весьма часто случаются.

27. Умной и добродѣтельной человѣкъ, праведные и законные способы къ полученію чести и знатныхъ чиновъ, лучше самыхъ высочайшихъ достоинствъ почитаетъ.

28. Нѣкоторой человѣкъ увидѣвъ меня спросилъ: Для чего ты къ Министрамъ на поклонъ не ходишь? За чѣмъ въ нихъ милости не ищешь? Какъ ты лѣнивъ, гордъ и не по своей мѣрѣ покоенъ! Я отъ печали и не удовольствія ничего на сей вопросъ не отвѣчалъ, но знаемые и пріятели мои вмѣсто меня сказали. Онъ ни для суеты ни корысти, совѣстнаго и душевнаго спокойства потерять не хочетъ.

29. Главное мое намѣреніе состоитъ въ непрестанномъ и ненасытномъ желаніи такихъ заслугъ и добродѣтелей, за которыя знатными

чинами и богатствомъ награждаютъ, а самому ни богатства ни высокихъ достоинствъ не просить, но токмо бы оныхъ достойнымъ учиниться.

30. Не тотъ добродѣтеленъ и великодушенъ, кто честь, знатные чины и великое богатство имѣетъ, да тотъ, кто все сіе презираетъ.

31. Какое бы различіе между великими и малыми ни было, однако богатой съ убогимъ равное начало и равной конецъ, то есть одно рожденіе и одну смерть имѣетъ. Оба одинакимъ болѣзнямъ, бѣдамъ недостаткамъ, страхамъ и перемѣнамъ подвержены. Вся тягость счастія ихъ основана на подпорѣ гнилой, а именно на многобѣдной, и многоболѣзненной, а при томъ неизвѣстной смерти подлежащей жизни. Они свое сокровище, то есть славу, честь и великолѣпіе, хотя въ позолоченыхъ и дорогихъ, однако въ глиняныхъ сосудахъ носятъ, которые отъ малѣйшаго удару разбиться, а отъ огня и холоду легко треснуть могутъ. Великіе и малые, богатые и убогіе, славные и незнатные, всѣ равно умираютъ, и однимъ образомъ гніютъ. Какъ бы ясно сальная свѣча ни горѣла, однако ежели оную погаса-

гаситъ, то противной и головѣ вредной духъ по себѣ оставляетъ. Такъ власно славные люди и великіе воины [бывшіе въ свѣтѣ на подобіе такихъ ужасныхъ кометъ, которыя кровопролитіемъ и опустошеніемъ всю вселенную устрашали], ничего кромѣ злословія по себѣ не оставляютъ. Все сіяніе славы и великолѣпія въ темнотѣ гроба померкаетъ.

32. Понеже люди ничто такъ осторожно не скрываютъ и не таятъ, какъ гордость, то изъ сего видно, что гордость великой порокъ. Когда въ моей молодости было во мнѣ много суеты, то и я такой же спѣси нѣкоторую часть въ себѣ имѣлъ; а нынѣ помысливъ о семъ безчестномъ порокѣ, безмѣрно стыжусь.

33. Съ самаго того времени, какъ я началъ стараться о погашеніи во мнѣ отъ гордости и самолюбія происходящихъ, и сердце человѣческое надымающихъ мнѣній, то ужѐ ни о чьей гордости болѣе не жалуюсь.

34. Чѣмъ больше будешь стараться приводить свое состояніе въ лучшее, и чѣмъ больше будешь желать учинить свои поступки отмѣнными предъ другими, тѣмъ болѣе ихъ озлобишь, и каждагѡ изъ нихъ особли-

вымЪ себѣ непріятелемЪ учинить: ибо они ужѐ порознь и вообще непрестанно о томЪ стараться станутЪ, какЪ бы тебя обеспокоить, опечалить и раззорить. КакЪ можно о томЪ старайся, что бы тебѣ вЪ самомЪ дѣлѣ крѣпче и сильнѣе другихЪ быть, а самЪ о себѣ думай, что никого на свѣтѣ безсильнѣе тебя нѣтЪ.

35. Я гордости страшуся, и суеты сЪ высокоуміемЪ убѣгаю: ибо онѣ такое мнѣніе во мнѣ вкоренить могутЪ, будто я третей человѣкЪ вЪ государствѣ, только меня и сто человѣкЪ во всемЪ свѣтѣ не знаютЪ; а какЪ я умру, то и тысящная часть того города, гдѣ жилЪ, ни о смерти, ни о погребеніи моемЪ не свѣдаетЪ. ВотЪ сколько я не нуженЪ свѣту!

36. Судьбою моею весьма я доволенЪ, что чести, славы и высокихЪ достоинствЪ не имѣю, а сверьхЪ сего и добровольно отЪ оныхЪ удаляюсь: ибо вЪ нихЪ такЪ много способовЪ кЪ возбужденію гордости и высокоумія, что никто изЪ любящихЪ спокойство душевное оныхЪ не пожелаетЪ. Пріемлющей честь тѣмЪ больше искушается, что себя не только сей приносимой, но еще несравненно большой чести и славы за достой-

стойнаго почитаетЪ, не видя того подлинно ли вЪ немЪ такія свойства, и добродѣтели есть, которая истинной славы отЪ людей, а отЪ Бога милости и воздаянія достойны.

37. Я чрезвычайныя собранія и знатныя веселія такЪ ненавижу, что внутренно радуюсь, когда для незнатнаго моего чина меня изЪ оныхЪ выключаютЪ.

А ежели и меня при томЪ быть принудятЪ, то я изЪ сего превеликаго шума уединеніе и пустыню дѣлаю: душу мою отЪ средины сего безпокойнаго волненія внутрь себя отвлекаю, и самЪ кЪ молчанію прибѣгнувЪ, вЪ совершенной тишинѣ и свободѣ пребываю.

38. Понеже ни чрезвычайное любленіе чести, ни высокоуміе меня не мучитЪ, то и уединеніе мнѣ не противно; а ежелибЪ я честолюбивЪ, гордЪ и высокоуменЪ былЪ, тобЪ, удаленія снести не могЪ. Поистиннѣ никакЪ не можетЪ сравниться слава честолюбиваго и гордаго сЪ тишиною и уединеніемЪ такого человѣка, которой душевное спокойство сЪ безмятежнымЪ житіемЪ истинно любитЪ.

39. Во уединеніи живучи совершенно познаю, что главное несчастіе человѣка въ томъ состоитъ, когда его весьма многіе знаютъ, а онъ не только никого, но и самъ себя подлинно и обстоятельно не знаетъ; а человѣку безъ основательнаго знанія себя, никоимъ образомъ исправиться, и въ совершенство притти не возможно. Въ мирномъ житіи и спокойномъ уединеніи человѣкъ научается самого себя познавать, для того что всѣ мысли къ самому себѣ обращаетъ, и о себѣ разсуждая, учится познавать свою бѣдность, которая его къ совершенному смиренію приводитъ. Я свои слабости знаю, и для того самъ себѣ не вѣрю. Знаю, что никакой твари обладаніемъ совершеннаго спокойства и удовольствія получить не возможно, и для того оставя свѣтъ сей, разсуждаю о пренесеніи себя на лоно Создателя моего, который единъ желанія сердца моего исполнить, а душу мою зрѣніемъ на пресвятое лице свое насытить можетъ.

40. Судьба и счастіе весьма въ посредственномъ состояніи и незнатномъ чинѣ меня оставили, только я симъ весьма доволенъ и спокоенъ.

41.

41. Уединеніе меня премногими сладостьми питаетъ, и во первыхъ то удовольствіе даетъ, что отъ статскихъ и военныхъ дѣлъ удаляетъ, которыми весь свѣтъ безпрестанно колеблется. По своей волѣ ѣмъ, и сплю спокойно, не слыша въ великихъ городахъ обыкновеннаго, и почти никогда непрерывающагося шуму. Къ знатнымъ и великимъ людямъ на поклонъ не хожу, для того что домъ ихъ великъ, столъ богатъ, палаты высоки, доступъ къ нимъ не свободенъ, угожденіе имъ трудно; а за долговременную и ревностную симъ великимъ людямъ службу, при отставаніи отъ нихъ кромѣ великаго презрѣнія, великой печали и великаго убожества, ничего другова человѣкъ не получаетъ.

42. Какое великое веселіе и удовольствіе жить въ отдаленіи отъ такого мѣста, гдѣ всякой часъ надобно беречься обману, невѣрности, бѣды и несчастія!

43. Великіе люди мнѣ для того страшны, что между оными много злыхъ, а въ неминуемомъ съ ними обхожденіи весьма сего избѣжать трудно, чтобъ на нихъ или ненависти не имѣть, или бы имъ не послѣдовать.

буде ихъ ненавидѣть, то отъ нихъ гоненіе терпѣть, а ежели имъ последовать, то повредиться должно. Какъ же въ такихъ двухъ весьма скучныхъ крайностяхъ быть?

44. Понеже я привыкъ и весьма люблю одинъ быть, то сіе обыкновеніе всякія игры, публичныя гулянія и другіе случаи, въ которыхъ разумъ повреждается, въ омерзѣніе у меня приводитъ; а напротивъ того прилѣжаніе и всегдашнюю склонность имѣю къ наукамъ, къ чтенію книгъ и къ разсужденію о себѣ. Тожъ обыкновеніе творитъ меня рачительнымъ въ своей должности и приводитъ ко исполненію оныхъ.

45. Я не въ числѣ тѣхъ, которымъ по справедливости можно сказать: „Развѣ вы подлино думаете, „что такой человѣкъ искренне васъ „любить можетъ, котораго вы никогда къ себѣ не допущаете. „Какъ можетъ съ вами такой человѣкъ искренно и откровенно говорить, которой васъ не смѣетъ спросить о вашемъ здравіи?

„Я отъ людей такой славы и чести не принимаю, которая Божіему величеству противна и предосудительна, и которая человѣка въ такое

„кое состояніе приводитъ, что онъ „кромѣ своей воли никакого закона „не признаваетъ. Власть моя не „такъ велика, что бы она меня въ „порокахъ укрѣпляла, или бы такое „безсовѣстное и Богу противное во „мнѣ мнѣніе причинить могла, будь „то за учиненной мною грѣхъ ни „отъ Бога, ни отъ людей наказаніе „не будетъ.

„Я не таковъ властолюбивъ, что „бы мнѣ ядомъ всегдашняго льщенія „и похлѣбства напоену быть„. Я могу горесть правды пить; а ежелибъ въ большомъ достоинствѣ былъ, то бы о семъ никто мнѣ говорить не смѣлъ. Кто желаетъ оную видѣть, тотъ долженъ самъ ее искать: ибо великимъ и славнымъ людямъ никто правды показать не смѣетъ. Какая бережъ и храненіе въ богатствѣ, въ чести и въ изобиліи живущимъ? Понеже всякъ отъ нихъ счастіе и милость получить надѣется, то боясь ихъ прогнѣвать, никто правды говорить не хочетъ. Самые добродѣтельнѣйшіе тѣмъ только довольствуются, что объ нихъ сожалѣютъ, а никто исправить ихъ не отважится. И понеже никто имъ же представляетъ, что они во мнѣ-

нїи своемъ обманываются, то они и подлинно думаютъ, что мнѣнїемъ своимъ не грѣшатъ; а ежели кто осмѣлится имъ представить, то они безмѣрно сему дивятся.

Вельможи очень рѣдко, и развѣ отъ такихъ людей правду узнаютъ, которые весьма безпристрастны. Всякая степень возвышенія человѣческаго, знатно препятствуетъ правдѣ; и чѣмъ больше кто на свѣтѣ возвышается, тѣмъ болѣе ненавидитъ истинну.

46. Иные цвѣтущему благополучїю вельможъ и знатныхъ завидуютъ, а я разсуждая о ихъ слабостяхъ весьма сожалѣю: ибо они въ разсужденіи своихъ достоинствъ, будучи обязаны великими дѣлами, творятъ себя невольниками своихъ подчиненныхъ, и будучи одни только свидѣтельми внѣшняго своего труда и безпокойства, публично хвалу, покорность и великое почтенїе отъ искателей своихъ получаютъ; а въ уединенїи всю тягость душевнаго безпокойства, и совѣстнаго смущенія одни чувствуютъ. Богатые ихъ уборы, съ золотыми и серебрѣными одеждами, одно только привидѣнїе и обманъ глазамъ человѣческимъ; а подъ

подъ сими парчами скрытыя печали, угрызенія совѣсти, ненависть, зависть и злоба, денно и нощно сердце ихъ такъ терзаютъ, чтобъ они въ незнатномъ чинѣ и мѣстѣ завидующихъ имъ всеусердно, и съ великою охотою быть желали, токмо ужѐ сего здѣлать не могутъ.

47. Кто не имѣетъ знатнаго чина и высокаго достоинства, тотъ ни многочисленнаго экипажа, ни богатаго убранства, и никакой свѣтской суеты не требуетъ; а сего состоянія спокойнѣе въ свѣтѣ нѣтъ. Такимъ образомъ живущему ни богатыхъ обоевъ, ни дорогихъ шкафовъ и кроватей, ни бархатомъ обитыхъ стуловъ, ни украшенныхъ зеркалъ, ни фарфоровыхъ блюдъ и торелокъ, ни стѣнныхъ и настольныхъ часовъ не надобно. Умной человѣкъ все сіе презираетъ, но только на хозяйскія заслуги, и на персональныя его добродѣтели смотритъ, и оныя выше всего почитаетъ.

48. Въ оставленіи чиновъ не по своей силѣ и возможности, такая же мудрость состоитъ, какъ въ снисканіи и полученіи сихъ достоинствъ. Я не могъ надивиться нѣкоторому господину, когда онъ за глубокою ста-

старостїю и умаленїемъ здоровья, всѣ знатные чины и достоинства съ себя сложилъ, которыми награжденъ будучи отъ своего государя, съ народною похвалою многое время носилъ. Самаго себя знать великая и самая лучшая наука, умѣть уступить немалая отвага, при нужномъ случаѣ съ честїю отойти, довольная побѣда; а все сїе такому человѣку не трудно, которой въ снисканїи знатныхъ чиновъ и высокихъ достоинствъ безпристрастенъ.

49. Понеже я себя въ заслугахъ за весьма малаго, въ наукахъ за незнающаго, а въ добродѣтеляхъ за недостаточнаго признаваю; то весьма мнѣ несносно, когда меня не по заслугамъ хвалятъ. Да я же самъ себя ни хвалю ни почитаю, и думаю, что и другїе въ велико меня не ставятъ. Буде увижу, что нужды во мнѣ нѣтъ, то не дожидаясь отъ другихъ слова, самъ удаляюсь. Для чего мнѣ не въ свое мѣсто ходить, и за то приниматься, чего я не знаю? По первому могутъ меня вонъ вывести, а по другому глупымъ и незнающимъ назвать; а умному и совѣстному человѣку терпѣть сїе весьма стыдно.

50. Науки, искусство, мудрые проекты [предложенія] и славныя дѣла приводятъ человѣка въ знатность у свѣта, а у самого себя въ забвеніе: ибо человѣкъ о вещахъ внѣшнихъ такъ много думаетъ, что внутреннихъ своихъ тайностей не знаетъ, и о нихъ не мыслитъ. Какъ скоро я душевныя свои дарованія разсмотрю, то увижу, что я со всѣмъ не таковъ, каковъ себѣ и другимъ изъ внѣ казался.

51. Самъ въ себѣ признаю, что я къ придворному счастію не способенъ, и для того удаленіемъ отъ двора безмѣрно доволенъ: ибо душевнаго спокойства терять весьма не люблю. Придворному надобно зависѣть отъ воли другихъ, не то говорить, что думаетъ; кланяться такимъ, на которыхъ бы глядѣть не хотѣлъ; цѣловаться съ такими, которыхъ бы никогда видѣть не желалъ; хвалить противное; хулить изрядное; питаться надеждою; безъ награжденія служить, и за многія свои службы никогда благодаренія не слышать; не для себя, но для другихъ жить; волѣ и страстямъ иныхъ повиноваться; по ихъ нраву, а не по своему обычаю поступать; всегда въ

маскѣ

маскѣ ходить, то есть безпрестанно льстить, похлѣбствовать и лицемѣрить. Какъ можно въ такомъ мѣстѣ быть, гдѣ больше надобно учиться терпѣть, нежели добро дѣлать? гдѣ неправда и оболганіе господствуютъ, а неповинность съ правдою страждутъ, и всякое гоненіе терпятъ? гдѣ человѣкъ столько низверженія страшиться долженъ, сколько старанія о полученіи чести, и высокихъ достоинствъ прилагалъ?

52. Хотя великіе ни надъ кѣмъ больше не смѣются, какъ надъ малыми, и никого столько не презираютъ, какъ бѣдныхъ; однако ежели все прилѣжно разсмотрѣть, и обстоятельно изслѣдовать, то малые и убогіе гораздо ихъ счастливѣе, веселѣе и довольнѣе. Вельможность съ великими трудами, печальми, и съ такимъ безпокойствомъ соединена, которое великому почти никогда совершенною радостію и истиннымъ спокойствомъ наслаждаться не даетъ.

53. Вельможи и знатные нѣкоторымъ образомъ великіе и сожалѣнія достойные невольники. Мужикъ старается только о земледѣліи, о томъ печется, какъ бы Государю подать заплатить, а помѣщику оброкъ

рокъ отдать; днемъ работаетъ, а ночью крѣпко и спокойно спитъ, ни о чемъ совѣстію не мучится, и сердца своего не сокрушаетъ. А вельможа привязанъ къ великимъ деревнямъ, къ богатымъ домамъ, ко множеству служителей и предстоящихъ, не разсуждая о томъ, что чѣмъ больше ихъ въ службѣ, тѣмъ больше ему безпокойства и убытку причиняютъ, и такъ онъ всѣхъ ихъ общей невольникъ сталъ, не упоминая о тѣхъ безчисленныхъ досадахъ и грубостяхъ, которыя ему отъ порученныхъ почти ежедневно случаются. А буде къ сему статскія дѣла, съ нераздѣльнымъ отъ нихъ попеченіемъ, суетами и пронырствами, гоненіемъ, а напослѣдокъ несчастіемъ и паденіемъ прибавить, то едва ли крестьянинъ не счастливѣе господина, не веселѣе и не спокойнѣе.

54. Я такимъ счастливымъ быть отнюдь не желаю, которой тѣмъ хвалится, что къ храму счастія весьма близко подходитъ, и почти къ постоянному благополучію приближился. Но какое въ семъ принужденіе! Всегда надобно своихъ интересовъ смотрѣть, безмѣрное и подлое учтивство употреблять, всѣ

тѣ

тѣ печали терпѣть, которыя отъ надежды и сомнительнаго счастія происходятъ, сносить явныя нападки непріятелей, тайныя угрызенія и предательства завидующихъ, злобу и ненависть равныхъ, язвительныя шутки отъ вышнихъ, своенравіе и строптивость коммандировъ, а все сіе терпѣть для чести основанной на мнѣніи, для маловременной и непостоянной милости, и для тлѣннаго имѣнія. Правда, что отъ знатнаго чина происходитъ власть, почтеніе, великіе доходы, честь, сила къ одолженію друзей, къ произведенію свойственниковъ, къ отмщенію непріятелямъ; и хотя все сіе возбуждаетъ высокоуміе, возжигаетъ желаніе, самолюбію весьма пріятно, и есть наилучшее мѣсто вельможности; но ежели *внутрь* сихъ по видимому изрядныхъ красотъ посмотрѣть, а при томъ разсудить о тягости раболѣпства, о безпрестанныхъ трудахъ и безпокойствахъ, о умаляющемся здоровьѣ того, кто сей знатной чинъ носитъ, также попеченіе о исполненіи всѣхъ должностей, всегдашнее стараніе о отдаленіи ненавистниковъ, о угожденіи властямъ, о ежечастномъ себя хра-

храненіи отъ враговъ и непріятелей своихъ; то все сіе дѣлается для скоро преходящей славы, для мнимой чести отъ людей, и для такого имѣнія, которое разными способами изъ рукъ у человѣка уйти, или человѣкъ смертію и несчастіемъ отвлеченъ быть можетъ. Но понеже сверьхъ сего жизнь человѣческая весьма кратка и маловременна, а смерть подлинна, токмо время оной неизвѣстно; то я всей такой славы, не только получить не желаю, но и стараться объ оной не смѣю.

55. По истиннѣ и такихъ вельможъ не мало, изъ которыхъ одни храбростію, другіе велерѣчіемъ, третьи знаніемъ художествъ, четвертые высокимъ умомъ, пятые политикою, шестые хитрыми и остроумными проектами, седьмые великимъ искусствомъ въ дѣлахъ, а восьмые героичными дѣлами прославляются. Но ежели на каждаго изъ сихъ великихъ людей, и особливо въ домѣ ихъ посмотрѣть, то сколько слабостей, недостатковъ, погрѣшностей, пороковъ, смѣшной суеты, безчестной ревности, губительной зависти и ненависти, дѣтскихъ немощей, и такихъ негодныхъ непристойностей

на-

надейтеся, о которыхъ бы самой подлѣйшей надъ сими вельможами смѣяться могъ!

Утѣшеніе
Находящимся въ службѣ.

1.

Добровольнымъ послушаніемъ можно человѣку всего избѣжать, чего въ службѣ несноснѣе нѣтъ, то есть дѣлать то, чего бы человѣкъ не хотѣлъ. Повиновеніе за безсчастіе почесть не можно, но то немалое злополучіе, ежели кто противъ воли, съ упорствомъ и роптаніемъ повинуется. Не безуменъ ли тотъ, кто добровольно нейдетъ, но того дожидается и желаетъ, чтобъ его влекли силою? Кто своимъ состояніемъ довольствоваться не хочетъ, тотъ самъ себя мучитъ.

2. Я для облегченія, и лучшаго исполненія своей должности, все съ охотою дѣлаю, а что съ принужденіемъ и по неволѣ, то все худо дѣлается; и какъ бы дѣло легко и не важно ни было, однако съ принужденія и противъ воли исполняющему весьма труднымъ кажется.

3.

3. Понеже я къ властолюбію склонности и охоты не имѣю, то мнѣ въ послушаніи ни малаго препятствія нѣтъ. Желающему властвовать, надобно знать, какъ другихъ вести, управлять, и ими разумно повелѣвать. А мнѣ какъ другими властвовать, когда еще я въ дѣлахъ и поступкахъ моихъ самъ собою управлять не могу? Лучше хочу ведущему послѣдовать, и за нимъ по проложенной дорогѣ итти, нежели мнѣ дорогу прокладывать, и лучше за одного себя, нежеки за многихъ порученныхъ въ мое смотрѣніе отвѣтствовать.

4. Тотъ свою волю и свободу сохраняетъ, кто добровольно тѣмъ повинуется, которые его принудить могутъ. А сіе не свобода ли стала, кто должность свою добровольно и усердно исполняетъ?

5. Я моимъ начальникамъ во исполненіи того съ охотою повинуюсь, чѣмъ я власти и коммандѣ ихъ долженъ. А ежели они персональныя заслуги и добродѣтели имѣютъ, то безъ всякаго сопротивленія ихъ почитаю, съ большимъ къ лицу ихъ усердіемъ.

6. Повиновеніе отъ Бога и Монарха поставленнымъ начальникамъ и предводителямъ, всякому умному человѣку любезно, пріятно и полезно. Мнѣ сей выборъ труднѣе кажется, что бы человѣку одному незнакомою дорогою идучи отъ пути правды не удалиться, а напротивъ того многихъ трудовъ, печалей и безпокойствъ избавиться могу, ежели кто искуснѣе, а особливо выше и честнѣе меня, мнѣ покажетъ, что мнѣ дѣлать, и чего убѣгать должно.

7. Въ послушаніи то лучше всего, что человѣкъ, отправя порученное себѣ дѣло съ надлежащею исправностію, не ожидаетъ послѣ за сіе истязанія.

8 Когда ужѐ послушаніе обществу и сожитію человѣческому весьма нужно и полезно, то для чего мнѣ не повиноваться? Ежели бы верьховная власть не одной персонѣ дана была, то бы всякъ властвовать, и другими управлять пожелалъ, а изъ того какія бы великія непорядки и злыя слѣдства произошли!

9. Кто о повелѣніи много говоритъ, и смѣло разсуждаетъ, тотъ по

по должности не повинуется. Я повелѣнію безъ сопротивленія и роптанія повинуюсь, а отвѣтъ и разсужденіе о приказанномъ на повелѣвающаго полагаю; его, а не мое то дѣло.

10. Сего раболѣпства несноснѣе и безчестнѣе нѣтъ, какъ своимъ вожделѣніямъ служить, страстьми своими снѣдаему быть, и не умѣть преодолѣть своего мнѣнія.

„Кого должно вольнымъ и свобод„нымъ человѣкомъ назвать? Того, „кто разуменъ, собою обладаетъ, „ни убожества, ни бѣдъ, ни болѣз„ней нижѐ самой смерти не боится. „Кто своимъ страстямъ противится, „а честь презирать можетъ, тотъ „весь въ себѣ заключенъ: ничему „внѣшнему и чужому не покоряется, „и жестосточайшимъ нападкамъ сча„стія противится„.

Въ какомъ бы я раболѣбствѣ на свѣтѣ ни былъ, однако сожалѣнія достоинъ не буду, ежели токмо сію вольность и свободу сохраню.

11. Всякую власть господствующихъ и повелѣвающихъ мною охотно снесу, ежели только самимъ собою обладать могу и умѣю.

Въ подломъ и незнатномъ родѣ.

1.

Я лучше добрыми дѣлами, нежели благородствомъ прославиться желаю. Мой трудъ узнаютъ въ собственныхъ моихъ добрыхъ дѣлахъ; а въ благородіи и въ славѣ фамиліи моей, одни только труды и заслуги предковъ моихъ познаются. „Славный Римскій Полководецъ Маріусъ „сказалъ:

„Мнѣ самому о себѣ должно признаться, что я роду не знатнаго, „токмо вмѣсто сего большую пользу въ дѣлахъ моихъ имѣю. Главная „и крайняя неправда незнатнымъ „происхожденіемъ меня порицающихъ „въ томъ состоитъ, что они того „слышать не хотятъ, дабы я своею „добродѣтелію хвалился, а сами добрыми дѣлами другихъ людей величаются.

2. Для чего тому дивиться, что незнатные люди разумомъ, заслугами или счастіемъ своимъ знатные чины и отмѣнную честь и благородство получаютъ? На что ихъ тѣмъ порицать, и для чего имъ завидовать? Развѣ честнѣйшіе и славнѣйшіе роды съ начала не таковыжъ были, ежели до

до самаго начала источника ихъ доходить? Одни фамиліи добродѣтельми и заслугами возобновляются, цвѣтутъ, ростутъ и въ силу приходятъ; а другія пороками своими старѣютъ, вянутъ, изсыхаютъ, и разсыпавшись въ вѣчное забвеніе приходятъ. Благородные однимъ только показаніемъ древности своей фамиліи славятся. Но какъ бы родъ ихъ старъ ни былъ, однакожъ ему особливой предѣлъ предписанъ, за которой переступить не возможно, но дошедши до онаго назадъ возвратиться, и въ прежнее состояніе притти надлежитъ. Чѣмъ больше человѣкъ къ прежнему своему началу приближается, тѣмъ больше сходства въ своемъ родословіи находитъ, а нашедши увидитъ, что всѣ люди равны.

3. Сіе въ благородствѣ лучше всего, что оно человѣка обязуетъ, въ заслугахъ и добродѣтеляхъ уподобляться, и равному быть предкамъ своимъ.

4. Гербы, титлы и другія внѣшности истиннаго благородства человѣку не приносятъ, ежели онъ добродѣтелію не одаренъ, и заслугами не украшенъ. Какъ благородство

славно, такъ напротивъ того презрѣнія и жалости достойно, ежели онаго по достоянію не содержать.

Не знатной, но умной человѣкъ, знатному и благородному господину сказалъ: „Великолѣпіе и слава твоего дому, не даетъ тебѣ жить въ „спокойствіи и уединеніи, а чрезъ „то лишаетъ тебя лучшаго и сладчайшаго веселія въ жизни, и способу къ познанію себя. Что ты одинъ „въ тайныхъ своихъ покояхъ здѣлаешь, о томъ публично говорить „станутъ. Люди пожелаютъ вѣдать, какъ ты въ своемъ домѣ живешь: ибо прадѣды и дѣды твои „всѣхъ сосѣдей, власно какъ шпіоновъ, приставали для всегдашняго „смотрѣнія на дѣло и поступки твои, „и для примѣчанія, послѣдуешь ли „ты предкамъ твоимъ; а ты въ самомъ дѣлѣ ежели къ послѣдованію „заслугамъ и добродѣтелямъ ихъ принуждать себя станешь, то съ ними не мало сравнишься„.

5. Я такихъ больше почитаю, отъ которыхъ честь и благородство фамиліи ихъ начинается, нежели тѣхъ, въ комъ сіе продолжается. Я же больше прославленія добрыхъ дѣлъ, нежели чтенія великихъ титуловъ слушаю.

6.

6. Одно благородство и знатность древней фамиліи человѣка честнымъ не творитъ, ежели онъ заслугъ и добродѣтелей не имѣетъ; а безъ нихъ благородство самохвалу ничто иное, какъ похищенное имѣніе у другихъ, мнимое достоинство, которымъ тщеславится, суетное убѣжище ко гробамъ родителей, и наемной свѣтъ.

Утѣшеніе

Въ немощахъ и болѣзняхъ.

1.

Я весьма того берегусь, дабы мнѣ къ веселіямъ, роскошамъ и забавамъ не быть безмѣрно страстнымъ, чтобъ не учиниться чрезъ сіе къ болѣзнямъ нетерпѣливнымъ.

2. Въ немощахъ требуется терпѣніе: ибо надлежитъ вѣдать, что или болѣзнь скоро минется, или ужѐ меня не будетъ. Жестокія болѣзни обыкновенно непродожительны, но чѣмъ жесточае становятся, тѣмъ болѣе къ своему концу приближаются.

3. Чѣмъ больше покажу я нетерпѣливости, тѣмъ чувствительнѣе болѣзнь моя будетъ. Немощь подобна непріятелю: ибо ежели человѣкъ не-

непрїятеля своего боится, то его симъ страхомъ ободряетъ.

4. Я въ немощахъ всевозможнымъ образомъ стараюсь, душу мою отъ чрезвычайнаго чувствованія болѣзней отвратить, и съ нею въ разсужденіе углубиться. Хотя я сею поступкою болѣзни моей не облегчу, однако покрайней мѣрѣ не умножу.

Утѣшенїе

Лишившимся имѣнїя, сродниковъ и друзей.

1.

Какое бы у человѣка великое имѣнїе ни было, однакожъ духъ печальми, а тѣло болѣзньми при всемъ томъ мучиться можетъ. Для чегожъ человѣку по потерянїи такого имѣнїя безрассудно тужить, которое его ни отъ печали, ни отъ болѣзней избавить не можетъ?

2. Для утѣшенія о потерянномъ, тѣмъ веселюсь, что у меня осталось; а ежели [по примѣру многихъ людей на свѣтѣ] и ничего не останется, то пищею и одеждою доволенъ буду. Начто мнѣ самому себя мучить? А сїе ужѐ совершенная мука стала, ежели человѣкъ къ потерянному имѣ-

нію печаль, нетерпѣливость и отчаяніе присовокупить.

3. Всякое имѣніе на свѣтѣ почитают за взятое въ долгъ; ежели же у меня отымутъ, то думаю, что я его назадъ отдалъ, а не потерялъ. Я вѣдалъ что имѣніе во вѣки у меня не останется, но когда нибуть пропасть, или отнято быть можетъ, и для того всегда безпристрастными глазами на него смотрѣлъ.

4, Лишившись сродниковъ и друзей моихъ, натурѣ, дружеству и благодарности должное отдаю, а разуму то уступлю, что время неминуемо получить можетъ. Слёзы свои не слабостію, но разсужденіемъ прекращаю, а до того не допускаю, что бы время ихъ осушило.

5. И мнѣ со временемъ въ тотъ же путь итти, куда прежде меня умершихъ понесли. Я ужё подлинно вѣдаю, что и мнѣ съ моими сродниками когда нибудь также разставаться, какъ нѣкоторыхъ изъ нихъ смерть со мною разлучила.

Въ трудахъ

1.

Ежели человѣкъ ко всегдашнимъ трудамъ привыкнетъ, то ему не только трудное легкимъ покажется, но и самая болѣзнь сносна будетъ.

2. Я и излишней трудъ по возможности исправляю, дабы нужное; тѣмъ лучше и способнѣе дѣлать; а при томъ вѣдаю, что великой покой и частое отдыханіе въ лѣность, ослабленіе и къ худымъ мыслямъ человѣка приводитъ.

3. Ежели мнѣ дѣлать нѣчего, то для недопущенія себя въ лѣность разсуждаю о томъ, что здѣлано, или что мнѣ дѣлать надлежитъ. Всегда того опасаюсь, чтобъ успокоеніе въ разумѣ, не произвело упущенія въ моей должности. Лѣность и малую работу несносною творитъ. Кто ничего не дѣлаетъ, томъ по неволѣ злу учится. Праздность или лѣность сама собою не грѣхъ, но токмо ко многимъ грѣхамъ первой и всеобщей способъ.

4. Почти всѣ ненавидящіе трудъ напослѣдокъ въ убожество и крайнюю нищету приходятъ. Лѣнивой ежечасно много проживаетъ, а ничего не присовокупляетъ, безпре-

престанно роскошамъ, и такимъ забавамъ подверженъ, которыя весьма дорого покупаются, да при томъ же праздной въ защищеніи своихъ интересовъ не всегда смѣлость и дерзновіе имѣетъ.

5. Тотъ обыкновенно въ посмѣяніе приходитъ, кто не за свое дѣло принимается. Я бы не совѣтовалъ духовному въ архитекторство, архитектору въ духовныя дѣла, а кузнецу и рѣщику въ юриспруденцію вступать. Хотя вышеобъявленная истинна всѣмъ извѣстна, однакожъ сіе искушеніе весьма обыкновенно, чтобъ изъ своихъ границъ выступать въ надеждѣ и подъ видомъ большей пользы, а отъ сего не вѣдомо какое безпокойство во нравѣ человѣческомъ происходитъ, которое одними дѣлами должности и состоянія своего человѣку довольствоваться мѣшаетъ.

Иные званы на пользу и услугу ближнему, токмо сего въ дѣйство производить не хотя, для весьма неважныхъ причинъ отъ свѣта удаляются ради праздности и лѣностнаго житія. Такимъ же образомъ судія или статской человѣкъ, подъ видомъ молитвы и набожности ста-

новится противенъ и неприступенъ тѣмъ, которымъ въ его помощи крайняя нужда; и углубившись въ молитвы, терпѣніе бѣдныхъ въ крайнее изнеможеніе приводитъ, не помня того, что всемогущій и праведнѣйшій. Судія ему повелѣваетъ, сихъ бѣдныхъ людей не презирать, но за нихъ вступаться и прозьбу ихъ слушать; однако все сіе презря и забывъ сихъ неимущихъ, тщетными обѣщаніями питаетъ.

Сколько такихъ женъ на свѣтѣ, которыя изъ одной церькви въ другую ходятъ, при всякой службѣ бываютъ, и на всякой день молебны поютъ, а главныя отъ Бога положенныя на нихъ должности, то есть воспитаніе дѣтей и правленіе дому забываютъ.

Я ни о чемъ кромѣ положенныхъ и свойственныхъ мнѣ должностей не стараюсь; а ежели на меня другія дѣла положатъ, то прилѣжаніе, разсужденіе, трудъ, попеченіе и совѣты разумныхъ людей въ дѣйство произведу, дабы мнѣ и въ сихъ дѣлахъ не погрѣшить.

Въ страхѣ.

Я всевозможное о томъ стараніе прилагаю, что бы не подвергать себя страху о подлинныхъ, или неизвѣстныхъ случаяхъ, но токмо укрѣпляюсь разсужденіемъ о такихъ припадкахъ, которыхъ миновать не возможно, и собственнымъ разумомъ себѣ помогаю противъ случаевъ, которые не такъ извѣстны, какъ происходящая отъ нихъ болѣзнь со страхомъ подлинна. Такихъ вещей на свѣтѣ больше, которыя человѣка страшатъ, нежели тѣхъ, которыя подлинной вредъ причиняютъ. Страхъ больше и противнѣе зла всякаго, ибо другія страсти нетакъ чувственны и долговременны, какъ сія. Страхъ не только настоящаго или будущаго боится, но и отъ того дрожитъ, чему по случаю быть не возможно. Кто мнимаго несчастія боится, тотъ мученіемъ страха подлинное несчастіе терпитъ. Всякому злу конецъ и предѣлъ есть, а страхъ ни того ни другова не имѣетъ. Бѣдные люди! какъ много вы самовольнаго зла терпите, кромѣ не обходимыхъ отъ натуры на васъ приходящихъ бѣдъ и болѣзней! Страхъ приходитъ отъ мнимой боязни, и

часто человѣка въ подлинную опасность вводитъ, для того что отъ нея родится неутолимая и безразсудная жажда къ освобожденію отъ сего мнимаго зла, и такъ человѣка страшитъ, безпокоитъ, и отнимаетъ у него тѣ порядочные способы, которыми отъ сего зла себя освобождать должно. Страхъ душу человѣческую въ такое великое и сильное смятеніе приводитъ, что она тѣхъ способовъ не видитъ, которыми отъ настоящаго страха избавиться можно. Страхъ, кромѣ великой робости и унынія, въ такой ужасъ человѣка приводитъ, что разсужденіе потерявши, въ нѣмоту языка приходитъ, а при томъ не видя и не имѣя гонящаго, къ бѣгу самъ себя принуждаетъ.

2. Я бы всегда и весма бѣденъ былъ, ежелибъ всего того боялся, что мнѣ вредъ причинить можетъ. Противъ ожидаемыхъ золъ мудрость и разумъ употребляю: а противъ нашедшихъ и случившихся ищу разсужденія и способовъ къ скорѣйшему себя отъ нихъ освобожденію. Какая отъ того польза, чтобъ несчастіе свое прежде времени предупреждать, и оному противиться, или настоящее благополучіе теряя,

ряя, по всякой день, для того печальнымъ и безсчастнымъ быть, что несчастїе со временемъ случиться можетъ?

3. Довольно будетъ человѣку времени къ отягченїю себя печальми и тогда, когда ему какое бѣдствїе приключится. Почто же безвременно несчастїю подвергаться, а потóмъ день и ночь великую печаль сносить? Можетъ быть онаго и не будетъ. Есть такїе безумцы, которые сами себя до смерти убиваютъ, дабы симъ способомъ отъ естественной смерти, также отъ многихъ бѣдъ и несчастїй впредь избавиться. Но они подобны такому человѣку, которой отъ малаго дождя въ морскую пучину бросается, то есть отъ временной смерти, въ вѣчную муку и погибель душевную сами бѣгутъ. Кто боится потерять имѣнїе, или въ другое несчастїе притти, тотъ во всегдашнемъ страхѣ пребывая ни пить, ни ѣсть, ниже спать спокойно не можетъ, а того не вспомнитъ, что иногда ссылочные, каторожные и бѣдные невольники въ своихъ мѣстахъ отраду имѣютъ, и веселы живутъ.

Бѣдной человѣкъ! у тебя и безъ того природныхъ немощей много; на чтожъ тебѣ еще новыя и большія вымышлять? Ты ужѐ и отъ натуры бѣденъ, то для чего тебѣ чрезъ вымыселъ бѣднѣйшимъ себя дѣлать.

4. Которыхъ случаевъ и дѣлъ я боялся, а они не пришли и не исполнились, то мнѣ не только о каждокъ изъ нихъ радоваться, но и за всякую бѣду Бога благодарить должно, которая до меня не дошла, а я оныя всегда боялся.

Утѣшеніе

Въ бѣдности и убожествѣ.

I.

Богатство сердцами человѣческими такъ обладѣло, что убожество защищать нимало не возможно. Правда, что богатство многія выгоды человѣку приноситъ; только совершенно благополучнымъ никогда его не творитъ, но еще отъ того счастія удаляетъ, всегдашнимъ лишеніемъ спокойства и истиннаго удовольствія. А кто свое убожество терпѣливо сносить умѣетъ, [о чемъ всякому человѣку стараться надлежитъ], тотъ къ сему спокойству отчасу болѣе приближается, видя удаленіе бо-

богатства, а не имѣя способу къ собранію и къ приращенію онаго.

2. Чѣмъ меньше у меня желаній, тѣмъ сноснѣе мнѣ убожество будетъ. Не тѣмъ человѣкъ убогъ, что мало имѣетъ, но тѣмъ, что болѣе того желаетъ, нежели у него есть, и для того я больше о уничтоженіи моихъ желаній, нежели о собираніи богатства стараюсь. Хотябъ счастіе у несытаго имѣніемъ человѣка ничего не отняло, однакожъ онъ все то запотерянное почитаетъ, чего по желанію своему получить не можетъ, и о томъ какъ о подлинно потерянномъ тужить будетъ. Отъ великаго желанія того, чего нѣтъ, не наслаждается и не веселится тѣмъ, что у него есть. Всѣ тѣ обманываются, которые думаютъ, будто богатые потеряніе своихъ имѣній съ большимъ великодушіемъ сносятъ, нежели бѣдные. Наибольшія тѣла также чувствительны къ язвѣ, какъ малыя. Ежели то богатствомъ назвать должно, чтобъ человѣку все желаемое имѣть, то я сіе за большее богатство почитаю, дабы больше того не желать, что у меня есть. Потщимся же наши желанія со счастіемъ и желаніемъ своимъ ров-

ровнять; а ежели за границу ихъ переступимъ, то они въ такое мнимое пространство насъ заведутъ, гдѣ человѣку ни когда покою не будетъ. Тотъ нѣкоторымъ образомъ богатъ, кто богатымъ быть не желаетъ.

3. Я себя также не убогимъ почитаю, ежели вседневную пищу и одежду съ домашними имѣю. У меня слава Богу, столько есть, что всѣ сіи нужды исправить могу, чѣмъ я весьма доволенъ; а излишество превосходящее сію нужду почитаю за главной способъ къ безпокойству, для того что къ пріобрѣтенію оныхъ требуется великой трудъ и обманы. Къ утоленію алчбы и жажды не много надобно, а къ насыщенію пьянства и обжирства многихъ тысящъ не довольно. Чего натура требуетъ, то вездѣ и скоро сыскать можно, а объ излишествѣ много трудиться надобно. Что было сперьва излишнее и ненадобное, то напослѣдокъ необходимымъ, и такъ нужнымъ покажется, что онаго безъ печали лишиться не возможно.

Человѣкъ въ тѣ поры излишнее познаваетъ, когда у него оное убывать начнетъ: ибо человѣкъ сіе излишество не отъ нужды, но для того

упо-

употреблялъ, что имѣлъ. Большую часть вещей для того употребляемъ, что другіе употребляютъ; и то за большее зло почитать надлежитъ, что по ихъ примѣру живемъ, ихъ мнѣнія слушаемъ, чужимъ обычаямъ слѣдуемъ, а своему разуму не повинуемся. Ежели погрѣшность всему свѣту явна, то она напослѣдокъ добродѣтелію здѣлается. Любящему роскошь и излишество всего свѣта мало. Тихая жизнь въ убожествѣ не много требуетъ, а на роскошное и богатое житіе въ тысящу мѣръ противъ того не достанетъ. Не положила ли натура желаніямъ нашимъ предѣла? Не лучше ли стараться о сысканіи сихъ границъ для познанія, что натурѣ надобно, и что противно, и симъ же образомъ отдѣлить отъ надобнаго и полезнаго ненужное и вредное.

Ежели человѣка жестокая жажда мучитъ, то вода изъ деревяннаго ковша не таковожъ сладка ему покажется; какъ изъ золотаго сосуда? А буде дни два, или три не вѣдалъ, то развѣ простая пища не такой же сладкой и пріятной вкусъ ему дастъ, какъ деликатное и нѣжное кушаніе.

Бра-

Бразильской варваръ, для исканія богатства чрезъ море переѣхавшимъ Европейцамъ сказалъ слѣдующее: „Развѣ земля ваша такъ бѣдна, что потребной вамъ пищи дать не можетъ, и для того вы за богатствомъ къ намъ пріѣхали? или думаете, что за золото и серебро съ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями большую отъ Бога милость получите? Никакъ! берегитесь еще того, что бы вамъ отъ сего въ далекихъ земляхъ исканія чужова богатства своей собственной души и жизни не потерять. Можетъ ли васъ богатство безсмертными учинить? Возмете ли вы его съ собою на тотъ свѣтъ? Буде же скажете, что мы збираемъ богатство для оставленія женамъ, дѣтямъ и сродникамъ нашимъ, то скажите, таль нынѣ земля, которая предковъ вашихъ питала? Конечно таже! а когда подлинно такъ, то для чего сомнѣваетесь, будто она васъ и потомковъ вашихъ не прокормитъ. Богъ всемогущій не только всю вселенную, но птицъ и звѣрей богато насыщаетъ, а васъ не ужѣ ли не пропитаетъ? Стыдитесь о маловѣріи своемъ„.

4. Въ убожествѣ меньше страху, меньше пятости, меньше печали и меньше безпокойства, нежели въ богатствѣ. Ежели на непостоянство счастія съ прилѣжаніемъ посмотрѣть, то богатой имѣетъ причину бояться, а убогой уповать.

5. Не убожества человѣкъ стыдиться долженъ, но своихъ пороковъ. Кто въ убожествѣ стыдливъ, тотъ въ богатствѣ и чести гордъ будетъ. Ежели я своею погрѣшностію въ убожество приду, то мнѣ не убожества, но того порока стыдиться надлежитъ, которой меня въ нищету привелъ. Хотя богатые убогихъ и весьма презираютъ, однако я во утѣшеніе о сей обидѣ, потщусь обогатить разумъ мой нужнѣйшими къ совершенству онаго науками, душу добродѣтельми, а сердце щедростію и постоянствомъ, дабы ученіемъ и рассужденіемъ познать, въ чемъ состоитъ верьховное благо, что бы мнѣ оное добродѣтелію получить, а крѣпостію, великодушіемъ и постоянствомъ всему тому противиться, что къ полученію сего крайняго блага не допускаетъ, и въ наслажденіи онымъ препятствуетъ. Съ науками и знаніемъ не буду вельможамъ

жамъ раболѣпствовать, вѣдая различіе между ложнымъ и истиннымъ имѣніемъ. Будучи добродѣтеленъ, почитаю себя благополучнѣйшимъ въ свѣтѣ. Съ великодушіемъ и щедростію ни предъ какимъ вельможею дрожать и трястись не буду, хотя и подлинная правда, что бѣдность человѣка въ страхъ и въ робость приводитъ, а робость ихъ предъ глазами богатыхъ, гнусными и презрѣнія достойными творитъ. Какъ бы бѣдной предъ богатымъ умно, справедливо и основательно ни говорилъ, однако богатой всѣ его слова уничтожаетъ и презрительнымъ видомъ ни во что ставитъ. Сіе отъ того происходитъ, что бѣдной, не только о снисканіи покровительства его старается, но и ежедневно себѣ пропитаніе отъ него получаетъ, а потому лучше рассужденію и словамъ богатаго уступить нежели справедливымъ своимъ противорѣчіемъ у него въ ненависть притти хочетъ, которая убогихъ предъ богатыми принужденная поступка весьма обыкновенна. Нѣкоторой славной писатель такую бѣдность терпящаго, а притомъ стыдливаго и боязливаго человѣка слѣдующими словами описалъ:

салъ: „У Федона глаза въ яму ввалились, лицо блѣдно, тѣломъ сухъ, всѣмъ видомъ дуренъ, весьма мало и тонкимъ сномъ спитъ. Безмѣрно задумчивъ, часто забывается, и не то говоритъ, что думаетъ, или знаетъ. Рѣчи его тупы, коротки и часто перерываются; да при томъ же на всѣ стороны оглядываясь смотритъ, не смѣются ли словамъ его. Смотря на другихъ усмѣхается, самъ не зная чему, чужихъ рѣчей не выслушиваетъ, ко всему да и на всякое слово, такъ, говоритъ. Суется, бѣгаетъ, чего не спрашиваютъ, то подноситъ, не его зовутъ, а онъ откликается, ко всякому подбѣгая спрашиваетъ: не изволитель чего. Безмѣрно вѣжливъ, чрезвычайной ласкатель, всякія дѣла свои таитъ, временемъ лжетъ, и много прибавливаетъ. Суевѣренъ, всего боится, обо всемъ сомнѣвается, и всегда боязливъ, такъ тихо и легко ходитъ, что на землю ступить боится, потупя глаза идетъ, на мимоходящихъ взглянуть не смѣетъ. Никогда къ тѣмъ не подойдетъ, которые говорятъ, но за стуломъ у нихъ садится, и власно какъ украдкою слушаетъ; а буде на него взглянутъ, то не

не простясь и не сказавшись никому тихонько уйдетъ. Минуты на одномъ мѣстѣ не сидитъ; зжавши плеча, и надвинувъ шляпу на глаза, или завернувши носъ въ епанчу изъ компаніи спѣшитъ, а самъ не вѣдаетъ, куды. Нѣтъ такова тѣснова мѣста, куда бы онъ не продрался. Ежели его попросятъ, чтобъ онъ сѣлъ, то и на край стула сѣсть не смѣетъ. Въ компаніи тихо говоритъ, только о публичныхъ дѣлахъ свободно разсуждаетъ; на весь свѣтъ и обычай сердитъ. Министровъ въ велико не ставитъ, къ придворнымъ дальняго почтенія не имѣетъ, самъ никакихъ разговоровъ не зачинаетъ; а ежели его о чемъ спросятъ, то прежде тихо кашленетъ, подъ шляпою носъ высморкаетъ, нѣсколько разъ утрется, легко и почти на себя плюнетъ, насилу карманъ сыщетъ, куда платокъ дѣвать, не знаетъ, какъ и куда руку положить. А ежели начнетъ отвѣчать, то голову чешетъ, рукою гладитъ, и буде волосъ на другомъ увидитъ, то подбѣжавъ снимаетъ, платкомъ третъ, чхнуть не смѣетъ, предъ всякимъ въ робость приходитъ; и со всѣмъ бѣднымъ кажется.

6.

6. Человѣкъ великимъ богатствомъ бѣдности своей ни когда не окончаетъ, но только оную перемѣнитъ. Хотя имѣетъ много, чѣмъ можетъ удовольствовать свои страсти, однакожъ при томъ суетъ и попеченій не мало, чтобъ жить по своей волѣ въ роскошахъ и въ довольствѣ, желаютъ для того великаго богатства; и для пріобрѣтенія онаго не щадятъ ни живота своего, ни здоровья. Снискавъ довольно богатства, въ большее безпокойство приходитъ, не только о сохраненіи, но и умноженіи онаго; а бѣдной ничего сихъ печалей не знаетъ.

7. Хотябъ у человѣка многіе и великіе домы, богатыя деревни и знатные доходы были, однако все сіе для одного тѣла, а впрочемъ ничего ни за великіе миліоны купить не можетъ. Начтожъ сему одному тѣлу разные и великіе домы, многія каморы, постели, различные столы, и премножество служителей? Какъ бы имѣніе ни умножалось, однако душевныя человѣка качества наслажденіемъ онаго не только ни мало не прибавятся, но еще отчасу умаляются.

8. Хотя богатство отъ людей весьма высоко почитается, однакожъ оно предъ очами Божіими весьма малое дѣло, и для того богатство добродѣтельнымъ весьма рѣдко, но почти всегда злымъ достанется. Подщимся же свѣтскихъ, а особливо такихъ имѣній съ безмѣрною горячестію избѣгать, которыя ни сами добра не имѣютъ, ниже человѣка добродѣтельнымъ здѣлать не могутъ, но токмо добрые нравы злыми творятъ, что изъ слѣдующаго легко усмотрѣть можно. Богатство возбуждаетъ страсти, и злыя склонности изъ глубины человѣческаго сердца на верьхъ выводитъ, которыя было до того времени въ совершенное забвеніе пришли, сверьхъ сего ко исполненію давно предпріятыхъ злостей скорой и легкой способъ подаетъ. Все имъ повинуется, а сіе повиновеніе пагубной непорядокъ и неминуемой страхъ производитъ.

Богатствомъ честолюбивые все опровергаютъ, что имъ на пути теченія ихъ препятствуетъ; а изобиліемъ на тѣ степени восходятъ, на которыя гордость ихъ всходить принуждала. Чрезъ богатство мстительные получаютъ способы къ изліянію горе-

горести и злобы на непріятелей своихъ, на чувствительное имъ показаніе ненавистной злости и мщенія своего.

Отъ богатства лѣнивые въ роскошахъ и въ праздности безпечно утопаютъ, а лицемѣры и пустосвяты симъ же способомъ умѣютъ производить подъ видомъ добродѣтели славныя и знатныя дѣла, которыя имъ за тѣмъ ни во что не вмѣнятся, что безъ добраго намѣренія и усердія, но только для того здѣланы, дабы люди ихъ видѣли и хвалили. О богатствѣ однимъ словомъ можно сказать, что гнусная корысть съ лакомствомъ его собираетъ, роскошь съ невоздержностію растточаетъ, смрадная скупость весьма крѣпко хранитъ, безуміе истощаетъ, а разнаго роду и званія игра со всѣмъ развѣваетъ. Ежели душею, сердцемъ и совѣстію къ тлѣнному богатству и пагубному имѣнію прилѣпившіеся скупые оказываютъ себя благовѣрными и благочестивыми, то они въ самомъ дѣлѣ для скупости своей и сребролюбія великіе беззаконники. Буде скупой являетъ вѣрность, то оная не вѣрность, но обманъ и прельщеніе, проистекающее отъ великой

надежды того, чего скупость ихъ ненасытно желаетъ.

Буде надежду обьявитъ, то сія надежда грѣшная: по тому что онъ сіе упованіе не на Бога, но на тлѣнное богатство съ маловременнымъ, обидою и неправдами собраннымъ имѣніемъ полагаетъ.

Ежели въ немъ любовь появится, то сіе не любовь, но Богу противная ненависть и смрадная зависть, дабы подъ видомъ истинной любви обмануть, что нибудь выманить, или къ своимъ беззаконнымъ услугамъ добронравнаго человѣка уловить; а сему причина скупость и сребролюбіе. Буде въ немъ есть сила, то оная служитъ только къ ношенію трудовъ, потребныхъ къ несытной и неусыпной скупости. Ежели есть разумъ, то токмо для избѣжанія тѣхъ страховъ, которые безмѣрная скупость глазамъ его представляетъ. Буде имѣетъ умѣренность съ воздержаніемъ, то только для убѣжанія такой невоздержности, которая можетъ богатству его знатной ущербъ и умаленіе нанести. Ежели справедливость кажетъ, то токмо для сходства съ интересомъ своимъ, которой ему выше и дороже всего на свѣ-

тѣ.

тѣ. Не рѣдко постится, и весьма часто трезвъ бываетъ, только къ обоему скупость его привлекаетъ. До захожденія солнца не ѣстъ и понедѣльничаетъ, токмо сіе ненужное изнуреніе плоти больше отъ скупости и лицемѣрнаго пустосвятства, а не отъ прямаго усердія къ истинному посту происходитъ. Разныя обхожденія презираетъ и крайне ненавидитъ, только оной его чистотѣ причиною скупость. Всегда бываетъ въ безпокойствѣ, въ страхѣ и въ подозрѣніи. Безмѣрная его скупость ничего кромѣ пожаровъ, разбою и грабленія отъ воровъ, голодныхъ лѣтъ, нечаяннаго несчастія и мнимыхъ страховъ глазамъ его не представляетъ, которые опасности еще къ большему грабительству, и собиранію богатства его принуждаютъ. Онъ больше всѣхъ народную бѣдность знаетъ, а меньше всѣхъ о вспоможеніи при такой всеобщей нуждѣ старается. Въ такое то крайнее ненасытство скупость и неутолимое желаніе богатства человѣка приводитъ, и для того сребролюбіе въ священномъ писаніи, по самой и вѣчной правдѣ идолослуженіемъ называется, а Христіанское ученіе такихъ несы-

 тыхъ

тыхъ душъ бѣгать и бояться повелѣваетъ.

9. Я бы самъ богатства желалъ, и съ великимъ усердіемъ искалъ, ежелибъ благополучіе за деньги покупали и продавали. Но прежде снисканія какой вещи, надобно разсмотрѣть благополучіе того, кто ею обладаетъ: ибо изъ всего вышеобъявленнаго можно разсудить, что изъ богатыхъ ни одного счастливаго найти не возможно. Хотя люди благополучными ихъ и признаютъ, однакожъ они сами себѣ счастливыми не кажутся.

10. Всякъ изъ насъ ежедневно видитъ небо, солнце, луну, звѣзды, землю, моря со всѣмъ украшеніемъ ихъ, только Нарциссъ все сіе ни во что вмѣняетъ, для того что каждой день на все сіе смотритъ Ему надобны огромныя палаты, богатые уборы, серебреныя лампады, сервизы и цуговыя кареты. Да счастливъ ли онъ со всѣмъ симъ? Никакъ! для того, что другіе помянутыми вещьми богатѣе его. Несущественное въ сихъ вещахъ ему угодно, но то весьма пріятно, что у него такія вещи есть, какихъ у другихъ людей нѣтъ.

11. Какъ много такихъ вещей на свѣтѣ, безъ которыхъ мнѣ пробыть можно, когда я кромѣ нужнаго ничего не требую. Желаніе имѣнія, такую цѣну на богатство кладетъ, которой въономъ, по удовольствіи желанія, и узнать не возможно.

12. Чѣмъ меньше вещей ко удовольствію моему потребно, тѣмъ спокойнѣе и безопаснѣе я буду. Скупость и честолюбіе больше невольниковъ имѣетъ, нежели бѣдность и убожество.

13. Въ какомъ я презрѣніи богатство ни имѣю, однакожъ не всѣхъ богатыхъ презираю. Хотя иной не только богатство въ велико не ставитъ, но и отвергаетъ, однакожъ весьма богатъ; токмо я его за сіе не хулю, но за то бы не хвалилъ, ежелибъ онъ безъ богатства пробавиться, и ни чѣмъ кромѣ онаго доволенъ быть не могъ, или бы богатство свое во зло употреблялъ. Хотя умной человѣкъ богатства и не любитъ, однакожъ столько имѣнія желаетъ, чтобъ у другихъ не просить; только сіе имѣніе не въ душу свою и не въ сердце запираетъ, но хранитъ оное въ домѣ своемъ. Отъ владѣнія богатствомъ не отрекается,

 но

но за такую вещь оное почитаетъ, которая можетъ его добродѣтель свѣту показать и прославить. Поистиннѣ разумной человѣкъ въ богатствѣ болѣе силъ и способу имѣетъ къ показанію своей щедрости и великодушія, нежели въ убожествѣ. Въ недостаткахъ то главная добродѣтель, чтобъ человѣку бодрствовать и въ уныніе не притти; а въ богатствѣ всѣ добродѣтели оказываются, а именно воздержаніе, щедрость и доброй порядокъ. Того можно славнымъ назвать, кто будучи богатъ, хранитъ сіи добродѣтели, и ни чѣмъ не повреждается. Воистинну тотъ славенъ, кто посреди богатства духомъ нищъ; только тому менше бѣдъ и страха, у кого меньше богатства. Я только для того богатства желаю, что бы съ большею щедростію и благодѣяніемъ помогать бѣднымъ.

Утѣшительное разсужденіе.
О смерти.

1.

Кто часто разсуждаетъ о смерти, тотъ лучше оную познаетъ, и въ такое состояніе приходитъ, что

ее меньше бояться будетъ. Нѣтъ нужнѣе и полезнѣе разсужденія о смерти: ибо ничто на свѣтѣ такъ не подлинно, какъ смерть. И для того почтимся оную не только ежедневно, но ежечасно и при всякомъ случаѣ помнить. Когда лошадь подо мною спотнется, буде съ высокаго мѣста упаду, и ежели меня гадъ, или звѣрь укуситъ, то мнѣ самому себѣ надобно сказать: помни смерть. Когда человѣкъ здоровъ, то о смерти безпристрастно разсуждая говоритъ: „Умереть такъ „умереть: смерть окладное дѣло„.

Но сіе въ то время говорится, когда скоро умереть не надѣемся; а когда часъ смерти приближается, то сія храбрость всеконечно изчезнетъ. Какъ бы кто ни умствовалъ, и въ болезненныхъ припадкахъ ни крѣпился, но когда приближеніе смерти почувствуетъ, то уже прямое лицо природнаго трепета и страха покажетъ.

2. Ежели прилѣжно и здраво разсудить, какихъ великихъ бѣдъ, безпокойствъ, страховъ, болѣзней, печалей и напастей человѣкъ смертію своею избавится; такъ для чего того

го ему бояться, что отъ сихъ мукъ его освобождаетъ ?

3. Понеже я съ тѣмъ родился, что бы мнѣ когда нибудь умереть, то сїе я всегда помню, дабы мнѣ въ то время не испужаться, когда конецъ моей жизни придетъ, вѣдая, что сей долгъ натурѣ безъ роптанїя платить надлежитъ.

4. Человѣку чрезвычайнымъ размышленїемъ о смерти ума своего трудить, а непрестаннымъ о ней напоминанїемъ духа своего колебать не должно. Быстрое и ежеминутное теченїе жизни нашея, само намъ о смерти напоминаетъ. Я въ себѣ чувствую, что на всякой часъ ближе къ смерти подхожу; а послѣдняго часа не знаю, только то вѣдаю, что онаго конечно не миновать.

5. Для чего мнѣ страшиться смерти ? Развѣ сей страхъ оную отвратитъ ? Или я думаю, что мнѣ никогда не умирать ? Развѣ мнѣ одному того отнюдь не хотѣть, чего никому миновать не можно? Дабы не бояться вещей неизвѣстныхъ, то требуется для того добродѣтель; а къ умѣренности страха о неминуемыхъ случаяхъ, здравой разумъ надобенъ.

А понеже смерть дѣло необходимое, то оныя ждать, и къ пришествію ея готовиться должно: ибо какъ бы человѣкъ ни боялся, однако часа смертнаго ни миновать, ни избѣжать не можетъ.

Безумной смерти боится и бѣгаетъ, лишенной разума оныя ищетъ, а мудрый человѣкъ безъ дальняго страха ее ожидаетъ.

6. Ежели человѣкъ предъ смертію великую болѣзнь чувствуетъ, то скоро отъ оной освободится; ибо жестокія болѣзни обыкновенно не долговременны, и тѣмъ полезны, что человѣка отъ всѣхъ болѣзней и такихъ скорбей вдругъ освобождаютъ, въ которыхъ бы человѣкъ нѣсколько лѣтъ мучиться могъ.

Для чего мнѣ думать, будто самая смерть великую болѣзнь причиняетъ. Знаюли только я, что есть смерть? Можетъ быть, что человѣкъ въ то время болѣе отрады, нежели болѣзни чувствуетъ. Обмороки, какъ предверіе и живой смерти образъ, сіе разсужденіе подкрѣпляютъ; а сонъ такое же подобіе, и тожъ возвѣщаетъ. По крайней мѣрѣ сему для того противиться не возможно,

можно, что я сего ни самъ собою, ни чрезъ другихъ никогда не пробовалъ.

7. Я иду къ смерти, то есть въ такое мѣсто, куда все идетъ. Всѣ мы туда идемъ, и хотя одни ранѣе, и другіе позже, однако всѣ тамъ будемъ. Развѣ я одинъ тамъ быть не желаю, куда все рожденное идетъ? Прежде меня бывшіе туда пришли, со мною живущіе идутъ, а и по мнѣ будущіе всѣ туда же послѣдуютъ.

Великіе и малые, богатые и убогіе, премудрые и безумные, старые и молодые, умные и дураки, всѣ одно теченіе продолжаютъ, и на одномъ мѣстѣ остановятся. Сколько тѣхъ людей, которые въ одно время со мною умрутъ?

8. Обстоятельства предъ кончиною челочѣческою, страшнѣе самой смерти. Какъ человѣку не испужаться отъ слезъ, крику, вопля и рыданія предстоящихъ, которые другъ на друга смотря плачутъ, шепчутъ, болящему же скорой смерти никто объявить не осмѣлится, а лѣкари домашнимъ приказываютъ, болящаго въ путь вѣчной готовить. Друзья и сродники пріѣзжаютъ, будто бы для посѣщенія, а въ самомъ дѣлѣ для прощенія съ больнымъ. Всѣ въ молча-

ніи

нїи и печальномъ видѣ сидятъ. Нѣкоторые изъ домашнихъ свѣчи, а другїе ладонъ несутъ. Отъ сего приготовленія не только при смерти лежащей, но и здоровой человѣкъ въ страхъ и унынїе притти можетъ. А ежели всѣ сїи церемонїи оставивъ, безпристрастно о смерти разсудимъ, то она ничто иное есть, какъ мгновенїе ока, преселяющее насъ изъ одного мѣста въ другое, то есть въ мѣсто вѣчнаго блаженства и покоя, ежели человѣкъ добродѣтельно жилъ. Смерть ни малаго въ томъ участїя не имѣетъ. Добродѣтельная жизнь, есть духовная, крѣпость, порука и вѣрная предвозвѣстница некончаемаго веселїя и сожитїя съ Богомъ.

9. Я посреди свѣтскихъ забавъ и веселія смерть помню, и о ней разсуждаю, дабы мнѣ въ сихъ веселїяхъ не углубиться и себя не забыть; а и посреди болѣзней тужъ мою кончину для того напоминаю, чтобъ она меня въ крайней страхъ и отчаянїе не привела. Не знаю, гдѣ смерть меня застанетъ, и въ которой часъ придетъ, и для того вездѣ ее и всегда ожидаю. Хотя я не меланхоликъ, однако задумчивъ; а во время сего углубленія въ мысляхъ, ничѣмъ

такъ не веселюсь, какъ разсужденіемъ о смерти, которую такимъ образомъ себѣ представляю:

Въ совершенномъ здоровьѣ лежа на постелѣ, думаю, будто я такъ болѣнъ, что лѣкари пользовать меня отказались, а жена, дѣти, отецъ мать, братья, сестры, сродники и друзья подлѣ и около меня сидя плачутъ; такъ власно со мною при часѣ смерти будетъ. Тогда начну забываться, и не то говорить; умъ и разсужденіе станетъ отъ меня отступать, ноги и руки мои похолодѣютъ, страха и смятенія наполненныя глаза на одномъ мѣстѣ остановятся, блѣдное лицо мое посинѣетъ, зубы почернѣютъ, языкъ отолстѣвъ онемѣетъ, грудь начнетъ подыматься, гортань хрипѣть, всѣ члены по маловременномъ дрожаніи похолодѣвъ одеревенѣютъ. А я послѣднимъ тоскованіемъ и болѣзненными видами предстоящихъ въ плачь и ужасъ приведу. Наконецъ духъ мой послѣднимъ дыханіемъ испустивши, какъ свѣча погасну, и вдругъ затихну, а потомъ какъ испорченная машина со всѣмъ распадусь.

По семъ бездушное мое тѣло обмывши, и саванъ на оное надѣвъ, а по-

потóмъ въ гробъ положа въ могилу поставятъ и землею засыплютъ. Мертвое тѣло никогда гроба не требуетъ, но страхъ смотрящихъ на него, не только постороннихъ людей, но сродниковъ и друзей принуждаетъ, какъ наискорѣе сего мертвеца земли предать.

Тогда ужè всѣ отъ меня удалятся, и всѣ меня оставятъ. Развѣ кто нибудь изъ бѣдныхъ моихъ служителей, или какой милостивой человѣкъ закрывъ мои глаза, и руки мнѣ на грудь положивши, до тѣхъ поръ по природному человѣколюбію у мертваго моего тѣла посидитъ, пока оное изъ той хижины вынèсутъ, въ которую ужè ему никогда не возвращаться.

Сего то я на всякой день жду, и для того ни мало на мою жизнь не полагаюсь, и на всѣ богатства сего свѣта весьма безпристрастными и власно какъ чужими глазами смотрю. Почто о такомъ имѣніи неусыпно себя безпокоить, которымъ человѣкъ такъ мало, и столь короткое время владѣетъ? Ежелибъ людямъ безсмертнымъ быть, тобъ они о собраніи богатства и о утвержденіи своего благополучія на свѣтѣ, больше

ны-

нынѣшняго попеченія имѣть не могли. А я больше примѣрамъ, нежели разсужденіямъ послѣдую. Видя всякой день, что не только друзья и знаемые мнѣ, но сродники и ближнія мои умираютъ, жду какъ сей жребій до меня дойдетъ; а въ ожиданіи онаго, ежелибъ можно, и чину и состоянію моему не предосудительно было, тобъ удалясь отъ свѣта, въ пустынѣ жилъ. Что же до чести, богатства, роскошей и веселія касается, то при всѣхъ сихъ случаяхъ думаю, будто я на смертной постелѣ лежу, и для того ихъ ни во что ставлю, что они здороваго человѣка благополучнымъ не творятъ, больному здоровья не даютъ, и слѣдственно не нужны, а мертвому ихъ въ гробъ съ собою взять не льзя.

10. Ежели я безмѣрно смерти боюсь, то мнѣ еще слѣдующее разсудить надлежитъ. Кто смѣетъ большому, а особливо знатному сказать, что ему умереть должно, вѣдая, что онъ сего чрезъ мѣру боится? Кто осмѣлится въ сей вѣчный путь его приготовить? Все то отъ очей его удаляютъ, что ему наималѣйшее сомнѣніе причинить можетъ. Супруга его съ крайнею осторожностію всѣмъ

тѣмъ

тѣмъ противится, которые болящему ея мужу близкую кончину объявить намѣряются. Дѣти его забѣгаютъ напередъ къ лѣкарямъ, и просятъ ему сказать, что онъ выздоровѣетъ; а лѣкари ужѐ всѣ отстать отъ него хотятъ. Друзья обнадеживаютъ, что въ немъ ни малаго страха смерти нѣтъ, а сами видятъ, что ему до вечера не дожить; служители и домашніе для подкрѣпленія той надежды, которою болящаго ласкаютъ, веселость въ своихъ глазахъ ему кажутъ, которые по немъ заплаканы и отъ слезъ покраснѣли; и хотя ужѐ видятъ, что со всѣмъ кончается, однако и тогда его утѣшаютъ, а никто не скажетъ, что умираетъ.

11. Сей конецъ моей жизни не душѣ, но только тѣлу послѣдней часъ. Все около меня сущее почитаю я за уборы постоялаго двора, или наемной квартиры, съ которой мнѣ скоро съѣжать должно. Натура выходящихъ на свѣтъ съ принужденіемъ посылаетъ, и отходящихъ съ свѣта также силою влечетъ. Она человѣку не только того съ собою взять не позволяетъ, въ чѣмъ онъ родился, но еще и тѣла его лишаетъ. Я сей день смер-

смерти за начало вѣчной себѣ жизни и нескончаемаго блаженства почитаю. Когда святая вѣра предписываетъ мнѣ правила къ добродѣтельной жизни, обѣщая не ложно, что буду наслаждаться вѣчнымъ зрѣніемъ Творца всего міра, то развѣ бы я обезумѣлъ, чтобъ началъ бояться оставить маловременную жизнь, наполненую мнимыми благими, а истинными и подлинными злостьми? Что въ самомъ дѣлѣ свѣтъ сей за вещь, что никто съ нимъ разстаться не хочетъ? Зборное мѣсто лжи и суеты. Забавы его обманъ, веселье, прелесть, ласканіе предательство, богатство тлѣнъ, счастіе тѣнь, а благополучіе наконецъ почти всегда въ дѣйствительное несчастіе обращается. Свѣтъ сей громада разныхъ фигуръ, которыя сперва намъ покажутся, а потóмъ ихъ и не станетъ; также перемѣна чиновъ, людей и щастія, которые начинаются и окончеваются, встаютъ и падаютъ, являются и пропадаютъ. Гдѣ намъ свѣтъ сей свободу обѣщаетъ, тамъ ничего кромѣ суеты и неволи нѣтъ; а гдѣ миръ и тишину даетъ, тутъ кромѣ безпокойства и несогласія ничего не сыщешь. Гдѣ веселіемъ и радостью обнадеживаетъ,

тамъ

тамъ ничего кромѣ печали и горестей не найдется. Наилучшія его пріязни скоро оканчеваются: чести и знатныя титла со временемъ заглаждаются; роскоши, забавы, сладости и веселія сего свѣта, тайную горесть и долговременное раскаяніе по себѣ оставляютъ; слава по прошествіи нѣкотораго времени, въ вѣчное забвеніе приидетъ. Ничто въ ономъ не можетъ учинить насъ благополучными, понеже сердца человѣческаго ничто изъ земныхъ и тлѣнныхъ, кромѣ духовнаго и небеснаго вѣчнаго наполнить не можетъ. Сіи свѣтскія вещи въ самихъ себѣ малы, и весьма безсильны. Правда, что красота ихъ глазъ человѣческой прельщаетъ, похзала о нихъ слухъ увеселяетъ, сладость вкусъ нашъ довольствуетъ, богатство тѣлу пріятно, только ни одна изъ сихъ вещей духа человѣческаго насытить и удовольствовать не можетъ: для того, что всѣ сіи имѣнія ложныя и въ самомъ дѣлѣ такія подлинныя злополучія, которыя человѣка злѣйшимъ и безчастнѣйшимъ творятъ. Наилучшее благополучіе не только суетно и тлѣнно, но весьма тягостно, а при томъ полно горестей и печалей. Не только въ раздранныхъ рубищахъ, и заключенные

въ

въ желѣзахъ плачутъ, но и живущіе на свободѣ, которые имѣютъ во всемъ изобиліе, не меньше тужатъ и вздыхаютъ. Добродѣтель на свѣтѣ во всегдашнемъ гоненіи, вѣра и вѣрность въ непрестанномъ страхѣ, набожность показаться не смѣетъ, смиреніе съ кротостію стыдится, чистота ежечасныя нападки и искушенія терпитъ. Вольное и невольное убожество въ равномъ презрѣніи. Кто постоянно свою должность исполняетъ, надъ тѣмъ смѣются; того за безумца и пустосвята почитаютъ, кто умерщвляя страсти и чувства свои на земли, сердце свое, мысль, вѣру и любовь къ Богу возводитъ. У иныхъ пагубное ученіе, у другихъ прелестные примѣры, у третьихъ заблуженіе съ невѣденіемъ, у четвертыхъ развращенное и вредное толкованіе, пятые такъ въ политику вдались, что вѣру на уловленіе добросердыхъ и непорочныхъ душъ употребляютъ; у шестыхъ такое лицемѣріе, которое наигоршіе пороки и беззаконія ложнымъ видомъ добродѣтели украшаетъ; у седьмыхъ насильства влѣкущія ко грѣху, у восьмыхъ гнусное ласкательство для прикрытія чужихъ пороковъ къ полученію собственной поль-

пользы. Въ такомъ крайнемъ замѣшательствѣ множество людей разными страстьми страждущихъ. Одни надмѣнны гордостію, другіе ослѣплены корыстію, третьи возжены любовію, четвертые пылаютъ ненавистію, пятые таютъ съ зависти, шестые утопаютъ въ лѣности, седьмые повреждены роскошью, и такъ далѣе. Худое то правительство, гдѣ всеобщее поврежденіе на подобіе тлѣтворнаго вѣтра и моровой язвы вкоренилось. То въ свѣтѣ и дѣло, чтобъ обманывать и обмануту быть. Люди на подобіе муравьевъ въ непрестанномъ движеніи и другъ объ друга бьются; иные для содержанія гордости, другіе для подкрѣпленія честолюбія, а наибольше ради собранія корыстей. Какое поврежденіе въ нравахъ! Какое чрезвычайное и раззорительное щегольство въ платьѣ! Какія неправды и пронырства въ судахъ! Какіе обманы въ комерціи! [въ купечествѣ] Какія лести и притворства въ обхожденіи! Какія вѣроломныя предательства въ дружбѣ! Какая невѣрность въ супружествѣ! Какое лицемѣріе и пустосвятство въ набожности! Какая холодность и небреженіе о душевномъ спасеніи! Не всѣ ли тѣ бѣдные не-

невольники свѣта, которые всегда въ суетѣ и въ движеніи? Всегда въ невоздержныхъ роскошахъ, ни въ какой страсти мѣры не знаютъ; ни мало себя отъ оныхъ не удерживаютъ, а къ добродѣтели не принуждаютъ, и о душахъ своихъ такъ мало пекутся, какъ будто бы душъ въ нихъ и не было.

Кто свѣтъ сей для того любитъ, что онъ ему высокія достоинства, богатство, честь и славу обѣщаетъ, тотъ о всемогуществѣ Божіемъ не разсуждаетъ.

Кто выше и сильнѣе Бога? Предъ кѣмъ колѣна небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ преклоняются? Предъ кѣмъ Цари и Монархи сего свѣта скипетры и короны свои полагаютъ? Кто таковъ какъ Богъ? Предъ нимъ же всѣ царства и монархіи свѣта, какъ прахъ или пепелъ, которой властію его въ одинъ часъ свѣянъ, и уничтоженъ быть можетъ. Кто сильняе Бога, котораго велѣніемъ, не только ужасные гремятъ громы и молніи блистаютъ, но небо и земля предъ нимъ трепещетъ? Кто премудрѣе Бога, которой все самъ видитъ, и не содѣланное знаетъ? Кто богатѣе Всемогущаго? Онъ одѣваетъ

поля

поля зеленостію, и украшаетъ цвѣтами, даетъ плодъ древамъ, золото и серебро нѣдрамъ земнымъ, перлы въ раковинахъ, а алмазы въ камняхъ скрываетъ, и всей натурѣ плодородіе даруетъ. Кто нашего единаго, душевнаго и вѣчнаго любленія достоинъ кромѣ Бога? Онъ самая всесовершенная любовь, неизреченное и непостижимое Величество. Перьвая правда, не описанная красота, крайнее блаженство, неисчерпаемой источникъ блага, наслажденіе безъ болѣзни и горести, изобиліе безъ убожества, жизнь безсмертная и радость безконечная.

Я несомнѣнно уповаю, естьли я заповѣди его исполнялъ, то душа моя по смерти моей въ нѣдрахъ сего всеблагаго и милосердаго Бога будетъ, и сіе единая мнѣ отъ смерти утѣха.

12. Чѣмъ меньше я прелестями сего бѣднаго свѣта наслаждаться стану, тѣмъ легче преселеніе въ вѣчную жизнь мнѣ будетъ. Мы желаемъ спастись, а свѣтъ сей того ищетъ, какъ бы насъ погубить. Человѣкъ ищетъ яснаго познанія своихъ должностей, и прямаго пути къ спасенію души, а прелестной свѣтъ всякія хитрости и коварства употребляетъ,

какъ

какъ бы человѣка въ заблужденіе привесть. Мы хотя въ томъ необходимую погибель признаваемъ, ежели сердце къ чувственнымъ роскошамъ прилѣпится, однако не смотря на то свѣтъ сей роскоши для поврежденія безпрестанно человѣку представляетъ. Богъ требуетъ себѣ отъ человѣка такой любви, которую бы ни жена, ни дѣти, ни родители, ни друзья нарушить не могли; а прелестной свѣтъ желаетъ, что бы сію любовь люди къ тварямъ имѣли. Богъ повелѣваетъ намъ ближняго какъ самого себя любить, и великія его согрѣшенія прощать; а поврежденной свѣтъ того за безумца и подлаго труса почитаетъ, кто обидъ своихъ не мститъ. Богъ повелѣваетъ намъ такую крѣпкую вѣру имѣть, чтобъ мы за охраненіе оныя и умереть не боялись; а пагубной свѣтъ всякимъ образомъ старается, какъ бы сея вѣры насъ лишить, и для почтенія человѣческаго повелѣніе Божіе нарушить. Богъ увѣряетъ насъ, что плачущіе утѣшаться, изгнанные за правду царство небесное получатъ; а свѣтъ сей наущаетъ, чтобъ человѣку на земли крайнято благополучія искать. Тѣ свою жизнь счастливо пре-

препровождали, которые не долго жили; а кто посреди сѣтей и искушенія живетъ, тотъ безъ паденія долго жить не можетъ.

13. Пока я на свѣтѣ, то хотя земными благими и питаюсь, однакожъ больше о небесныхъ помню, для того что они вѣчны и нетлѣнны, а земное все временно и тлѣнно.

14. Потщусь же я крайнее о томъ стараніе прилагать, чтобы мнѣ смерти не весьма бояться, но то дѣлать, за что бы я христіанскую кончину отъ Бога получить могъ. Великая въ томъ заключается важность, чтобъ дѣло единожды и изрядно здѣлать, котораго конецъ сомнителенъ, слѣдствіа изъ того могутъ быть опасныя, а погрѣшностей ни чѣмъ исправить и загладить будетъ не возможно. Кто спокойно кончины желаетъ, тому должно страсти свои такъ умерщвлять, чтобъ всѣ его грѣхи за долго до смерти умерли. Все мое умствованіе, вся наука, и вся премудрость въ томъ состоитъ, чтобъ къ смерти готовиться. Мнѣ самому себѣ лучше сего совѣта дать не льзя, какъ токмо, чтобъ часто помнить послѣдней часъ, и всю мою жизнь по оному учреждать,

дать, дабы добровольно отъ того за благовременно отставать, отъ чего смерть силою влечетъ, а чрезъ всю малсвременную жизнь къ тому готовиться, гдѣ мнѣ вѣчно быть должно.

Блаженная и спокойная кончина всю нашу жизнь вѣнчаетъ. Въ то время счастію и надеждѣ отъ сердца скажу.

Нашелъ я себѣ пристанище, надежда и счастье прощайте, довольно мною играли, играйте надъ другими.

КОНЕЦЪ.

ПРА-

ПРАВИЛА И СОВѢТЫ.

Какъ человѣку въ свѣтѣ угодить, разумно себя вести и честно жить.

1.

Ежели на свѣтѣ счастія и почтенія желаешь, то бойся Бога, будь вѣренъ своему Государю, и живи такъ какъ доброму и честному человѣку надлежитъ.

2. Ежели кто для услуги и одолженія тебѣ три шага ступитъ, то ты для благодаренія за сіе десять шаговъ учини.

3. Ежели счастія не имѣешь, то заслугами онаго удостоиться потщись, а глаза слѣпой фортуны, кромѣ добродѣтели, частаго благотворенія и всегдашняго честнаго трудолюбія ничемъ не открываются.

4. Человѣку въ словахъ своихъ великую осторожность употреблять должно. Не только небреженіемъ или въ шуткахъ, но временемъ и нарочно сказанное слово, весьма дорого тому приходитъ, которой за сіе слово честь получить надѣялся.

5. Такихъ отнюдь предъ людьми не поноси, и ничего имъ публично не выговаривай, которые твоему ис-

правленію подвержены: ибо въ противномъ случаѣ самъ о себѣ покажешь, что ты сихъ людей больше самихъ, нежели слабости и пороки ихъ ненавидишь.

6. Ищи себѣ друзей сколько возможно; только вѣрныхъ и истинныхъ такъ мало изъ нихъ найдешь, что едва изъ ста можноли будетъ на одного положиться. Самъ въ себѣ наилучшаго друга получишь, ежели должность свою къ Богу и ближнему рачительно исполнять будешь.

7. Свѣтъ сей по мѣрѣ того времени люби, сколько тебѣ во ономъ жить. Путешествующей въ перьвомъ городѣ не останавливается, но мимо его проѣжаетъ, вѣдая, что ему еще далѣе ѣхать.

8 Въ какомъ бы ты чинѣ и состояніи ни былъ, только болѣе себя на дѣлѣ, а не на словахъ оказывай. Правда и добросердечіе человѣка больше всего въ чинѣ и состояніи его содержатъ; а самохвальство и тщеславіе не много поможетъ.

9. Ежели въ знатномъ чинѣ и высокомъ достоинствѣ обрѣтаешься, то такихъ людей при себѣ имѣй, которые Государю и государству дѣйствительную службу учинить могутъ

гутъ. Чего тебѣ не исполнить, того не обѣщай; а совѣтуй съ такими людьми, которые тебѣ безкорыстны и безпристрастны кажутся.

10. Бѣгай лѣности, какъ перьваго и большаго зла; когда духъ не въ трудахъ, то онъ тѣломъ здѣлается, а ежели онъ въ трудахъ, то и тѣло духомъ будетъ. Въ движенiи, трудахъ и работѣ человѣкъ себя помнитъ, а въ лѣности и роскошахъ самъ себя забывши скоту уподобляется.

11 Крѣпость своея души словами, а славу твоего рода дѣлами покажешь.

12. Друзей своихъ часто посѣщай, только у себя ничѣмъ не неволь, и отнюдь къ долгому пребыванiю въ домѣ своемъ не принуждай: ибо чрезъ сiи способы дружбы ихъ лишиться можешь.

13. Всякъ въ своемъ званiи и должности трудись, чтобъ на свѣтѣ хвалу и почтенiе получить. Заслуги весь свѣтъ въ такомъ высокомъ почтенiи имѣетъ, котораго ни за великiе милiоны купить не возможно.

14. Заподлинно вѣрь, что сего состоянія на свѣтѣ хуже нѣтъ, ежели человѣкъ никакого ремесла и дѣла не имѣетъ: ибо той жизни скучнѣя быть не можетъ, которая во всегдашнихъ забавахъ, или въ непрестанныхъ разъѣздахъ и посѣщеніяхъ проходитъ. Кто всегда въ гостяхъ, а дома рѣдко бываетъ, тотъ по видимому свободенъ, а въ самомъ дѣлѣ связанъ и невольникъ.

15. Ежели ты надъ военными или надъ статскими людьми власть имѣешь; то помни, что начальникъ, по достоинству чинъ свой отправляющей, долженъ собою другимъ примѣръ давать, и болѣе дѣлать, нежели говорить.

16. Ежели чинъ и служба твоя до наукъ тебя не допускаетъ, то по крайней мѣрѣ ученыхъ людей люби и почитай.

17. Всякаго человѣка такъ равномѣрно почитай, какова почтенія самъ отъ людей желаешь.

18. Ежели ко всѣмъ ласковъ будешь и благопріятенъ, то всякъ твоего обхожденія усердно искать будетъ.

19. Правдою и вѣрностію своею у всѣхъ въ любовь притти можешь,

а случающїяся дѣла здравымъ разумомъ и умными рѣчами скоро окончаешь.

20. Домашнїя свои печали молчанїемъ покрывай; а хотя люди нѣчто о томъ провѣдаютъ, однако на лицѣ своемъ ни малаго унынїя не показывай. Симъ способомъ принудишь вѣрить, что о печаляхъ твоихъ разсѣяли слухъ ложной, или оныя печали такъ не важны, что твоего разсужденїя не достойны.

21. Ежели страстямъ своимъ покоришься, то самъ себѣ злѣйшей непрїятель будешь.

22. Друзей и сродниковъ своихъ веселымъ и радостнымъ лицомъ принимай и прїятнымъ видомъ провожай; а ежели иначе поступишь, то они къ тебѣ ѣздить не станутъ.

23. Къ такимъ токмо персонамъ совершенную повѣренность имѣй, которыя заслугами, правдою, разумомъ и добродѣтельми своими прославились. Ихъ однихъ за неподвижныя и такїя свѣтила почитай, которыя тебя въ темнотѣ разныхъ несчастїй твоей жизни просвѣтить могутъ; а другихъ всѣхъ признавай за блудящїя звѣзды, которыя по маломъ сїянїя вдругъ исчезаютъ.

24. Чистота въ уборахъ твоегѡ дому и экипажа, а скромность въ твоихъ словахъ покажетъ людямъ, что умъ твой порядоченъ, а сердце безъ пристрастія.

25. Худая поступка больше въ томъ состоитъ, что человѣкъ таитъ, нежели въ томъ, что объявляетъ. Пользуйся симъ правиломъ, и обманчивой наружности не ввѣряйся. Когда бы то ни было, однако она тебя со временемъ покажетъ, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ.

26. Богатство многихъ въ несчастіе приводитъ. Которые не имѣя онаго желаютъ, и кои получивъ боятся потерять, равнаго сожалѣнія достойны. Ты напротивъ того ни къ тѣмъ, ни къ другимъ не приставай.

27. Ни благородіемъ, ни богатствомъ, ни имѣніемъ, нижѐ знатнымъ достоинствомъ, но токмо тѣмъ на свѣтѣ прославишься, какъ все сіе употреблять будешь.

28. Многими услужностями и недруговъ къ себѣ склонишь; а чѣмъ болѣе страстямъ своимъ ласкать станешь, тѣмъ меньше въ состояніи будешь оными обладать.

29. Двои ворота жизни: одними дверми входятъ, а другими выходятъ. Чѣмъ болѣе отъ однихъ воротъ удалишься, тѣмъ больше къ другимъ приближаться станешь. Часто о семъ думай и прилѣжно разсуждай.

30. Живи такъ, какъ бы ты очень старъ былъ, дабы тебѣ о своей молодости не сожалѣть и не раскаиваться.

31. Роскошь и игра, два главные источника бѣдности. Чѣмъ болѣе на свѣтѣ жить будешь и присмотришься, тѣмъ больше ихъ узнаешь.

32. Кто во время умѣетъ потерять, тотъ много выигрываетъ; и ежели въ случаѣ, нѣчто отъ своего интереса и пользы упустишь, то такъ поступишь, какъ премудрому и искуснѣйшему человѣку надлежитъ.

33. Никому о несчастіи и о худомъ состояніи дѣлъ его отнюдь не говори, ежели къ учиненію ему помощи, ни склонности, ни силы не имѣешь. А ежели иначе здѣлаешь, то не только весьма не умно поступишь, но и безъ всякой причины сего бѣднаго человѣка опечалишь.

34. Кто безъ причины сердится, тотъ въ умѣ своемъ непорядоченъ и жить не умѣетъ. Съ друзьями

своими обходись просто, также о преимуществѣ ранга и чести отнюдь съ ними споровъ не зачинай, вѣдая, что симъ способомъ безъ всякой причины и въ одинъ часъ дружбу съ ними разорвешь, которая между вами нѣсколько лѣтъ счастливо продолжалась.

35. Ежели въ компанїю придешь, то не всякїя бездѣлицы сказывай, которыя ты отъ людей слышалъ, или въ книгахъ читалъ. Буде же не послушаешься, то люди узнаютъ, что разсужденїе твое съ памятїю не равно и не сходно.

36. Несчастїе само въ себѣ не великое дѣло, ежели только кто оное терпѣливно снести можетъ. Буде же человѣкъ въ упадкѣ и въ несчастїи безмѣрно печалиться и крушить себя станетъ, въ такомъ случаѣ несчастїе весьма тягостно.

37. Кто спокоенъ и веселъ быть желаетъ, тому кромѣ надобнаго и нужнаго ничего имѣть не должно. Излишнее ненадобно: ибо болѣе человѣку вреда нежели пользы приноситъ. Можетъ быть, что сїе правило вамъ не понравится; только не печальтесь, я презъ сїе нужное то разумѣю, чѣмъ вы по своему чину,

достоинству и состоянію въ свѣтѣ жить и пробавиться можете. А всякое выше сего идущее излишество такія мысли подастъ, которыхъ я вамъ не желаю.

38. Свѣтъ сей только тѣмъ страшенъ, которые ничего кромѣ свѣтскихъ правилъ и угожденія не любятъ; а кто на все свѣтское безпристрастнымъ окомъ смотритъ, тому свѣтъ всегдашняя наука ко убѣжанію грѣха, и къ послѣдованію добродѣтели.

39. Милости Государской отнюдь такими подлыми поступками и худыми дѣлами не покупай, которыя шляхетному роду неприличны, и доброму воспитанію непристойны.

40. Знатныя особы обязаны ко всѣмъ благопріятны, учтивы и склонны быть. Они временемъ и не съ великими людьми въ такое тѣсное, и по видимому простосердечное обхожденіе входятъ, что сей поступки ихъ понять не возможно. Чѣмъ больше вамъ сей нравъ и состояніе покажется, тѣмъ лучшую славу о себѣ причинишь.

41. Великая тихость и чрезмѣрная кротость подобна глупости, или нечувствію; а чрезвычайная строгость походитъ на мучительство. Тебѣ

кротость и строгость надобно имѣть смотря по случаю, а мудрость тебя научитъ, и въ томъ и въ другомъ знать умѣренность.

42. Ежели труда и тщанія къ показанію себя добрыми и хвалы достойными дѣлами не приложишь, то никогда въ люди не выдешь.

43. Кто безмѣрно горячь, безъ разсужденія проворенъ, тотъ подобенъ лошади не имѣющей рта, которая сѣдока своего во всякія погибельныя мѣста занести можетъ, для того что сидящей узды не имѣетъ, и лошади править не можетъ. Ежели въ тебѣ сего огня много, то какъ можно его убавляй, и старайся прослыть здраваго ума и зрѣлаго разсужденія человѣкомъ, а не вѣтрянымъ и такого невоздержнаго языка человѣкомъ, о которомъ весьма приличную пословицу говорятъ: что языкъ болтаетъ, того голова не знаетъ.

44. Ежели ты какую жестокую и непорядочную страсть имѣешь, то проповѣди и нравоучительныя книги столькожъ тебѣ помогутъ, какъ разныя ѣствы больному, у котораго желудокъ такъ слабъ, что ничего сварить не можетъ.

45.

45. Будеш ты лицомъ прекрасенъ, ростомъ, станомъ, взоромъ, походкою, и всѣми видами отъ другихъ отмѣненъ, то все сіе весьма не худо; но ежели умъ и нравъ твой съ сими наружностями не сходенъ, то уподобятъ тебя худова мастерства картинѣ, которая поставлена въ пребогатыхъ рамахъ.

46. Недовольно того, чтобъ при случаѣ храбрость оказать, да добрыя поступки при томъ надобны: одна умная голова больше тысячи вооруженныхъ рукъ государству пользы и услугъ приноситъ; а искусной Генералъ лучше десяти тысячь храбрыхъ салдатъ.

47. Ежели ты трудомъ и тщаніемъ своимъ много богатства собралъ, а ни на какія честные и полезные росходы онаго не употребляешь, то тебя назовутъ лампадою, которая для того угасла, что много масла въ нее налили.

48. Старайся во всякихъ несчастіяхъ, печаляхъ и злополучіяхъ твоей жизни терпѣливымъ и великодушнымъ быть.

49. Ничего такого не дѣлай, что тебя въ безславіе привесть можетъ: ибо худая слава всегда за худыми

дѣлами ходитъ. Она подобна дыму, которой безъ сомнѣнія то мѣсто укажетъ, гдѣ огонь горитъ.

50. Ежели такое доброе дѣло здѣлаешь, про которое вездѣ съ похвалою говорить станутъ, то ужѣ конечно безъ награжденія не останешься. Придетъ такой день, въ которомъ и о тебѣ также какъ о Мордохеѣ [книги Есфир. гл. 6] вспомнятъ: честь и слава убѣдитъ Государя твоего къ учиненію тебѣ сего воздаянія.

51. Ежели съ друзьями и сродниками твоими въ любви и въ согласіи жить хочешь, то надобно тебѣ будетъ премногія бездѣлицы имъ прощать, и неважныхъ вещей въ велико не ставить. Тыжъ еще долженъ будешь и для того пороки и недостатки ихъ прощать, ежели самъ съ собою въ мирѣ и въ согласіи жить желаешь.

52. Нѣкто изъ Цесарей Римскихъ о каждомъ томъ дни своей жизни сожалѣлъ, въ которомъ онъ ни какой милости и добродѣтели не здѣлалъ. Счастливъ бы былъ родъ человѣческой, ежели бы всѣ Монархи свѣта мнѣніе сего милостиваго Цесаря имѣли, дабы и ихъ также какъ

его

его утѣхою и веселїемъ рода человѣческаго звали.

53. Ежели ты друзьямъ своимъ пробы дружества, усердїя и откровенной повѣренности не покажешь, то и отъ нихъ сего опыту не жди.

54. Часто и прилѣжно о семъ разсуждай, что хотя розовой цвѣтъ видомъ прекрасенъ и весьма благоуханенъ, однакожъ терновыми спицами окруженъ. Отъ сего научишься вѣдать, что на свѣтѣ ни одного такого высокаго чину, достоинства, богатства, веселїя и забавы нѣтъ, чтобъ при томъ какой нибудь печали или трудности не было.

55. Чѣмъ болѣе станешь стараться о поспѣшествованїи благополучїя своей фамилїи, тѣмъ больше утвердишь честь и пользу своего рода. Кто настоящаго покою бѣгаетъ, тотъ себѣ впредь большей покой съ благополучїемъ готовитъ.

56. Ежели твоего богатства въ экипажѣ, въ пространствѣ стола, въ напиткахъ, въ служителяхъ и въ прочемъ поведѣнїи твоего убудетъ, то самъ ясно увидишь, какъ число твоихъ друзей и прїятелей умалятися станетъ.

57. Нѣтъ такого чина въ свѣтѣ, котораго бы ты желать и требовать не могъ; только всеконечно ни въ одномъ чинѣ и достоинствѣ успѣху не получишь, ежели чести, доброй совѣсти и правдѣ, послѣдовать не будешь.

58. Разсматривай прилѣжно свойство тѣхъ людей, которымъ хочешь и можешь добро дѣлать, ибо у свѣтскихъ людей едва не у всѣхъ такой обычай, что они болѣе благодѣянія, нежели благодѣтеля любятъ.

59. Отнюдь того дня веселымъ, радостнымъ, а еще тѣмъ меньше благополучнымъ не называй, въ которомъ такія погрѣшности и проступки, а особливо такія роскоши и непристойности учинишь, о которыхъ не только многія лѣта стыдиться или тужить, но и по смерть свою раскаиваться можешь.

60. Ежели ты одною своею фамиліею славенъ, а персональныхъ заслугъ и добродѣтели не имѣешь; то твои прародители сіе почтеніе тебѣ даютъ, а не ты имъ честь причиняешь.

61. Ежели что давать намѣряешься, то съ такою пріязнію давай,

дабы

дабы ты людей въ двое одолжить могъ; а отказывай съ такимъ учтивствомъ, что бы тебя люди хвалили.

62. Всякому человѣку будь вѣренъ, только не за всякаго вѣрность ручайся. Людямъ столько вѣрь, сколько твоя мудрость, а ихъ добрая совѣсть и честная поступка допуститъ.

63. Чтобъ главная твоя склонность и охота была, дабы тебѣ никакой страсти не имѣть; а главное старанie и всѣ свои силы на то употребляй, чтобъ ни роскошей, ни забавъ не любить.

64. Всегда и вездѣ говори правду: гдѣ ея не любятъ, тамъ боятся и почитаютъ.

65. Все дѣлай съ разумомъ, правдою и доброю совѣстiю. Ежели такъ поступишь, то и въ такихъ дѣлахъ успѣхъ тебѣ будетъ, отъ которыхъ ты никакой пользы не чаялъ. Симъ способомъ то въ свой интересъ привлечешь, что свѣтъ сей счастiемъ и долею называетъ, то есть заслуги и добродѣтель столько тебѣ помогутъ, что люди за нихъ всеконечно справедливость учинятъ, а при томъ силы и таланты твои узнаютъ.

66. Печали и несчастія во всемъ свѣтѣ одинаковы. Сіе зная помни, что никто отъ нихъ не свободенъ.

67. Ежели успѣха въ твоихъ намѣреніяхъ желаешь, то самъ о своихъ дѣлахъ старайся.

68. Чѣмъ счастливѣе на свѣтѣ будешь, тѣмъ бóльшаго несчастія бойся.

69. Языкъ съ твоимъ сердцемъ всегда долженъ быть согласенъ. Потóмъ старайся, чтобъ слова съ дѣлами твоими совершенно согласовали, а люди бы сіе видя словамъ твоимъ больше вѣрили.

70. Ежели счастія не имѣешь, не печалься, люди и въ несчастіи будучи не только честно, но добродѣтельно, въ покоѣ и удовольствіи живутъ. Иногда сіе гораздо лучше, дабы только счастія удостоиться, нежели оное въ самомъ дѣлѣ имѣть.

71. Чѣмъ больше и славнѣе на свѣтѣ будешь, тѣмъ явнѣе твои пороки и погрѣшности будутъ. Знатной человѣкъ великихъ погрѣшностей безъ того здѣлать не можетъ, чтобъ ему за сіе крайняго несчастія и паденія не бояться. Чѣмъ болѣе чинъ и достоинство человѣка возвышаетъ,

тѣмъ

тѣмъ больше люди таланты и заслуги его забываютъ.

72. Ты родился самовластнымъ господиномъ надъ твоими глазами и языкомъ. Берегись, чтобъ повреждение твоего нрава ихъ властьми надъ тобою не учинило; а сїе подданство весьма тяжко и мучительно.

73. Ежели какую добродѣтель имѣешь, то самъ себя отнюдь не хвали; а ежели хвалиться станешь, то никто тебѣ вѣрить не будетъ.

74. Для услуги и во угожденїе друзьямъ своимъ, ничего противъ чести и совѣсти твоей не дѣлай. Тебѣ самому себя больше всѣхъ любить и хранить надобно.

75. Тебѣ наималѣйшаго ко грѣху клонящагося обыкновенїя и безчестной привычки весьма бояться должно. Сїе попозновенїе подобно искрѣ, которая закравшись въ уголъ, не только весь твой дворъ въ пепелъ обратить, но и сосѣднїе домы зжечь можетъ.

76. Ежели съ друзьями и сродниками твоими ссоры имѣть не желаешь, то никакихъ вещей имъ не продавай, и у нихъ отнюдь ничего не купи.

77. Охота къ вину и къ игрѣ сперва тебѣ покажется муравьемъ, котораго

мизин-

мизинцомъ раздавить можно; а по нѣкоторомъ времени сей муравей такимъ великимъ и страшнымъ слономъ здѣлается, что никакъ преодолѣть онаго не возможно будетъ. Напослѣдокъ ты обѣимъ страстямъ симъ такъ послѣдовать станешь, а самъ себѣ столь сильно льстить начнешь, что преодолѣніе оныхъ за напрасное и весьма невозможное дѣло признавать будешь.

78. Ежели душѣ своей мира и сердцу спокойства желаешь, то тамъ оныхъ ищи, гдѣ обѣ сіи вещи найти можно; а свѣтъ сей кромѣ одного имени ничего объ нихъ не знаетъ.

79. Истинную славу наукою, добрыми нравами и добродѣтелію пріобрѣсть можно. Сей то славы вамъ я и желаю: ибо она одна тѣхъ трудовъ достойна, которые человѣкъ о полученіи ея прилагать долженъ.

80. Между честнымъ человѣкомъ, которой въ богатствѣ и изобиліи живетъ, и между другимъ честнымъ же человѣкомъ, у котораго едва дневная пища есть, весьма великое различіе, потому что первой доброхотно даетъ, а другой просить стыдится.

81.

81. О которомъ человѣкѣ никогда не говорятъ, то подлинной знакъ, что онъ ни заслугъ, ни добродѣтелей не имѣетъ; а кто ни заслугами, ни добродѣтельми въ знатность и въ славу себя не приводитъ, тотъ и зависти ни отъ кого не имѣетъ. Хотя у тебя завидящихъ и ненавидящихъ много, однако не опасайся: ибо сей знакъ доброй, и тебѣ весьма полезной.

82. Тотъ весьма счастливъ, кто дарованнымъ себѣ отъ Бога и Монарха, или отъ предковъ полученнымъ имѣнiемъ довольствуясь, въ покоѣ живетъ, а больше ничего не желаетъ. Сiе имѣнiе подобно ключевой, всегда текущей, чистой, сладкой и здоровой водѣ; ежелижъ въ сiю воду чужое, а особливо неправедное примѣшается, то оной источникъ уподобится быстрой во время разлива рѣкѣ, въ которой вода такъ мутна, что и пить ея не льзя будетъ.

83. Не начинай прежде того говорить, пока не разсудишь, каковы твои слова, въ какой силѣ и куда клониться будутъ. Слова подобны

стрѣламъ, которыхъ въ ненадлежащее мѣсто отнюдь бросать не надобно.

84. Ежели ты скупъ, суетенъ и золъ, то домъ свой ужасною пустынею здѣлаешь; а буде въ непорядкѣ станешь жить, то всѣ умные люди отъ тебя отставать, и твоего обхожденія удаляться будутъ, и такъ въ своемъ домѣ кромѣ наглыхъ и негодныхъ людей никого не увидишь.

85. Часто помни о томъ, что ты былъ, и чѣмъ напослѣдокъ будешь; сіе разсужденіе лучше чтенія многихъ умныхъ и забавныхъ книгъ.

86. Кто собою, также чиномъ и имѣніемъ своимъ недоволенъ, тотъ на Бога и на святое его провидѣніе жалуется; а сія поступка грѣшна и безчестна.

87. Богатство человѣку на честное и спокойное препровожденіе жизни дано, а не жизнь на собраніе богатства дарована.

88. Ежели въ страхѣ Божіемъ честно и добросовѣстно жить станешь,

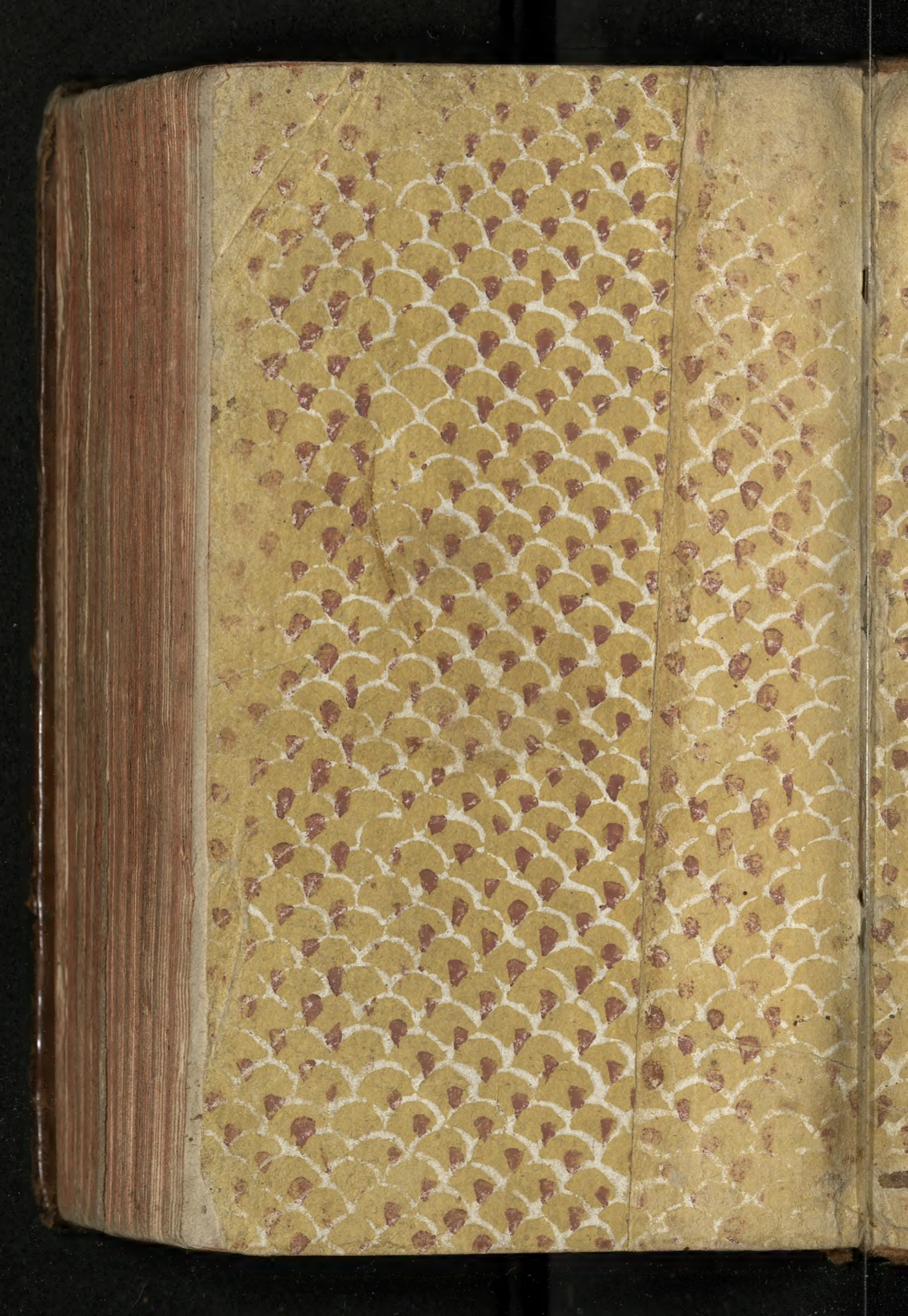
нешь, то никакого несчастія по смерть свою не бойся.

89. Старайся въ старости твоей то сыскать, что ты въ своей юности потерялъ; а ежели ты чрезъ всю свою жизнь отъ праваго пути удалялся, то остаточные дни твоей жизни старайся препроводить честно.

Кр-33.

Сія книга прочитана
много

ГПБ Русский фонд
137
23